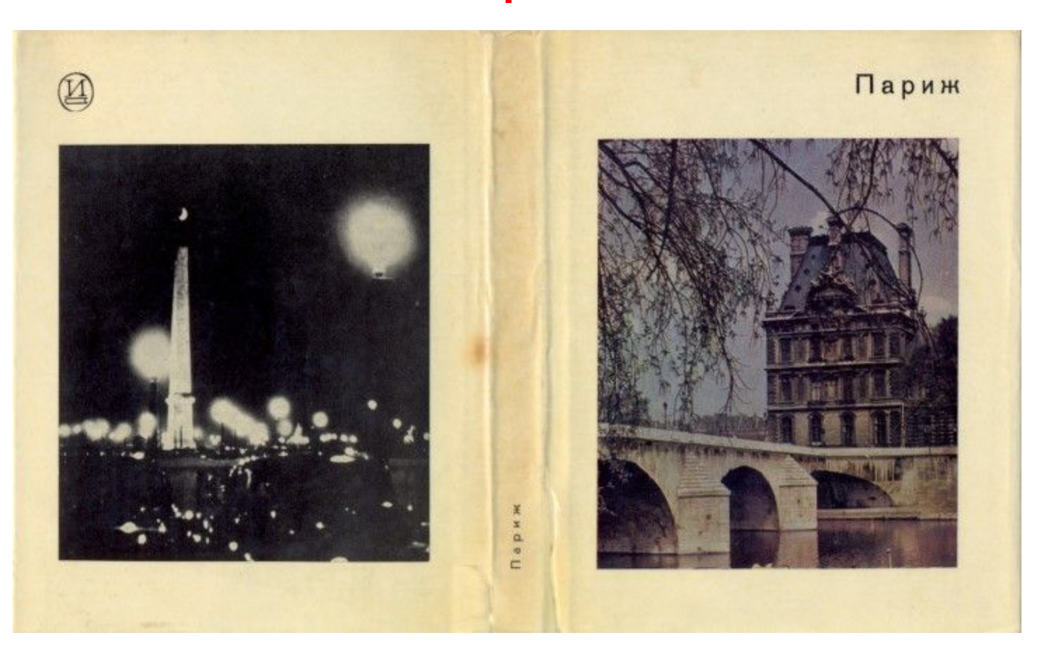
ГОРОДА И МУЗЕИ МИРА

АНДРЕ МОРУА

Париж

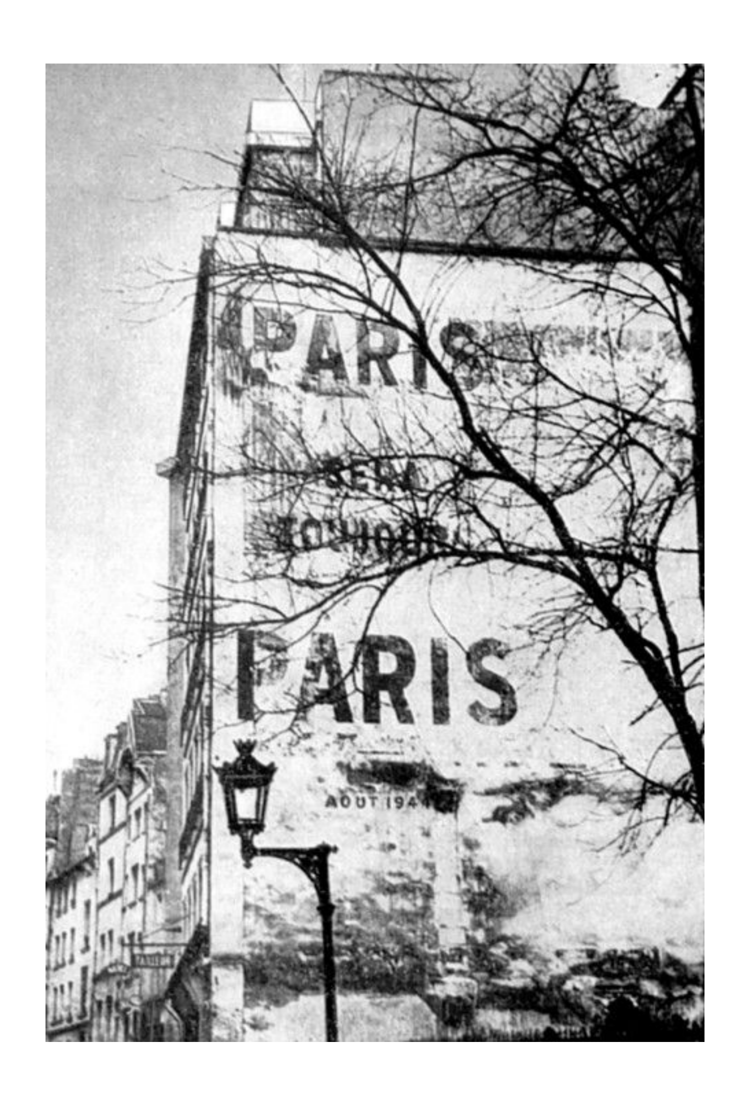
Перевод с французского Э. ЛЕОНИДОВОЙ

Комментарии И. КУЗНЕЦОВОЙ

Имя известного французского писателя Андре Моруа хорошо знакомо советским читателям. Незадолго до смерти Моруа написал книгу о своем родном городе — Париже. Написал с блеском, поэтично, влюбленно.

Рассказывая о Париже, Моруа останавливается преимущественно на исторических и литературных фактах и меньшее внимание обращает на архитектурно-художественные особенности памятников. Поэтому издательство решило сопроводить текст писателя соответствующими подробными комментариями. Отсюда и несколько иная композиция книги, чем в других изданиях этой серии.

5

Письмо иностранке

Вы всегда говорили мне о Париже, хотя никогда его не видели, с такой искренней любовью, что мне захотелось показать вам его, точнее — помочь вам вновь обрести Париж, ведь мысленно вы жили в нем долго и, пожалуй, знаете его лучше, чем я. Вы вместе с Квазимодо и Эсмеральдой бродили по старым улицам вокруг Нотр-Дам; вместе с Растиньяком обследовали семейные пансионы, которых теперь уже нет; вместе с ним поднимались к Пер-Лашез и с этого холма бросали вызов распростертому у ваших ног городу; вы сопровождали Дешартра и Терезу Мартен-Беллем * в их прогулках вдоль Сены; вы следовали за Жалэ и Жерфаньоном ** по кровлям Эколь Нормаль. Карко открыл вам Монмартр, Ромен — Бельвиль, Колетт — Пале-Рояль, Сартр — Монпарнас, Вашими гидами были и художники. Вы любите нежную гладкую Сену Лепина так же, как серо-зеленую бурную Сену Марке. Писсарро заставляет вас наслаждаться переливающимися красками парижской толпы; Бернар Ламотт — очарованием пустынных улиц и сверкающим после ливня асфальтом. Итак, вы приходите на это свидание с Парижем подготовленной годами ожидания и надежд. И вы не разочаруетесь.

Вы не разочаруетесь, ведь Париж совершеннее, многограннее, чем вы себе представляете. Я прошу вас провести в нем месяцы, может быть, годы, потому что одна из его прелестей — разнообразие. Климат Парижа умеренный. Весна мягкая. С Сены поднимается голубоватый туман. В воздухе словно блуждают частицы золота. «Вокруг по-детски чистое пространство». Голубое небо с его белыми неподвижными облачками

напоминает небеса Будена. Лето не приносит резких изменений. Обычно в июле уезжают в деревню или к морю, но даже если вы останетесь в

* Персонажи романа А. Франса «Красная лилия» (здесь и далее примечания переводчика).

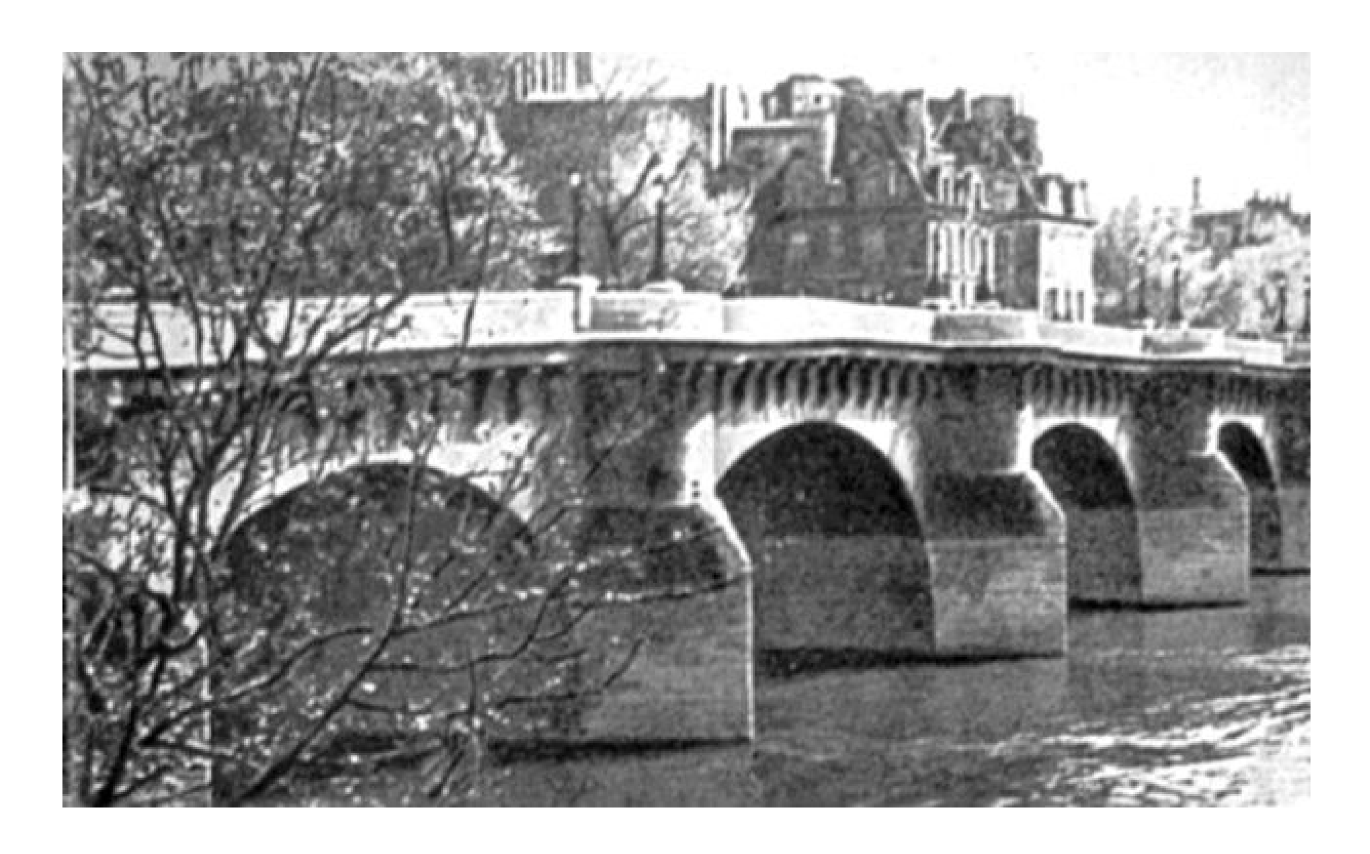
** Персонажи романа Ж. Ромена «Люди доброй воли».

Париже, то не пожалеете об этом. Париж в августе великолепен: он становится городом-курортом; жара не обжигает, а ласкает. Вы будете обедать на открытом воздухе в ресторанах Булонского леса, на Елисейских полях, на Монмартре, в парке Монсури или в какой-нибудь деревенской харчевне на берегу Сены и Марны. С наступлением октября вы увидите, что вокруг вас жизнь бьет ключом, и вам будет безразлично, идет ли дождь, снег или сияет солнце. Не знаю почему, но в любое время года Париж не кажется грустным, и серая хмурая зимняя погода так же приятна, как легкая весенняя.

«Там красота царит, там лишь порядок властен,
Там роскошь благостна, там отдых сладострастен» *.

Прекрасные стихи «Приглашение к путешествию» относятся к Парижу только частично. Здесь нравится не роскошь, а несомненно порядок и красота. Есть города с более строгой планировкой, чем Париж, потому что они строились десятилетиями, на голой земле, в то время как Париж рос в течение веков, протягивая, подобно живому существу, свои конечности и щупальца по всем направлениям. История заставляла его много раз отражать натиск врагов, но она же наградила его прекрасными памятниками. Сама жизнь помогла народу-художнику вносить повсюду должный порядок. Нет на свете более красивого архитектурного ансамбля, нежели тот, который находится между Триумфальной аркой и Лувром и между церковью Мадлен и Бурбонским дворцом. Замечательно, что, несмотря на некоторые ошибки барона Османна, эта гармония была достигнута почти без принесения в жертву исторических памятников. Спуститься по Сене от Нотр-Дам к дворцу Шайо — это значит пройти по триумфальной дороге Франции. Придорожные камни остались нетронутыми.

* Ш. Бодлер, Приглашение к путешествию (перевод П. Антокольского).

Вы скоро поймете, что Париж для Франции больше чем столица, Париж — мозг этого огромного тела. Это вовсе не значит, что во французских провинциях нет выдающихся людей. В действительности коренные парижане занимают в стране место, соответствующее их числу. Но все великие люди провинции получают признание только в Париже. Репутация действительна только тогда, когда она подтверждена Парижем. Английский писатель может всю жизнь провести вдали от Лондона, американский — вдали от Нью-Йорка. Если же французский писатель не живет в Париже, он должен каждый год погружаться в атмосферу этого города, где идеи, казалось бы, рождаются быстрее, но и гибнут быстрее, если они нежизненны. Кто-то в провинции питается иллюзиями насчет своего никому не известного шедевра; после трехдневного пребывания в Париже он убеждается, что «нежно прижимал к своему сердцу репу». Высочайший приговор Парижа

относится не только к французам. Сколько великих иностранцев нашли и у себя на родине прием, достойный их гения, только после того как их признали в Париже! Всем известно, как много «открытий» в области искусства делается в Париже. Молодой американский художник счастлив, если он может работать на Монпарнасе. Хемингуэй, изнемогавший на Среднем Западе, нашел себя в парижской атмосфере. Париж — одна из интеллектуальных столиц мира. Вы, гражданка Парижа, никогда не ступавшая на его землю, знаете это лучше, чем кто-либо.

Кроме Иль-де-Франс я вам покажу еще и другие наши провинции, и вы их полюбите, но отметите, что между двумя путешествиями мы возвращаемся всегда в Париж. Если не принять Париж как центр, то осуществлять поездки по Франции почти невозможно. Поперечные железнодорожные линии обслуживаются плохо. А из Парижа все легко. Раскинувшись в центре шестиугольной паутиной, город мягко спускается по любому из своих радиусов. Вы быстро начнете различать вокзалы Парижа, из которых

каждый имеет свое лицо, потому что они ведут в различные миры: вокзал Сен-Лазар, такой родной для нас, когда он связывает нас с Нормандией, с пляжами нашего детства; он одновременно таинствен и живописен, так как видит прибытие и отъезд заатлантических поездов; младший брат вокзала Сен-Лазар, вокзал Монпарнас, соединяющий Париж с Бретанью, находится еще в периоде роста, в районе вокзала — площадка для пригородного строительства; вокзал Аустерлиц в своем нынешнем состоянии не соответствует прекрасным районам Юго-Запада, которые он обслуживает; вокзалы Северный и Восточный, деятельные братья-близнецы, связаны в наших воспоминаниях с войной; и, наконец, Лионский вокзал, взобравшийся на самую высокую точку своих владений, с видными издалека, успокаивающими сердце часами — вокзал счастья, ворота солнца, вокзал

10

спортсменов, отправляющихся в Швейцарию, вокзал влюбленных, едущих на Лазурный берег и в Италию; но также и крупных фабрикантов шелковых изделий из Лиона и моряков из Тулона. По всем этим рельсам, теряющимся на горизонте, Париж — этот поворотный круг — распределяет пассажиров, устремляющихся сюда со всех пяти континентов.

11

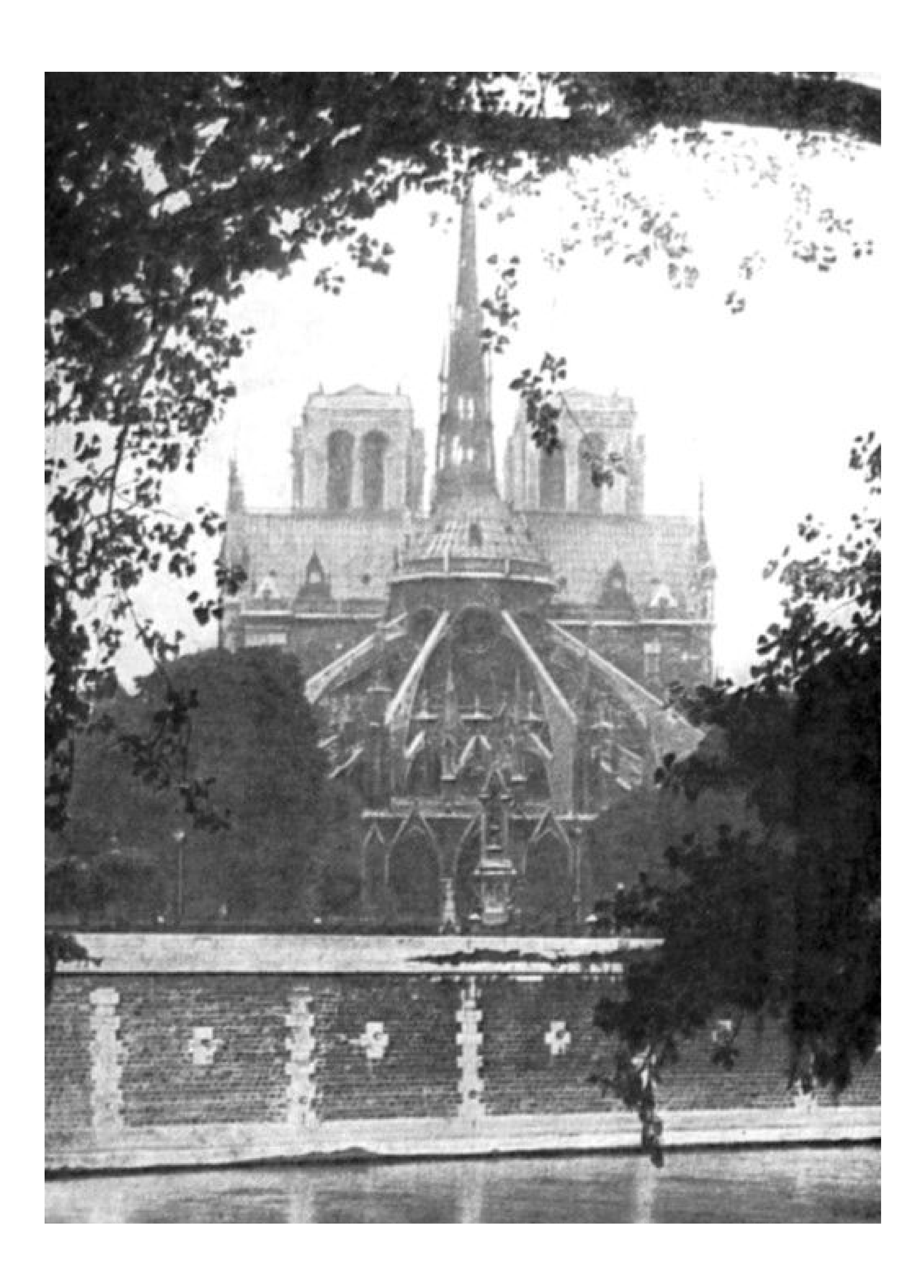
Сите

Вы не прибудете ни на один из этих вокзалов, потому что ваш самолет приземлится за пределами Парижа, в Орли. Я обращаюсь к вам со странной просьбой. Разрешите мне по окончании всех формальностей, при выходе из аэропорта, завязать вам глаза и проводить вас через предместья, не показав вам их. Это не значит, что я отрекаюсь от них, я вам покажу их позднее; у них своеобразная красота, отмеченная Жюлем Роменом и Утрилло, каждым по-своему. Но я хотел бы, чтобы вы сначала посетили те места, где зародилась жизнь Парижа. Я вас поведу на остров Сите, к Нотр-Дам, и там сниму с ваших глаз повязку.

Смотрите же внимательно. Все началось здесь. На трех островах, которые теперь составляют один остров, галлы построили маленький город Лютецию, раскинувший предместья по обе стороны Сены. Угроза вторжения римлян, а позднее и варваров заставляла жителей защищаться и, укрываясь на своем острове, уничтожать мосты. Опасность отступала, и город вновь расцветал на крутых берегах реки. Вскоре вы увидите остатки римского города — арены и Дворец терм, где жил император Юлиан. Когда Галлия стала христианской, монастыри завладели островом; они дали свои названия кварталам и церквам Парижа; Сент-Женевьев на том холме, который теперь называется Латинским кварталом; аббатство Сен-Жермен-де-Пре, недавно вошедшее в новую легенду экзистенциалистского мира; Сен-Лоран и Сен-Жермен л'Оксерруа, которую вы увидите напротив колоннады Лувра, — красивую церковь, печально знаменитую набатом в Варфоломеевскую ночь.

История собора Нотр-Дам неотделима от истории Парижа. Знаю, что в этот момент вы подумали о Викторе Гюго. Фасад Нотр-Дам похож на букву Н *, первую букву фамилии Гюго. Да,

* Фамилия Гюго по-французски пишется Hugo.

Химеры собора Парижской богоматери

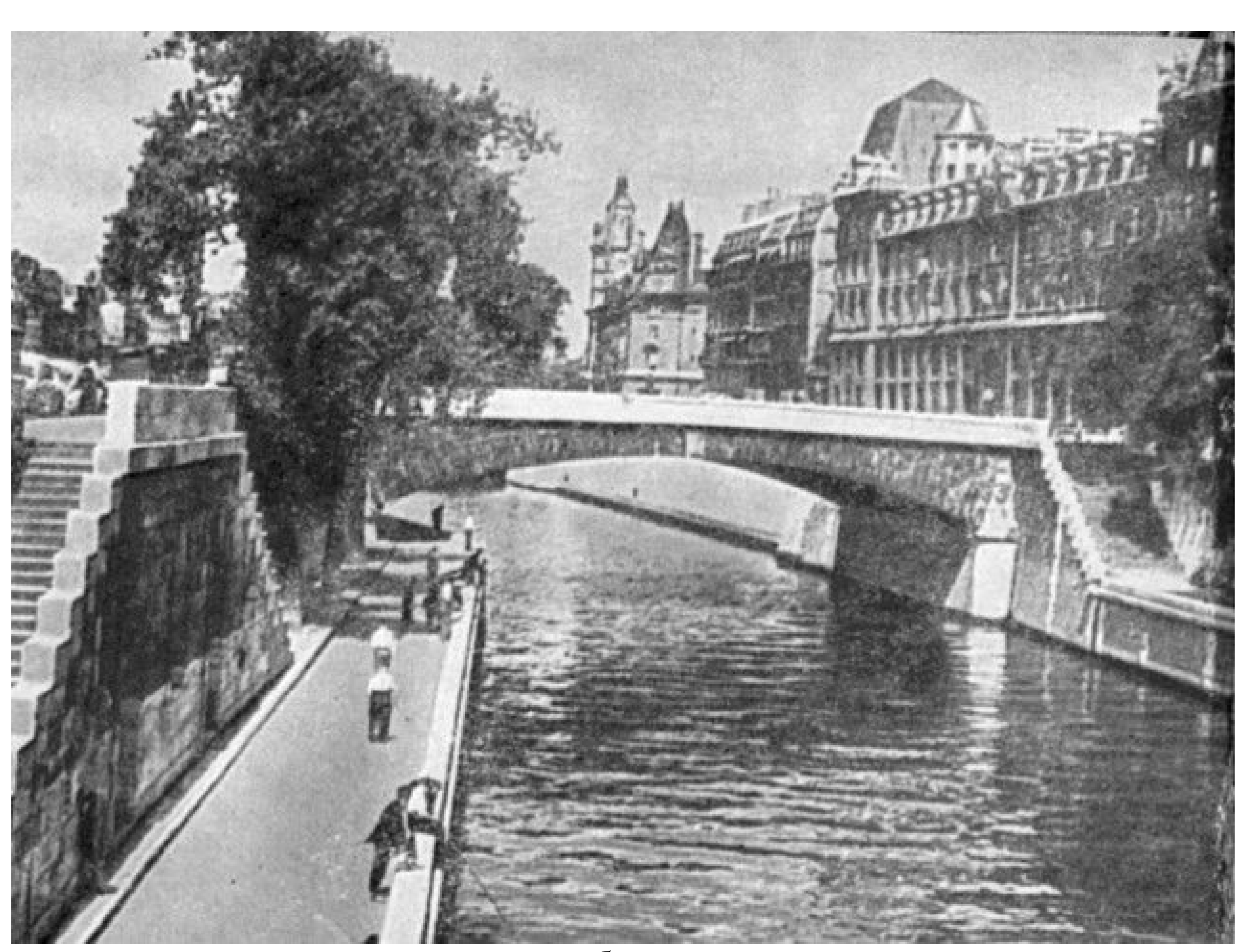

он сумел очень прочно связать со своим именем представление об этом соборе, который является сердцем Франции. Но собор Парижской богоматери времен Гюго весьма отличался от того, каким вы его видите теперь. Некогда обе его массивные башни выступали из переплетения маленьких улиц. Рядом с церковью стоял монастырь Нотр-Дам, где у монахов были свои дома. Для духовенства XX века построили современный дом, удобный и безобразный; но если вы пойдете по улице Шануанесс и заглянете во

дворы, то еще найдете несколько красивых особняков, которые воскресят для вас прошлое. Резные порталы, перила кованого железа запросто уживаются с клетками для птиц и развешанным для сушки бельем. В Париже, как и в Риме, вам понравится сочетание народной жизни с изысканностью старины.

Войдем в церковь. Большая роза, витражи высоких окон рассеивают торжественный церковный свет. Здесь Генрих IV слушал свою первую обедню; Боссюэ произнес надгробное слово великому Конде; здесь был коронован Наполеон. В Лувре вы увидите картину Давида, чуть излишне «официальную», но полную великолепных портретов, сохранившую для нас представление об этой необычной церемонии. Собор Нотр-Дам навсегда связан с историей Франции. Я видел в нем пышные похороны маршала Фоша, я слышал, как в его честь под этими сводами звучали трубы. Но самое лучшее воспоминание, которое хранит моя память о Нотр-Дам, — это спектакль на паперти «Мистерия Страстей Господних».

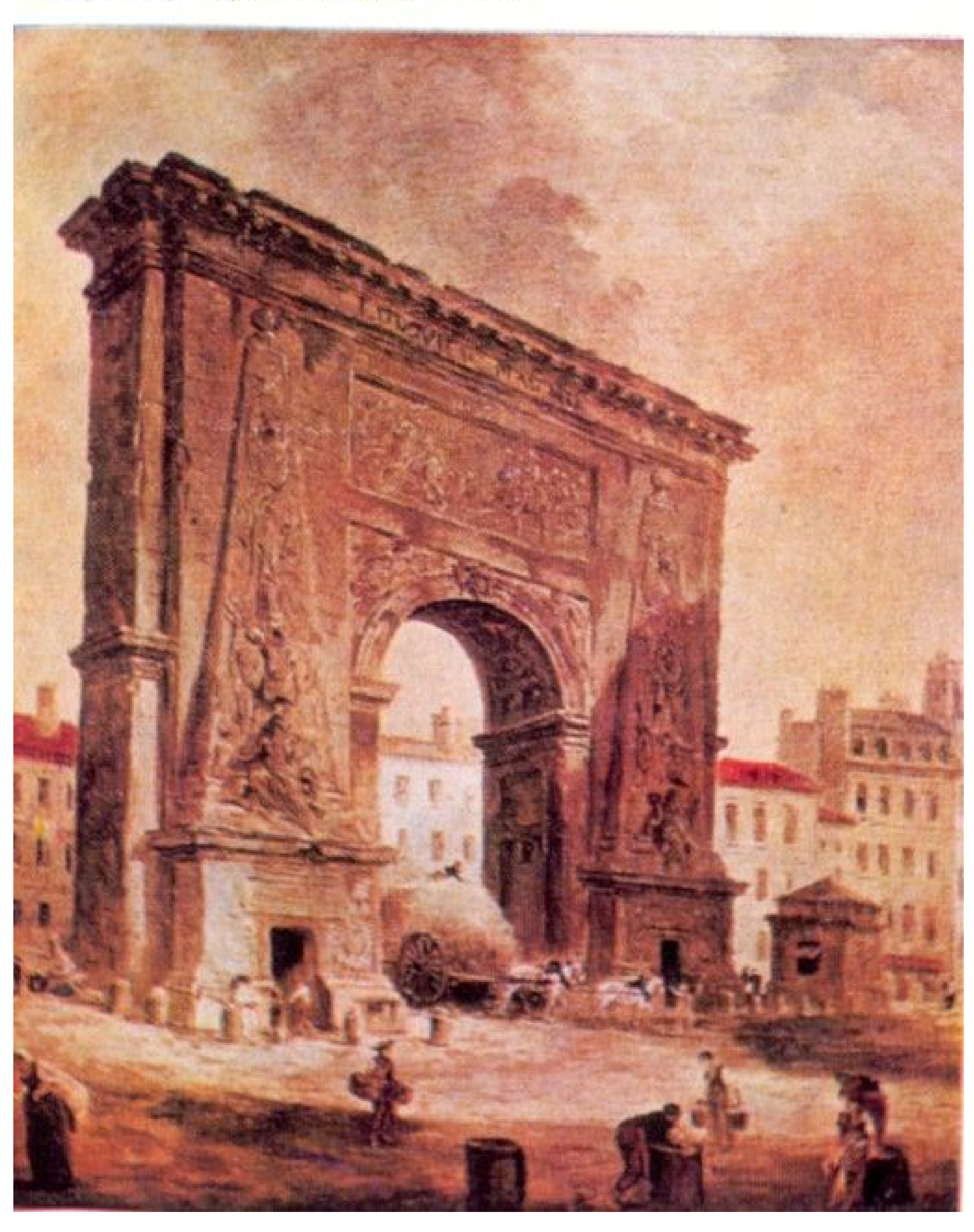
Происходило это при свете прожекторов, перед двадцатитысячной толпой парижан, внезапно перенесенных в прошлое своего города. Наивный язык, нерифмованные стихи были те же, что пять веков назад умиляли их предков; декорацией служил собор Нотр-Дам — свидетель этого прошлого; ангел Света со сверкающим мечом в руке появился на верхушке одной из башен; вит-

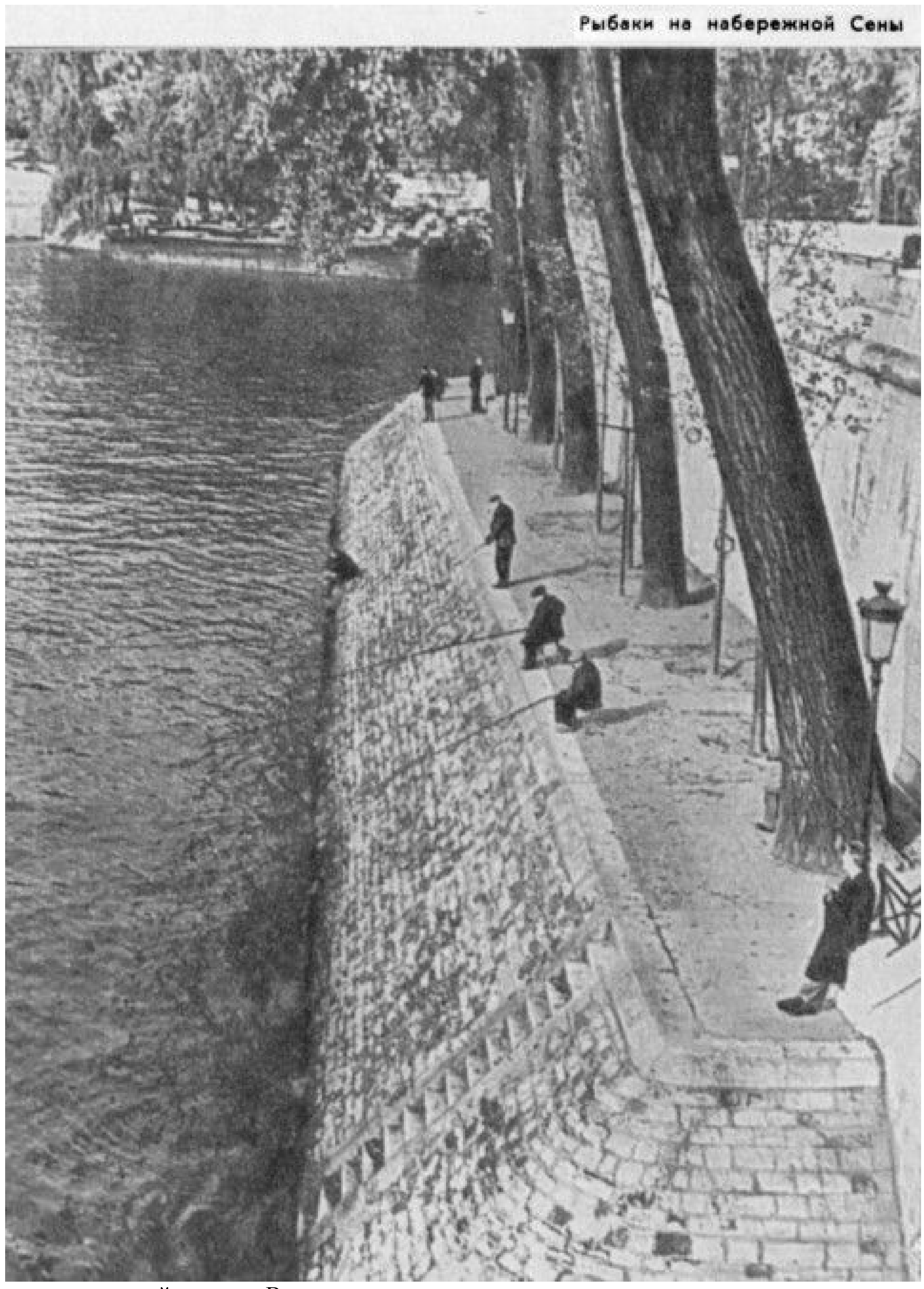
ражи внезапно осветились изнутри; большие органы откликнулись на пение хоров. И вдруг общее волнение охватило толпу. Все эти французы, левые и правые, богачи и бедняки, верующие и безбожники, вспомнили о великих делах, сотворенных вместе, и о деяниях бога среди них. И старый поэт, как говорил Пеги, привел «Всю паству одесную Отца».

Остальная часть Сите принадлежит лицам судейского звания. То, что некогда было дворцом королей Меровингов, затем первых Капетингов, продолжают называть «дворцом». От этой крепости остались черные башни Консьержери, купающиеся в Сене. Печальные и страшные, они вызывают в памяти пытки, ужас, несправедливости правосудия, жестокость королей и народов. Тут же св. Людовик соорудил часовню Сент-Шапель, чтобы хранить

16

Гюбер Робер. Ворота Сен-Дени. Ок. 1780.

Рыбаки на набережной Сены

терновый венец. Вы увидите подлинное чудо готического искусства, здание прозрачной легкости, где нагрузка распределена так мудро, что ничем не обремененные стены сверкают, точно драгоценности. Но чудо это в плохой оправе: дворец Суда приземист и безобразен. Надо, чтобы какой-нибудь друг адвокат показал вам все его закоулки и ввел бы вас в сферу деятельности этой корпорации, играющей такую большую

роль во французской жизни. Я предпочел бы показать вам два моих любимых дома — те, что в конце острова замыкают площадь Дофина. Они из розового кирпича и тесаных белых камней, очень простые, но такие французские, что во время войны, вдали от моей страны, я мечтал о них каждую ночь как о символе всего того, что потерял.

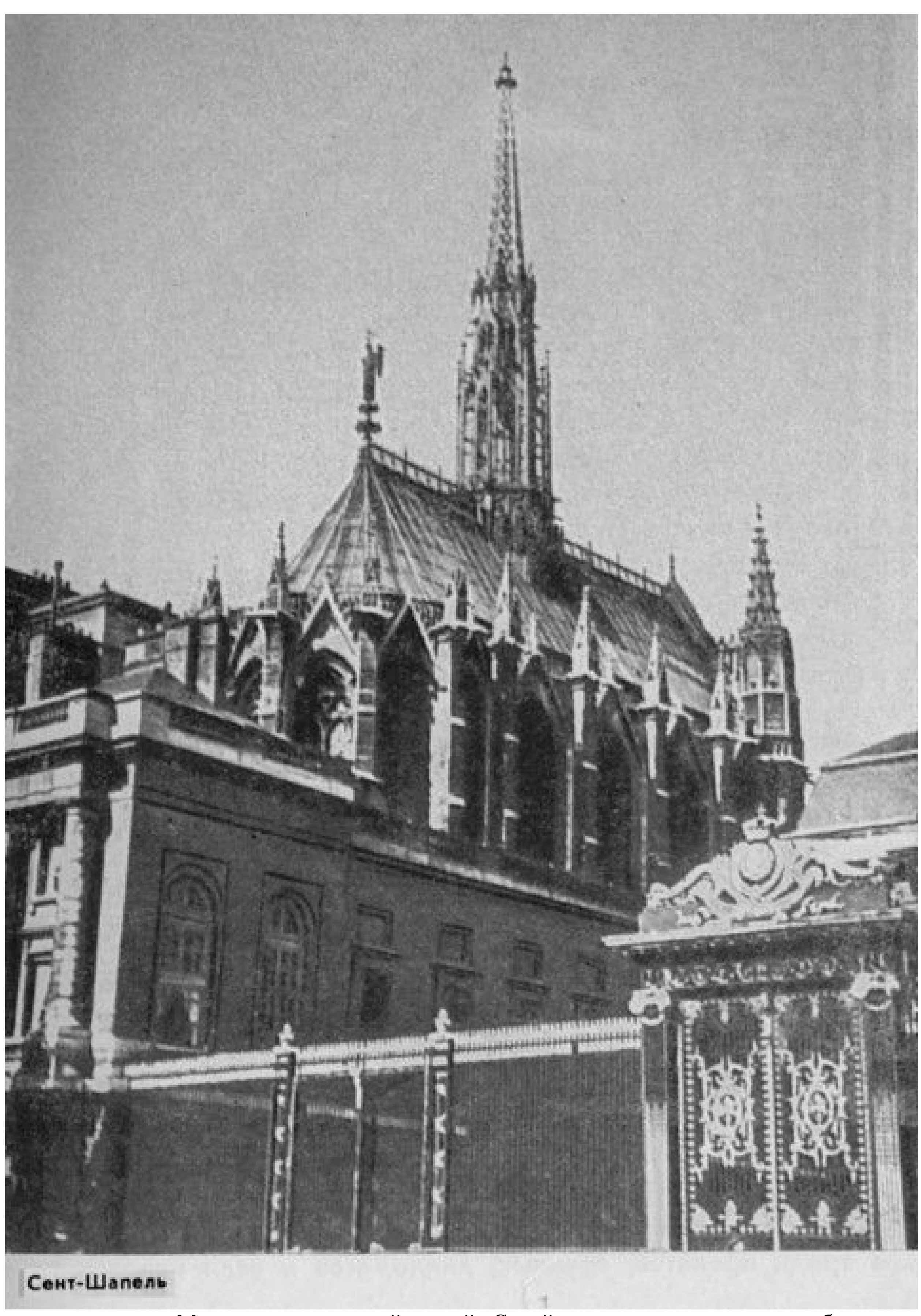
По течению Сены

Сена для Парижа то же, что Пятое авеню для Нью-Йорка, — живая ось города, от которой располагаются кварталы. Нравы и предрассудки не разделяют, как это было в прошлом, левый и правый берега. Обитатели улицы де Варенн или улицы де Лилль в большинстве политически ближе к Пасси, чем к Монпарнасу. Однако существует все же дух левого берега. Когда Марсель Пруст в 1912 году представил Свана * в издательство журнала «Нувель ревю франсэз», говорили, что «этот дом левого берега отнесся с недоверием к писателю с правого берега». Почти все издатели живут на левом берегу. Студенты, профессора, художники чувствуют себя здесь дома. Между тем почти все театры, почти вся торговля предметами роскоши — на правом берегу. Театры «Гёте-Монпарнас», «Вье Коломбье», «Ла Ушетт» — исключения, не опровергающие правил.

* Персонаж романа Марселя Пруста «В поисках минувшего времени».

Париж, рожденный на острове Сены, рос поначалу вдоль берегов реки. И только значительно позднее, плотно зажатый между возвышенностями и рекой, город был вынужден пойти на приступ склонов, занять Мон де Мортир (Монмартр) и холм св. Женевьевы, а впоследствии — Шайо и холм Монсури. Филипп-Август был одним из первых наших градостроителей. О Париже-столице он очень заботился, приказав замостить две прилегающие к Сите улицы, которые до него были зловонными болотистыми тропинками. Именно он, Филипп-Август, увидев, что по сторонам Сите вырастают — на правом берегу деловой город, а на левом — город студентов, окружил крепостной стеной это тройное нагромождение и, чтобы защитить его, воздвиг на западе, в черте города, Луврскую башню — она-то и стала зарождением дворца, мимо которого мы только что прошли.

Лувр вам так же близок, как и Нотр-Дам, но здесь уже ваш наставник не Виктор Гюго, а Дюма-отец. Вы с тем же пристальным вниманием осмотрите и музей и дворец. Но я хочу вам напомнить, что он был вместе с особняком де Турнель и замками Луары) местопребыванием королей Франции, пока Людовик XIV не перевел двор в Версаль. В Лувре сохранились следы вкуса и стараний многих монархов. Но самым значительным было влияние Франциска I и Людовика XIV. Длинный фасад, мимо которого вы пройдете, напомнит вам итальянский дворец. Французы возвратились из Италии, зараженные новым искусством, которое в действительности было «возрождением» античного искусства. Лувр Пьера Леско — это греко-римское здание, украшенное итальянским орнаментом. Генрих IV соединил через Большую галерею, окна которой перед нами, Малую галерею Екатерины Медичи с Тюильри. «Мне кажется, — сказал Анатоль Франс, — нельзя быть полной посредственностью, если вы воспитываетесь на набережных Парижа, напротив Лувра и Тюильри, рядом с

Сент-Шапель

дворцом Мазарини и славной рекой Сеной, которая течет между башнями, башенками и шпицами колоколен».

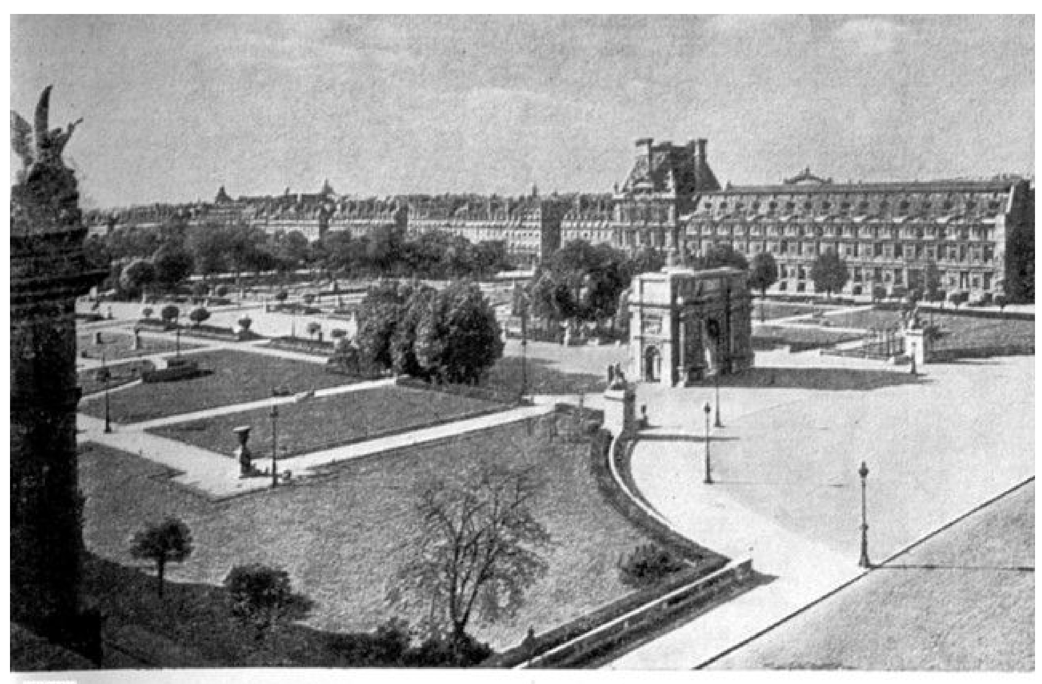
Некогда в Лувре находились мастерские художников, квартиры придворных, караульные помещения. Ришелье разместил там Монетный двор и Королевскую

типографию. Это был не дворец, а целый город. Оставалось закончить восточный фасад. Людовик XIV потребовал от Бернини проект, но он не был осуществлен. Потом поручил Перро возвести красивую колоннаду, которая стоит лицом к Сен-Жермен л'Оксерруа. По стилю она резко отличается от флорентийского Лувра эпохи Валуа. Признаюсь, что не вижу ничего плохого в этом несоответствии. Великая страна, у которой большое прошлое, строится последовательным наслаиванием цивилизации. В этом ее характер и ее сила. Почему не признать этого многообразия и почему бы зданию, которое росло веками, не сохранить следы его происхождения?

Пересечем теперь мост Искусств. Этот мост приведет нас к полукруглому зданию, в центре которого возвышается купол. Это здание было сначала дворцом Мазарини, потом Коллежем Четырех Наций, теперь это Институт Франции, под знаменитым куполом которого находятся пять академий. В день приема в члены Французской Академии я поведу вас в маленький скромный зал, где в торжественных случаях теснятся все сановники государства, вся слава Франции. Вам скажут, что Французская Академия несовершенна и неполна, что в ней отсутствуют великие писатели, что иногда избирают людей, чьи литературные произведения ничтожны. Вы ответите, что все, созданное человеком, несовершенно, что если Академия и забыла о нескольких гениальных людях, то собрала она гораздо больше; что ее основатель не предназначал ее исключительно для писателей; что ее традиция, имеющая трехвековую давность, требует выбирать академиков среди прелатов, военных, дипломатов и если находит, то и

среди государственных деятелей. Вы услышите насмешки молодежи по адресу Академии, но ведь насмехаются лишь над тем, что уважают. Можно критиковать идею, будто литература, наука и искусство принадлежат государству, но «эта идея свойственна, как говорил Ренан, самой сущности французского духа».

На обоих берегах вдоль всей набережной вы увидите ларьки букинистов. Вы этого ждали: они составляют часть Парижа вашей мечты. Обычай раскладывать книги на парапетах восходит к XVII веку. Напрасно Людовик XIV, а за ним и барон Османн хотели изгнать букинистов, чтобы сделать линии каменных набережных более четкими; привилегия букинистов пережила все принудительные указы. «Согласимся с тем, — сказал Анатоль Франс, — что так как Сена — подлинная река славы, то выставленные на набережных ларьки с книгами достойно венчают ее...»

Лувр

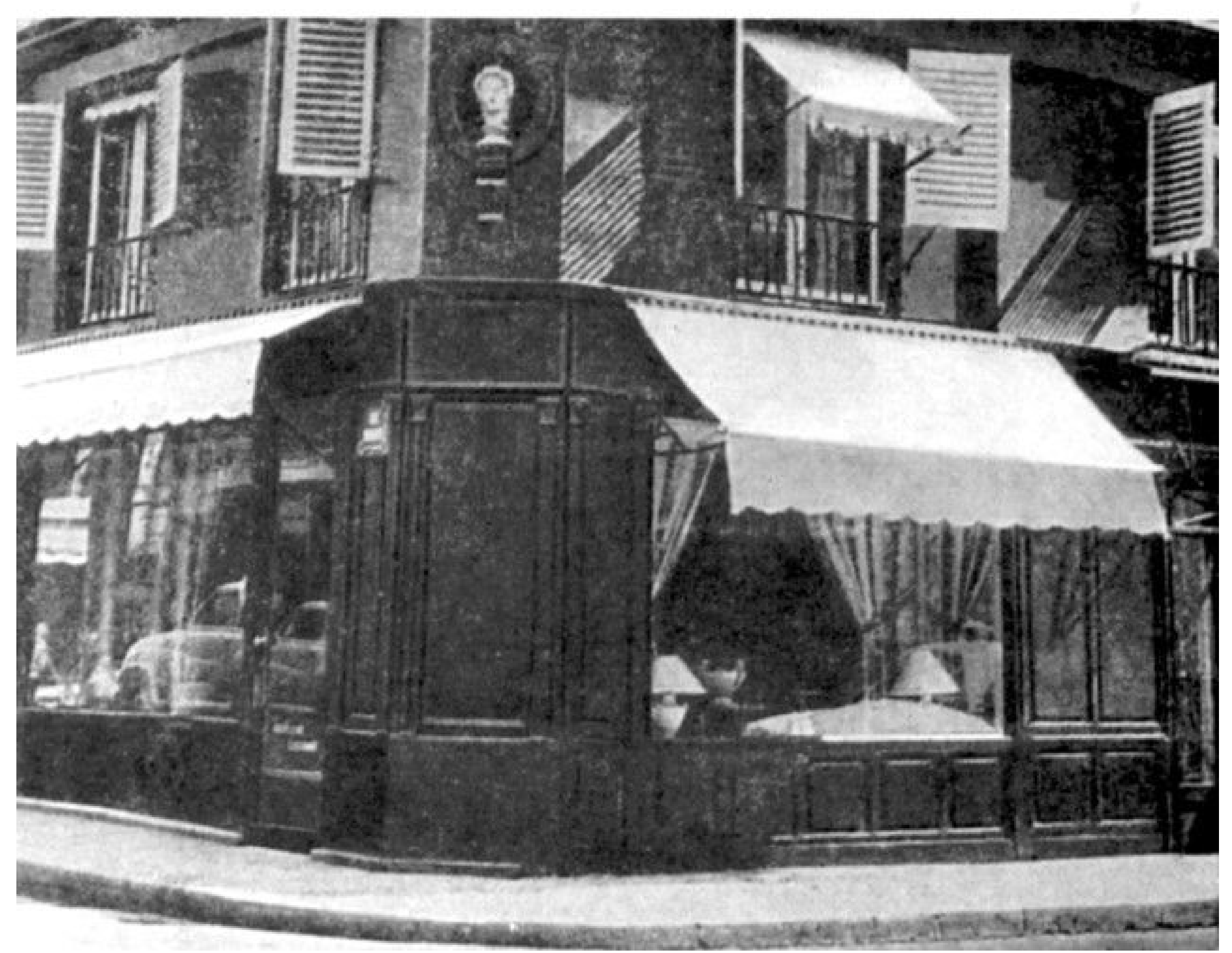

Букинисты на набережной

Почему рыться среди книг здесь доставляет больше удовольствия, чем в другом месте? Может быть, здесь можно сделать удивительные открытия? Приобрести за несколько франков редчайшие издания? Это бывает как исключение. Нет, скорее, потому, что букинисты, будь то старая женщина в черной шали, сидящая на складном стуле с

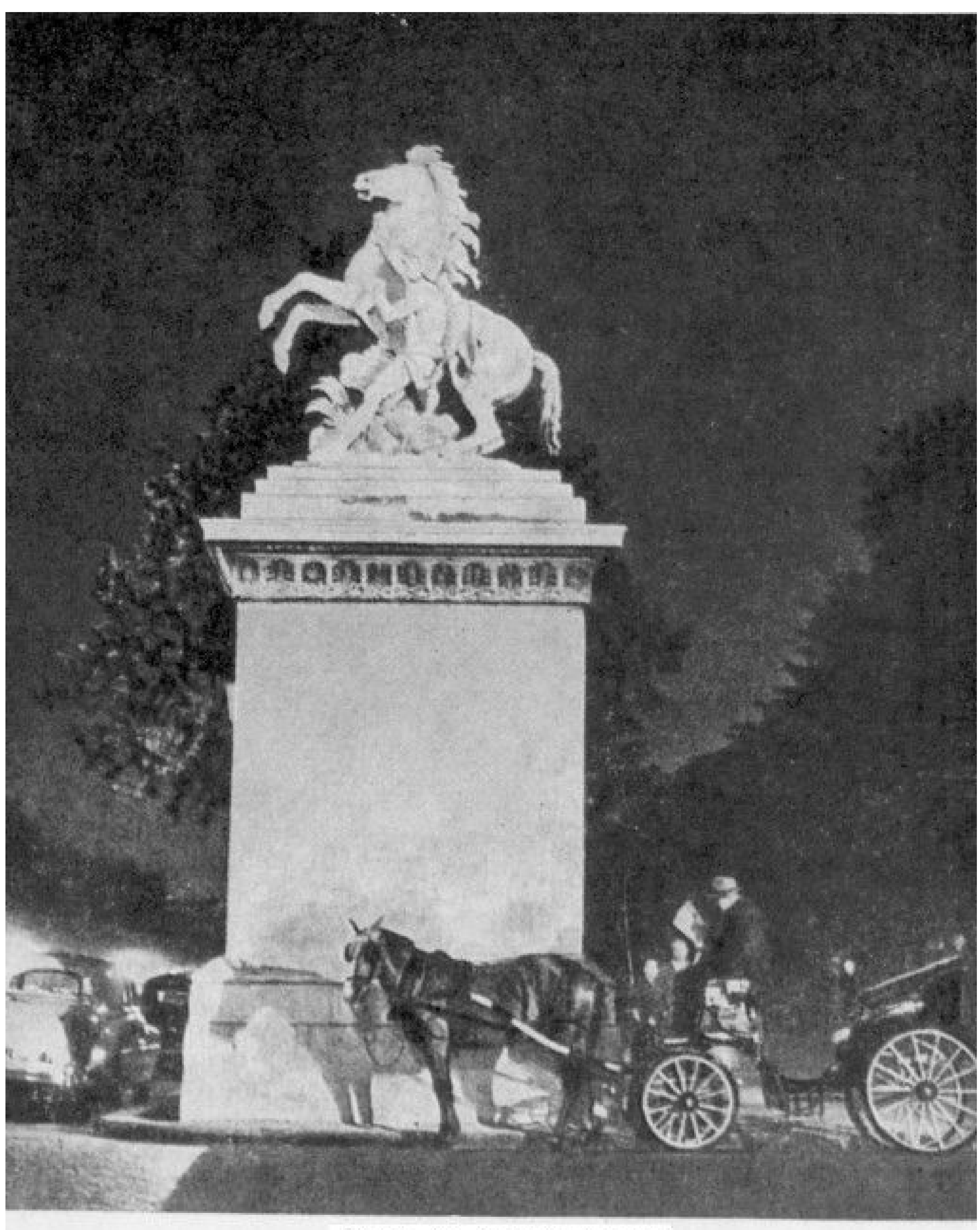
грелкой у ног, или старик в изношенном пальто с поднятым воротником, одновременно живописны и сведущи. А главное потому, что за этими обложками с романтическими иллюстрациями видно сквозь оголенные деревья чистое и нежное небо Иль-де-Франс.

23

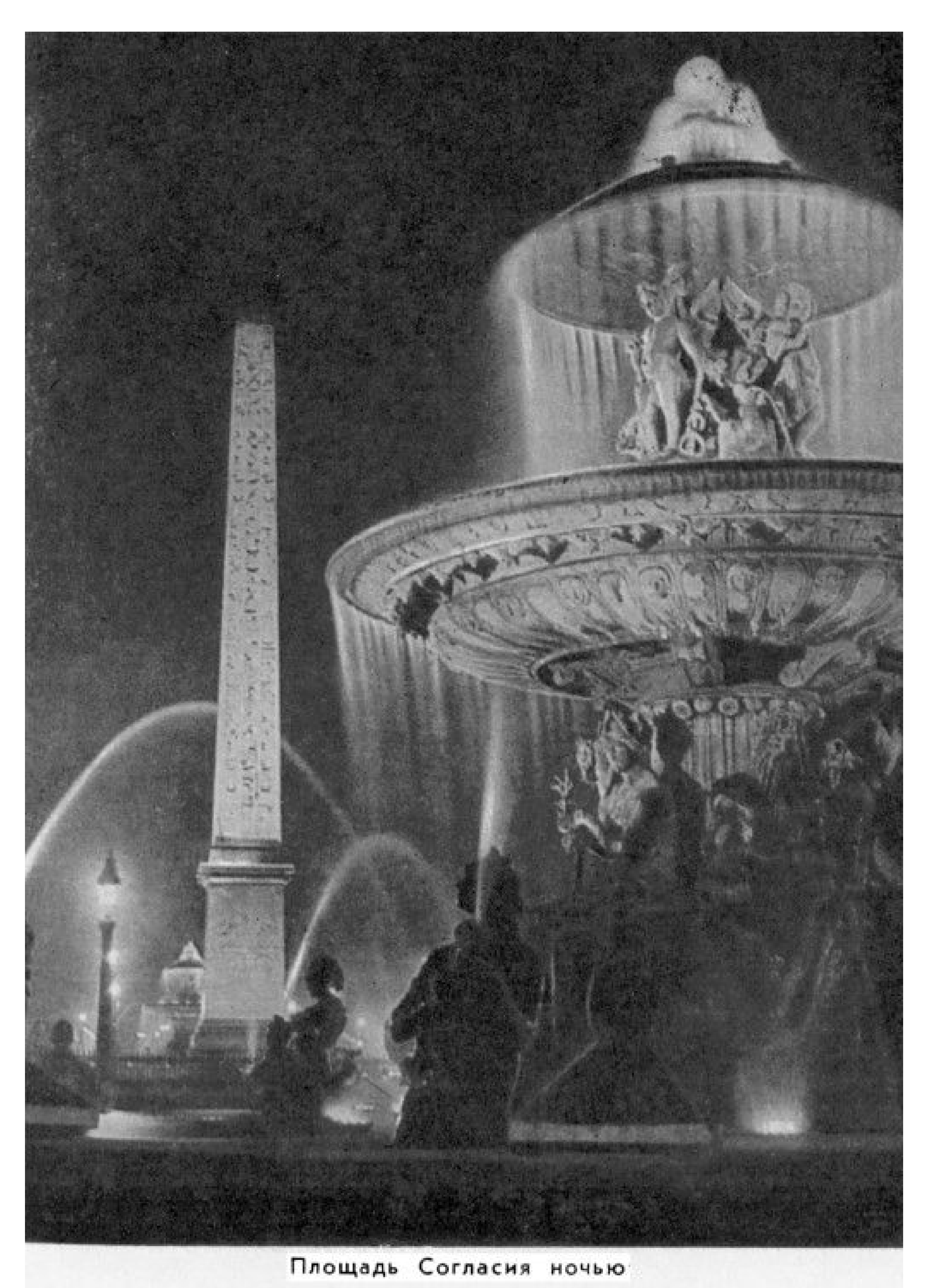
Витрины на улице Бонапарта

Чтобы найти книги и забавные безделушки, мы, если не возражаете, вновь поднимемся на улицу Бонапарта и спустимся по улице де Сен-Пер. Это улицы неожиданностей, улицы старинные и вольные. Витрины здесь восхищают своей небрежностью и простотой. Иногда среди табакерок с миниатюрами (дама в напудренном парике, кавалер ордена св. духа) и бесчисленных бюстов Марии-Антуанетты может затеряться какой-нибудь шедевр. Из запыленной папки торговец автографами извлекает паспорт Гвиччиоли, последней любовницы Байрона, подписанный послом Франции в Риме — Шатобрианом. Такие находки вознаграждают за труды. Помню о моей радости, когда я, о чудо, нашел на набережной Жевр комплект «Либерала», издававшегося в Италии Шелли и Ли Хантом, снабженного резкими отзывами Хогга, строгого друга обоих авторов.

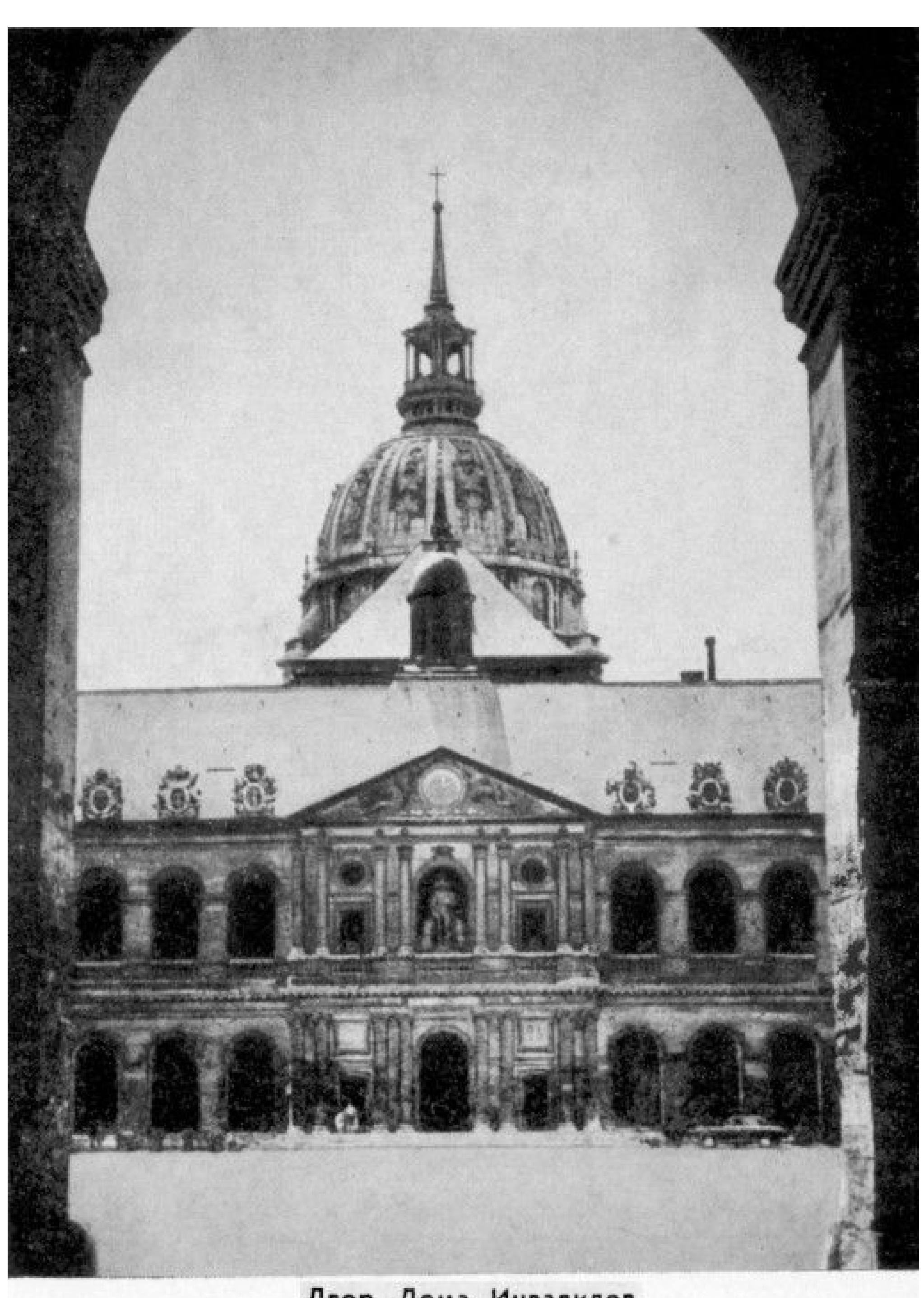
Один из коней Марли

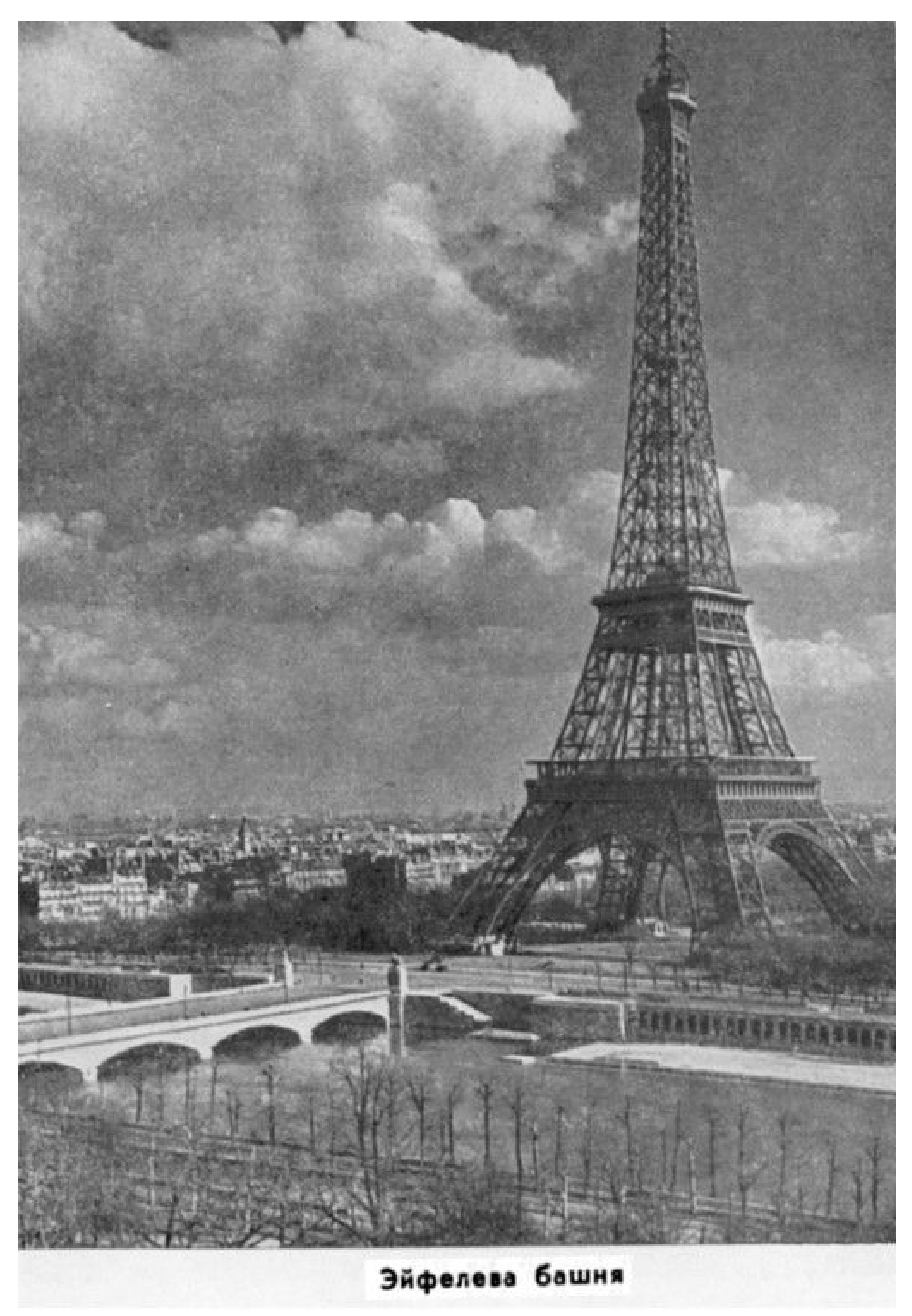
Площадь Согласия ночью

Выйдя за пределы ныне упраздненного вокзала д'Орсэ на левом берегу и сада Тюильри на правом берегу, мы дойдем до Бурбонского дворца и до площади де ла Конкорд. На ходу обратите внимание на террасу де Фейан, музей Жё де Пом, посвященный импрессионистам, изобилующий шедеврами. Но вот и площадь де ла

Конкорд. Остановимся. Нотр-Дам был нашим первым километром; площадь де ла Конкорд — вторым. Почему она кажется нам такой красивой? Из-за расставленных на ней весьма причудливых памятников? Обелиск Луксор в центре не отличается от всех остальных. Статуи городов величественны и банальны, хотя та, что изображает Страсбург, для которой позировала Жюльетта Друэ (возлюбленная скульптора Прадье, а затем в течение пятидесяти лет подруга Виктора Гюго), волнует французов воспоминанием о черной траурной вуали, под которой эта женщина долго казалась воплощением печали. Бронзовые канделябры — не более чем канделябры, и фонтаны — не более чем фонтаны. Но весь ансамбль этого городского пейзажа —

Двор Дома Инвалидов

Эйфелева башня

единственный в мире. Налево от вас — Елисейские поля, доходящие до Триумфальной арки; направо — листва Тюильри, обрамляющая Карусель и Лувр; перед вами два прекрасных дворца Габриэля развертывают свои колоннады, между которыми широкая и прямая улица Рояль открывает другие далекие колонны, а именно — Мадлен. Есть что-то прекрасное и законченное в этом упорядоченном размахе. Вы спрашиваете: «Почему площадь называется Конкорд?» Сначала она называлась площадью Людовика XV. Там была знаменитая статуя Любимца *: «Добродетели пешком, Порок на лошади». Затем площадь стала площадью Революции, на ней были гильотинированы Людовик XVI и Мария-Антуанетта. Потом наступило время примирения, забвения и прощения. Слово «согласие» ** казалось подходящим для выражения этих чувств. Это было пожелание.

Если мы возобновим прогулку на пароходике, то проплывем между проспектом Альберта I (правый берег) и набережной д'Орсэ (левый берег). Будучи близко знакомой с

господином де Норпуа ***, вы знаете, что словом «набережная» во Франции чуть фамильярно называют Министерство иностранных дел. С этой же стороны вы обнаружите площадь Инвалидов, а в глубине — здание, созданное Мансаром. Надеюсь, у вас вырвется крик восхищения, так как в моих глазах этот памятник представляет самую сущность французского искусства. Его длинный фасад так же великолепен, как колоннада Лувра. Таинственно отступающий вглубь купол, соединение в нем зеленоватой бронзы и золота, очарование украшающих его трофеев — все это объединяется, чтобы придать зданию и своеобразие и классическое совершен-

* Льстивое прозвище, данное Людовику XV придворными.

** По-французски согласие — конкорд.

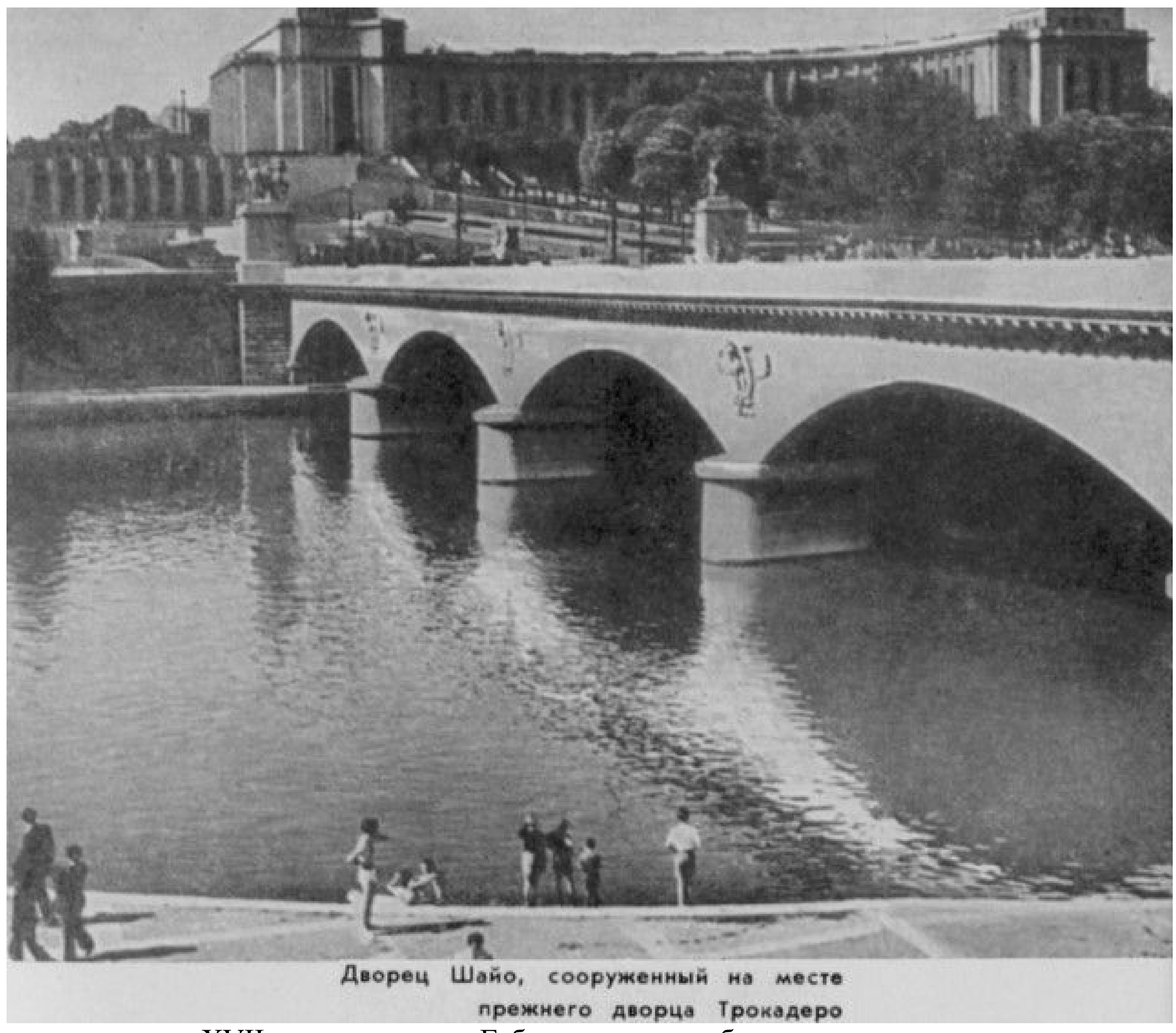
*** Дипломат — персонаж романа Марселя Пруста «В поисках минувшего времени».

ство. Если вы войдете в него с другой стороны, через церковь, купол покажется вам менее загадочным, но могилы Наполеона, герцога Рейхштадтского, Фоша повергнут вас в меланхолическую грусть. Здесь опять нужен Гюго:

«Когда под сводами ребенок малый дышит,
То с бою взятые знамена вздох колышет,
Как будто ветер гнет несжатые хлеба.
Когда заплачет он, ему ответит грозно
Чудовищных мортир сочувственная бронза,
Завоет, загудит их мощная труба...»

Вы увидите, как красивы все эти истерзанные знамена, когда по случаю свадьбы или пышных похорон какого-нибудь героя идет служба в церкви для воинов — Сен-Луи дез Инвалид.

Я вам разрешаю мельком взглянуть направо, где расположены Большой и Малый дворцы. После 1900 года, во времена, когда архитектура не отличалась красотой, Париж должен был принять наследие Всемирной выставки. Содержимое более ценно, чем само здание. Вы увидите в Малом дворце чудесную выставку французского искусства. Следующая остановка приведет вас к «гвоздю» выставки 1889 года — Эйфелевой башне. Эта мачта беспроволочного телеграфа для великанов ни красива, ни безобразна. Это — железный остов, дерзость и размер которого сделали его известным всему миру. Будет жаль, если башня исчезнет, потому что наши посетители знают о ней и хотят ее видеть. Вы тоже были бы изумлены, не найдя ее. К тому же, если вы в один прекрасный день подниметесь на нее, она поможет вам ясно понять топографию Парижа, лежащего вдоль реки и цепляющегося за холмы. Спустившись с башни, вы будете созерцать под этой железной аркой сады Марсова поля и Эколь милитер. Это здание Габриэля можно показать вам даже после Дома Инвалидов. Здесь XVIII век с честью выдерживает сравне-

Дворец Шайо, сооруженный на месте прежнего дворца Трокадеро

ние с XVII, потому что Габриэль умеет быть утонченным, не впадая в претенциозность.

А теперь оглянитесь. Правый берег совсем не такой, каким он был во времена моей молодости. Тогда на вершине холма Шайо мы видели ужасный памятник — Трокадеро. По милости богов, гениальный архитектор Карлю изобрел способ пробить брешь: он взорвал две оскорблявшие глаз башни, загримировал выгнутые боковые крылья, обратив их в благопристойные современные музеи, и таким образом открыл прекрасный вид на Сену, на сады Марсова поля и на весь левобережный Париж. Здесь мы могли бы закончить нашу прогулку и, вероятно, должны были бы, потому что Дом Инвалидов, Эколь милитер и панорама,

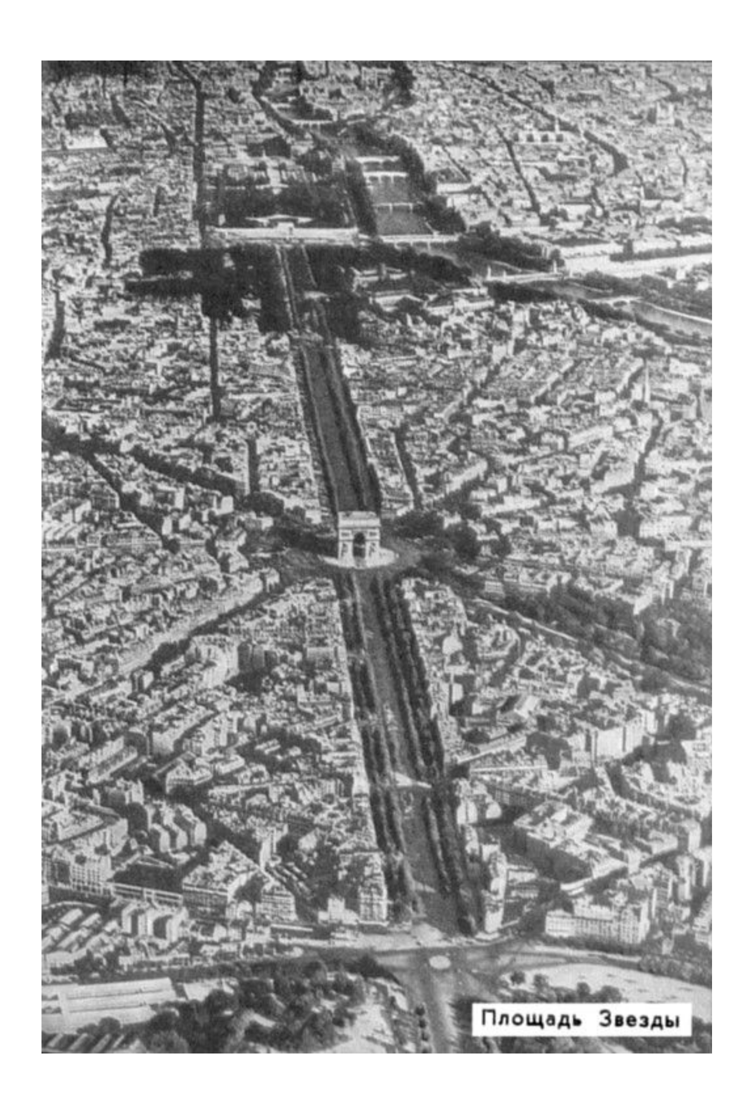
открывающаяся с вершины холма Шайо, создают картину более совершенную, нежели та, которую в этом месте открывают нам берега Сены. Отправляясь через Пасси и Отей в направлении к Биянкуру, вы сможете осмотреть место соединения жилых и промышленных районов Парижа, и я настаиваю на вашем посещении заводов Рено. Конечно, очень хорошо восхищаться историей Франции, ее литературой и искусством, но не следует забывать деятельную Францию наших дней, способную вести борьбу на своей земле с мощными промышленными государствами. И кроме того, вы увидите в мастерских Биянкура странных роботов, они напомнят вам картины Фернана Леже. Франция едина, и ее искусство питает сама жизнь.

Возвращение через Булонский лес и Елисейские поля

Теперь мы покинем Сену и направимся в центр города другой триумфальной дорогой, той, что от ворот Дофина через авеню Фош, Елисейские поля и улицу Риволи ведет в Шатле. Чтобы предпринять этот маршрут, мы раньше пересечем лес. Это один из лесных заповедников Парижа. В XIV веке пилигримы, совершив моление в Нотр-Дам де Булонь-сюр-мер, окрестили лес Булонским и дали то же название деревне, расположенной на лесной опушке.

Это не парк, а настоящий лес, прорезанный широкими аллеями, с разбросанными то там, то тут искусственными озерами, робкими ручейками, с ресторанами и дворцами. Франциск I приказал построить здесь замок, иронически названный французами «Мадрид», потому что король был здесь так же невидим, как во время своего пленения. Позднее Маргарита Валуа, будучи в разводе, поселилась здесь и приказала проложить великолепные

32

Площадь Звезды

Аллеи королевы Маргариты. В XVIII веке, веке свободных нравов, вельможи, проезжая через лес, мечтали о том, как было бы приятно иметь здесь, у въезда в Париж, загородный домик, спрятанный среди деревьев, чтобы принимать в нем какую-нибудь

Джузеппе Канелла. Площадь Согласия. Ок. 1829.

таинственную подругу. Так и сделал граф д'Артуа, который за шестьдесят дней построил прелестный дом под названием «Багатель». Я буду часто сопровождать вас туда, потому что люблю бывать в его садах, когда цветут тюльпаны, ирисы и розы.

Мы обогнули два ипподрома: Отей и Лоншан. Вы научитесь понимать мир ипподрома, по-особому любопытный, состоящий из людей всех классов, которые, теряя время, зарабатывают на жизнь, с биноклями через плечо, с плащом на руке, с тоскую-

«Багатель»

щими глазами игроков. В летние вечера вы станете завсегдатаем знаменитых ресторанов: «Арменонвиль», «Пре Кателан» или «Павильон Дофин», где я развлекаюсь в «Коте де Челси», сопровождая воображаемого Пруста. Что касается настоящего Пруста, то он лучше всех описал Аллею акаций, Тропинку добродетели, Голубиный тир и весь Булонский лес времен экипажей. Я вам покажу место, где Одетта Сван *, в собольей жакетке, с букетиком пармских фиалок у пояса, останавливалась поболтать с каким-нибудь любезным кавалером, вы увидите остров, где безутешный Марсель напрасно ждал мадемуазель де Стермариа **.

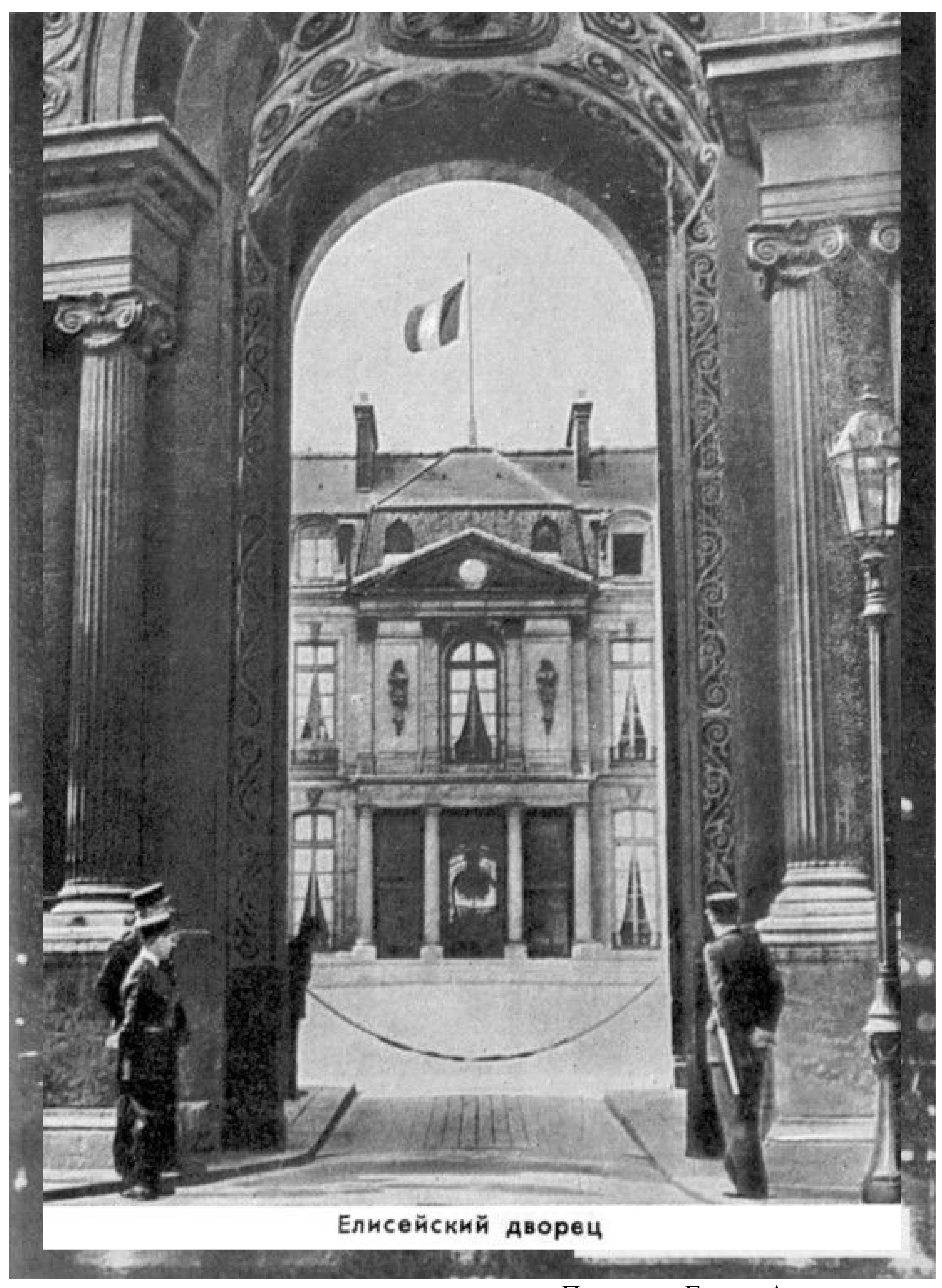
Улица Фош, со своими большими, слишком роскошными домами, была бы безлична, если бы в воздухе не носилось воспоминание о стольких монархах, о стольких президентах республики, которые торжественно шествовали по ней. А вот площадь Звезды — благородный замысел, достойный площади де ла Конкорд и императора, который ее создал. Вот «Марсельеза» Рюда, образ которой, воспроизведенный в миллионах экземпляров, утешал во время войны стольких друзей Франции, поддерживая в них надежду и воспоминания. А вот и могила Неизвестного солдата, место паломничества народа, уставшего от войн и гордящегося своими героями. Здесь вы увидите, как каждый вечер, в шесть часов, оживает пламя, зажженное то каким-нибудь генералом, то группой борцов Сопротивления, а иногда воспитанниками Сен-Сирского военного училища, с султанами из перьев на касках, студентами Политехнической школы, летчиками, моряками. Для Парижа этот ежедневный спектакль то же, что для Лондона смена караула в Букингемском дворце.

Двенадцать улиц лучами расходятся от площади Звезды, центром которой служит Триумфальная арка. Большая часть этих

---

* Персонаж романа Марселя Пруста «В поисках минувшего времени».

** Персонаж того же романа.

Елисейский дворец

улиц, как полагается, носит имена воинов. Проспект Гранд Арме за площадью переходит в проспект Елисейских полей и тянется до Нейи, Курбевуа и Сен-Жермен. Надо было бы со временем украсить отдаленный горизонт памятником, достойным этой триумфальной дороги.

А сейчас мы спустимся по Елисейским полям. Нельзя сказать, что здесь центр всей парижской жизни. Большие бульвары, не имеющие ныне того престижа, какой был у них в XIX веке, по-прежнему сохраняют необычайную оживленность. Латинский квартал, Монпарнас незаменимы. Народные кварталы относятся к Елисейским полям с пренебрежением. И все-таки на Елисейских полях кипит многообразная жизнь. Здесь кинотеатры показывают последние достижения всего мира. Недублированные американские, английские, итальянские и, конечно, самые лучшие французские фильмы

демонстрируются раньше всего на Елисейских полях. Каждый вечер, а также по субботам и воскресеньям длинные очереди зрителей терпеливо стоят в послеобеденные часы под солнцем или дождем. Тесно примыкают друг к другу на Елисейских полях большие кафе («Колизей», «Мариньян», «Рон-Пуан», «Селект») и большие рестораны («Фуке», «Лоран», «Берклей», «Элизе-Матиньон», «Парижский клуб»). Торговля предметами роскоши, ателье мод захватили дома не только на Елисейских полях, но и на прилегающих к королевской улице проспекте Матиньон, улице Пьера Шаррон, проспекте Петра I Сербского. В доме 116 бис разместились студии французского радиовещания. И во всех этих местах господствуют новые виды искусства — кино и радио.

Площадь Рон-Пуан на Елисейских полях («Фигаро» *, фонтаны, цветы) является как бы географической границей, разделяющей

* Редакция газеты «Фигаро».

проспект на две различные зоны. По направлению к площади Звезды — торговая артерия; к площади Конкорд — двойной сад, созданный Ле Нотром, сохранившим нам представление о Елисейских полях времен детства Пруста. Здесь мы вновь находим Кукольный театр, карусель, маленькие ларьки продавщиц леденцов и масок, швейцарский домик «Маркиза» и аллеи, где играли Жильберта * и ее друзья. Как некогда, в конце проспектов Габриель и Мариньи стоит на своем месте Биржа филателистов. Два театра: «Мариньи» и «Амбассадер». В глубине — сады Елисейского дворца. Вот все, что касается «страны Пруста». Напротив

* Персонаж романа Марселя Пруста «В поисках минувшего времени».

нее — «страна Андре Шамсона», то есть Малый дворец и его службы, вплоть до ресторана «Ледуайен». Здесь Клемансо, стоящий на своем пьедестале, как Ника Самофракийская на носу корабля, воскрешает в памяти ноябрь 1918 года и пьяные от счастья толпы, наводнявшие в тот вечер Елисейские поля *.

Улица Риволи, идущая параллельно Сене вдоль сада Тюильри и Лувра, пробита через Старый Париж сравнительно недавно; до Первой Империи этот квартал занимали монастыри фельянов и капуцинов.

Первая мысль о такой улице в аркадах пришла Бонапарту, когда он вернулся из Италии; позднее он приказал начать работы. Вторая Империя завершила его дело, и улицу Риволи дотянули до района Сен-Антуан. Наполеон III, опасаясь восстаний, счел нужным подготовить защиту власти, проложив для этого большие стратегические пути. Сплетение же улочек Сен-Антуанского предместья облегчало баррикадные бои и стрельбу с крыш и из окон. Носящая имя республиканской победы улица Риволи должна была соединить народный Париж с правительственным.

На деле улица Риволи стала мирной улицей. Магазины в аркадах представляют собой соблазнительную смесь магазинов элегантного белья, иностранных книг и сувениров. Совсем близко пролегает улица Сен-Оноре, остающаяся более связанной с кустарным ремеслом. Ее сафьяновые изделия, ее модные товары и портные предвещают улицу Кастильоне, Вандомскую площадь и Рю де ла Пэ. И улица и район Сен-Оноре отличаются вкусом. Очень сожалею, что вы не посетили Париж в те недели, когда торговые дома выбрали общую тему для своих витрин: басни Лафонтена. Это была выставка изобретательности. Она одновременно демонстрировала находчивость торговцев и культуру пуб-

* А. Моруа имеет здесь в виду день окончания первой мировой войны.

лики. Мне нравилось, смешавшись с толпой, слушать комментарии. Я убедился, что все прохожие — дети, рабочие, мастерицы — хорошо знают своего Лафонтена. Что народ воспитан на классиках и что его любимый поэт — Лафонтен, возможно, объясняет мудрую сдержанность и при кажущемся разногласии истинно глубокую сплоченность.

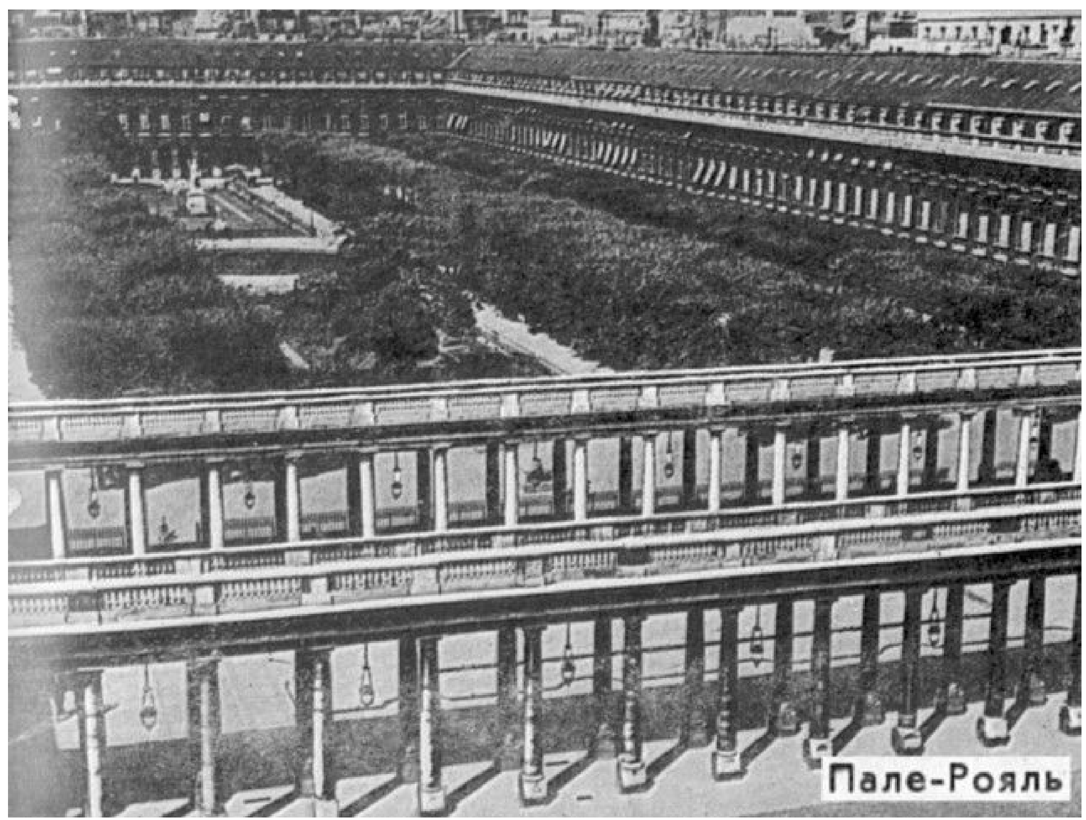
Приготовьтесь. Мы прибываем на Вандомскую площадь, и я жду от вас возгласа восхищения, как это было у Инвалидов. Я считаю эту площадь шедевром. Это иллюстрация великой эстетической правды, которая вдохновляет художника, когда ему приходится преодолевать препятствия и трудности. Что и происходило в действительности. В XVII веке Лувуа решил построить в этом месте большую квадратную площадь, чтобы поместить на ней Королевскую библиотеку, Кабинет коллекций медалей и Академии. План площади составил Мансар: цоколь, коринфский ордер, слуховые окна, удачно разнообразные по форме, и в центре каждой стороны фронтоны. Но Лувуа не хватило денег, и, чтобы сократить строящуюся площадь, он решил срезать углы. Отсюда получилась нынешняя площадь неправильной восьмиугольной формы — идея новая и замечательная по своему эффекту. Вначале конный памятник Людовику XIV украшал центр; потом появился император на своей колонне. Они, всегда и всюду они! Виктор Гюго (он, всегда он) воспел его; Коммуна 1871 года его повалила; Национальное собрание 1875 года восстановило памятник. Теперь министерства, банки окружают Вандомскую колонну, между тем как на Рю де ла Пэ лучшие ювелиры создают украшения из бриллиантов, рубинов, сапфиров, жемчуга и золота, которые оспаривают друг у друга раджи, египетские принцессы, «звезды» Европы и Америки.

Я хотел бы показать вам находящийся неподалеку отсюда другой ансамбль схожей архитектуры — Пале-Рояль. Вы увидите

40

большой огороженный сад, бассейны, играющих детей, стариков, греющихся на солнце, и редких прохожих в галереях. Это молчание и эта тишина вас удивят, если вы читали о временах Революции, когда сады Пале-Рояль были центром политических волнений, между тем как в его зданиях укрывались и притоны и публичные дома. История этого места, ныне такого спокойного, любопытна. Король Людовик XIII отдал эти земли Ришелье, и тот велел на них построить Кардинальский дворец. Людовик XIV в детстве жил во дворце несколько лет, до и после Фронды (отсюда название Пале-Рояль). Позднее он его уступил своей тетушке, Генриетте Французской, вдове английского обезглавлен-

41

Пале-Рояль

ного короля. Благодаря браку ее дочери Генриетты Английской с братом короля Пале-Рояль перешел в семью Орлеанских принцев. В царствование Людовика XVI его двоюродный брат из Орлеанской семьи (будущий Филипп-Эгалите), спекулируя на продаже земель, построил здесь целый квартал, окружил сад тремя улицами, дав им название по именам своих трех сыновей: Божолэ, Валуа и Монпансье. Вы знаете, что этот принц-интриган во времена революции играл тайную и подозрительную роль; этим, несомненно, объясняется политический характер, присущий Пале-Рояль. Вспомните Камилля Демулена накануне 14 июля — он раздавал листья деревьев, как кокарды; вспомните Бонапарта, который под этими аркадами атаковал свою первую гризетку. Луи-

42

Филипп (происходивший из Орлеанской семьи) сделал на некоторое время Пале-Рояль центром Парижа. Вот окно, у которого он появился по зову народа после Июльской революции, покорно напевая «Марсельезу». Теперь писатели, художники сделали из Пале-Рояль фаланстер таланта. Здесь жила Колетт; и Мирель, и Жан Кокто, и Берль, и двадцать других еще продолжают жить здесь. Одновременно здесь и Челси, и Блумсбери, и Гринвичвиллидж.

Дворец ЮНЕСКО

Аристократические кварталы

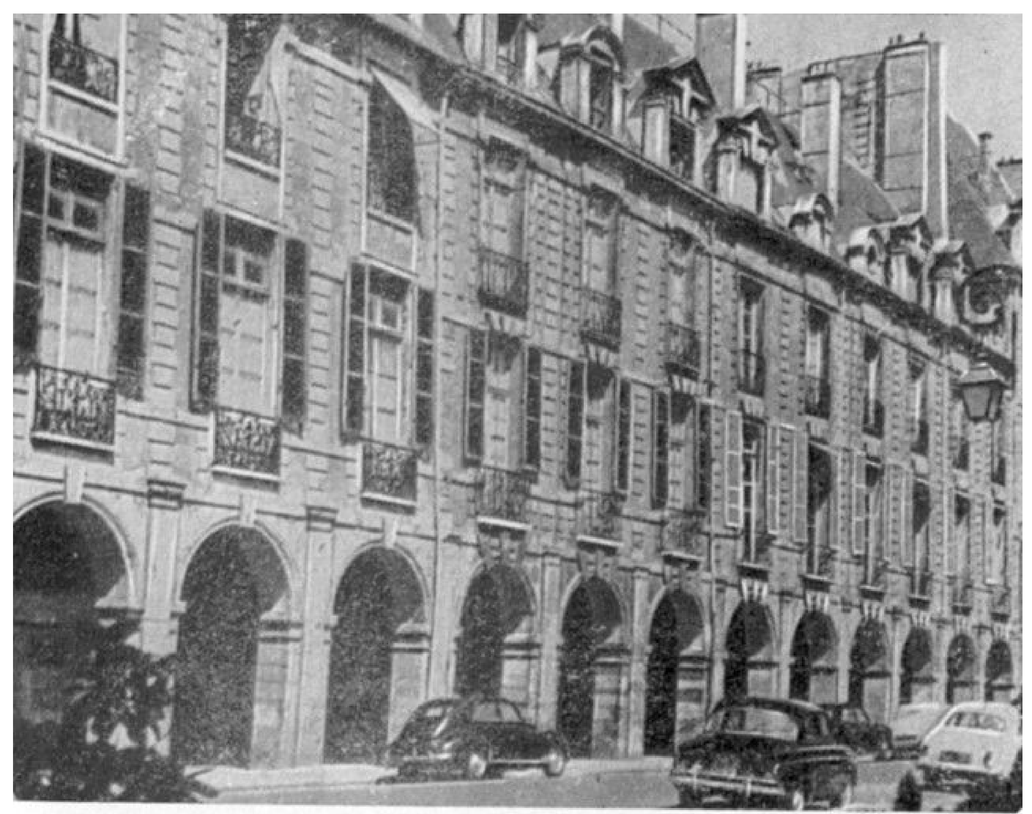
И вот мы на восточном конце улицы Риволи, по соседству с Марэ, аристократическим центром Парижа во времена «Жеманниц». Как во всяком большом городе, «аристократические кварталы» на протяжении веков переместились на окраины. Процесс одряхления городов очень прост. Богатые и влиятельные семьи ищут уединения и строят дома в еще не занятой обширной местности. Другие семьи, из снобизма или по дружбе, присоединяются к ним. И некогда пустые пространства постепенно заполняются. Нувориши втираются в квартал, который слывет элегантным. Через одно или два поколения первые владельцы начинают скучать или разоряются. Их внуки строятся в другом месте. Квартал познает все более и более глубокое падение. Дворцы становятся лачугами, но вот приходит день, когда некий барон Османн и его преемники квалифицируют их как «нездоровые островки» и обрушивают на эти остатки прекрасного прошлого кирку разрушителя.

В XVII веке площадь Вогезов и Марэ были усеяны аристократическими особняками. Среди них добрая сотня избежала действия времени, но многие, разделенные на маленькие квартирки, на магазины, имеют пышный, но жалкий вид опустившегося вельможи. Лучшие из этих разделенных домов были использованы

республиканской администрацией, Дом госпожи де Севинье превратился в музей Карнавале. Вы найдете в нем всю историю Парижа в документах, эстампах и безделушках. Национальный архив захватил особняки Роан, Субиз, д'Омон, сохранив их внушительный вид.

Площадь Вогезов занимает то место, где некогда находился старинный особняк де Турнель, в котором французские короли жили до Лувра и который Екатерина Медичи приказала разрушить. Именно Генрих IV, любивший красивые площади с аркадами в Беарне и Наварре, решил окружить площадь Вогезов симметричными павильонами из кирпича и камня. Это единство планировки, столь редкое для городской архитектуры за пределами Франции, сделало из площади Вогезов чудо, равное Вандомской площади. Название площади Вогезов дано революцией. Госпожа де Севинье называла ее просто «площадь». Во времена госпожи де Севинье она была излюбленным парижанами местом для прогулок. Во времена Фронды площадь была лагерем, где окопались войска города. Двадцать шесть особнячков окружают площадь. В XVII веке они принадлежали знатным вельможам; № 1 — особняк де Куланж, где в 1626 году родилась Мари де Рабютен-Шанталь (маркиза де Севинье), которая остается некоронованной королевой Марэ; № 4 — особняк де Бретей. № 6 знаменит тем, что в нем с 1833 года по 1848 год жил Гюго и там написал свои шедевры. Возможно, что Марьон Делорм, жившая как раз позади особняка Гюго, не случайно была избрана поэтом героиней одной из его драм. Теперь в № 6 — музей Виктора Гюго, где вы увидите прекрасные рисунки тушью и рукописи с крупным почерком. «Ego Hugo» *. На всем пути нашего странствования мы будем встречать этого исполина духа. Номера 13

* Я — Гюго (латин.).

Музей Виктора Гюго

и 15 — особняки де Роан-Шабо; № 14 — особняк Данжо; № 17 — особняк де Шабанн, позднее особняк де Флёр.

В XVIII веке квартал Ришелье-Друо был возведен в ранг аристократического квартала, в то время как богачи давали приют своим прекрасным подругам в «домиках для развлечений» в районе Шоссе д'Антен. Еще позднее «девушки легкого поведения» селились вокруг церкви Нотр-Дам де Лоретт, откуда и название «лоретки», данное им в XIX веке. Такое географическое соседство домиков любезных дам, которые имели привычку про-

Отель Матиньон

живать на границе с аристократическими кварталами, давало возможность вельможам-покровителям легко и удобно переходить из супружеского особняка в «особнячок». Я говорю «имели» привычку, потому что эта «профессия», по крайней мере в таком виде, погибает. Между тем на левом берегу, в четырехугольнике, граничащем с Сеной, бульваром Инвалидов, улицей Сен-Пер и улицей Севр, формировался знаменитый квартал Сен-Жермен, доступный во времена Бальзака только для определенного круга, временная крепость французской аристократии, ныне заселенная министерствами и посольствами. Победители уберегли свои завоевания от разрушения, и таким образом квартал не потерял

Современный дом на авеню Версаль

своего характера. Если вы не возражаете, войдем в особняк Матиньон, эту канцелярию президента, или в особняк Ла Рошфуко-Дудовиль (ставший итальянским посольством). Вы увидите, что эти княжеские резиденции были построены «между двором и садом». На улицу Варенн выходит замощенный двор, очень обширный, задуманный для таких прекрасных карет, что даже длинные американские автомобили разворачиваются в них с легкостью. Поднимемся на первый этаж. Оттуда вы увидите громадный парк, образуемый многими смежными садами.

Тот же сюрприз ждет вас и в квартале Сен-Оноре, где сады Елисейского дворца, сады особняков Ротшильда (ставшие один — Межсоюзным клубом, другой — помещением американского учреждения); сады Английского посольства, занимавшего с 1815 года особняк де Шароз, покинутый Полиной Боргез, и включившего в свои владения

особняк Перер; сад особняка Пилле-Вилль образуют все вместе другой малоизвестный парк. Потому что «аристократические кварталы» всегда перемещались к западу. Во времена наибольшего процветания «благородного предместья» долина Монсо, Шайо, Отей, Пасси находились в сельской местности. Для Бальзака пойти обедать в ресторан «Роше» (теперь втиснутый в улицу того же названия) означало «отправиться в поля». Квартал Монсо был построен после 1870 года; Филипп Эриа рассказал нам его историю в романе «Семья Буссардель». Художники построили здесь маленькие разрозненные особнячки так вольно и так хаотично, что вилле в стиле Ренессанс навязано соседство с готическим павильоном, и оба здания украшены застекленными мастерскими. Вы еще увидите несколько таких достойных осуждения фантазий на улицах Прони, Ампер и на площади Мальзерб.

Потом появились строители «доходных» домов, которые заполнили восьмой и семнадцатый городские районы шестиэтаж-

Морис Утрилло. Улица Мон-Сени на Монмартре

Камилл Писсарро. Проезд Оперы. 1898

ными домами, безличными, зажиточными и такими же вместительными, как те, в которых жили родители Марселя Пруста, — с гостиными, украшенными стенными коврами, эркерами, вечно зелеными растениями, с резными ларями в столовых и цветными стеклами в окнах. Комфортабельное уродство. И наконец, продолжая движение к западу, районы Шайо, Пасси, Отей образовали шестнадцатый округ. «Жить в шестнадцатом округе — это значило провозгласить свои принципы»; это значило признать себя крупным буржуа. Кто хочет в богатстве сохранить стиль богемы, ищет более оправданный компромисс между комфортом и географией. Для таких эстетов жизнь в Пале-Рояль — вполне приемлемое решение, такое же, как снять квартиру во флигеле какого-нибудь старого особняка в районе, где жила семья Германт. Но житель шестнадцатого округа, подобно старшему лесничему казенных лесов, «как правило, гордится своим положением». Впрочем, внутри самого шестнадцатого округа есть нюансы, которые вы постепенно уловите. Квартал Шайо более роскошный, более коммерческий: тут находятся гостиницы типа «Палас» и живут известные портные. Квартал Пасси — смешанный.

В нем есть места очень богатые, такие, как Ла Мюэтт, где Европейская организация экономической кооперации построила свои конторы в старинном парке Анри Ротшильда, но также и улицы «мелкобуржуазные», как сказали бы в Москве. Отей более откровенно провинциален. До войны 1939 года я ездил туда навещать Жака-Эмиля Бланша в его просторном доме, похожем на нормандское шале, где этот большой художник плакался на нищету посреди своих Коро, Мане, Писсарро на принадлежавшем ему обширном участке земли, квадратный метр которого уже тогда стоил астрономическую сумму.

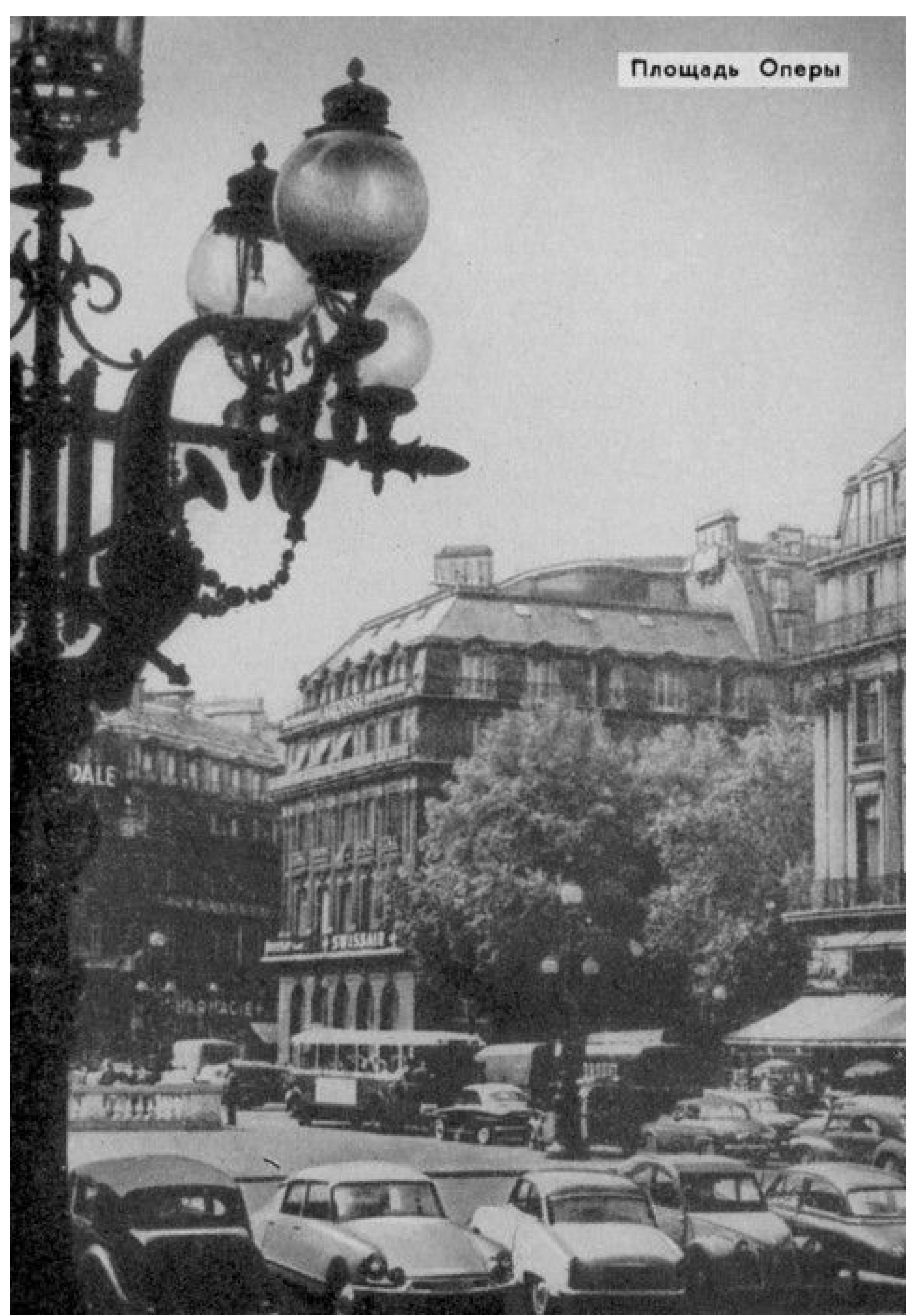
Как Англия не составляет части континента, а только соседствует с ним и участвует в жизни Европы, так Нейи на Сене

не является кварталом Парижа. Это провинциальный город, который находится во взаимно выгодных отношениях с Парижем, — город, полный свежего воздуха, спокойный, очень приятный для больших семейств (мать водит детей на прогулку в Булонский лес) и для писателей, ценящих тишину в десяти минутах от площади Этуаль. Бодлер, Теофиль Готье, Ла Варенд, Монтерлан некогда жили в Нейи. У Мориса Барреса был дом на бульваре, названном теперь его именем. Роберт де Монтескью снимал здесь в аренду Павильон муз, где молодой Марсель Пруст с восхищением и скрытой усмешкой принимал участие во многих пышных празднествах. У Айседоры Дункан была студия на улице Шово.

Благодаря чистоте воздуха в Нейи находится множество клиник, включая великолепный американский госпиталь. В родильных домах процент рождаемости так велик, как ни в одном городе Франции; тысячи парижан родились здесь и становились на несколько дней нейилеенцами (так следует называть жителей Нейи). Впрочем, продвижение к западу никогда не прекращается. Так как в Париже строят мало, то парижане селятся в Сюрен, Булони, Сен-Клу, Вилль-д'Авре, Гарш и Сен-Жермен-ан-Ле. Великий Ален, Монтень нашего времени, жил в Везине, и братья Таро долго были парижанами Версаля.

Бульвары и то, что к ним примыкает

В начале нашей прогулки я вам предложил возвратиться из леса к центру Парижа через Елисейские поля и улицу Риволи. Но Париж обладает целой системой больших путей, параллельных Сене, и на этот раз мы сделаем переход с запада на восток через бульвар Мальзерб и Большие Бульвары.

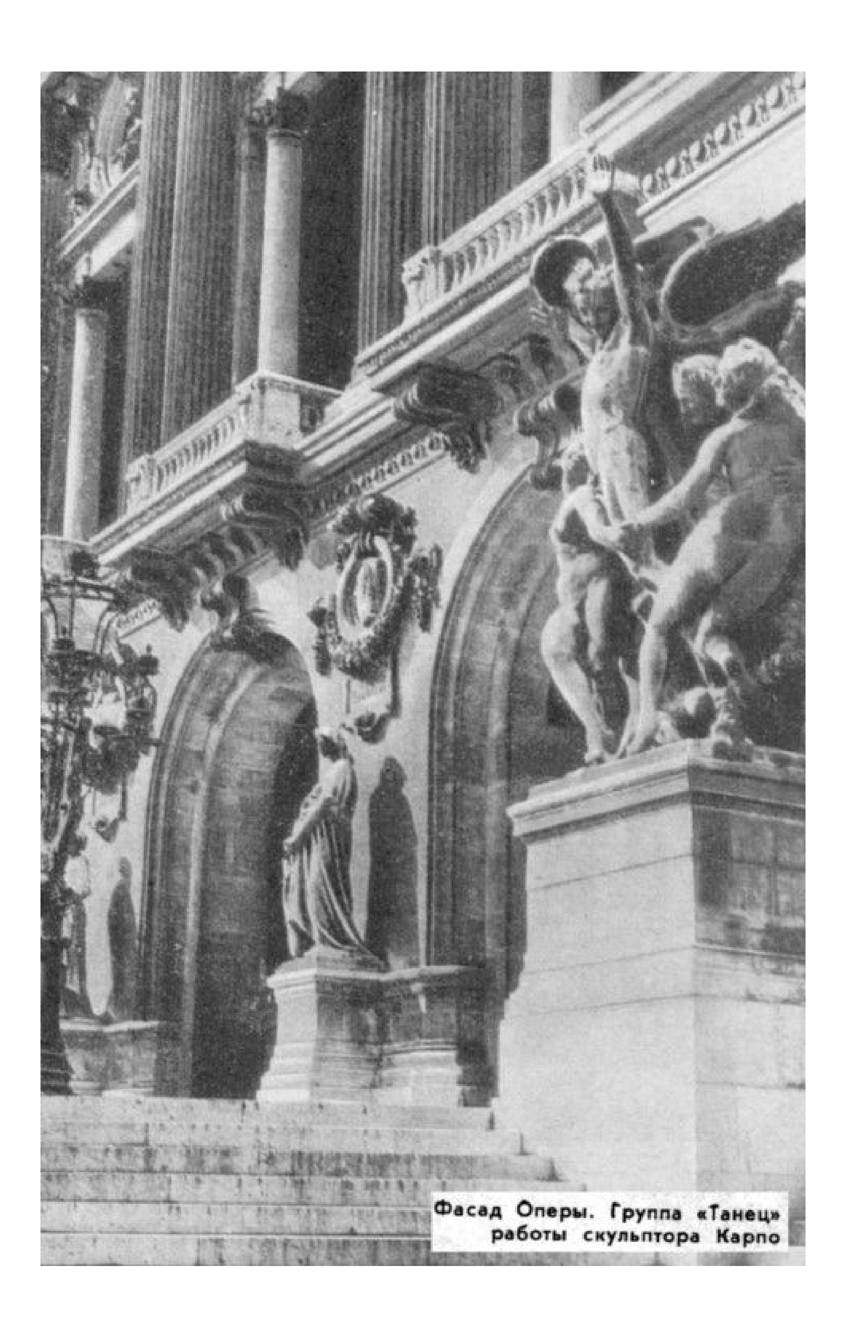

Площадь Оперы

Когда я был ребенком, меня восхищало путешествие в омнибусе по Бульварам — от Мадлен до Бастилии. Я поднимался на империал по узкой винтовой лесенке и в упоении глядел вокруг. Здесь перед моими глазами был весь Париж. В ту пору наиболее знаменитые театры находились в этом квартале. В театре «Водевиль» царила Режан; в «Варьете» любимая парижанами труппа (Ги, Брассер, Жанна Гранье, Лавальер, Макс Дерли) играла в пьесах «Король, Микетт и ее мать», «Зеленый костюм»; в театре «Жимназ» часто выступали Симона и Люсьен Гитри; театр «Ренессанс»; театр «Порт-Сен-Мартен», куда мои родители возили меня смотреть Сирано; театр «Амбигю», где шли «Разносчица хлеба» и «Два сорванца» и где публика принимала участие в представлении.

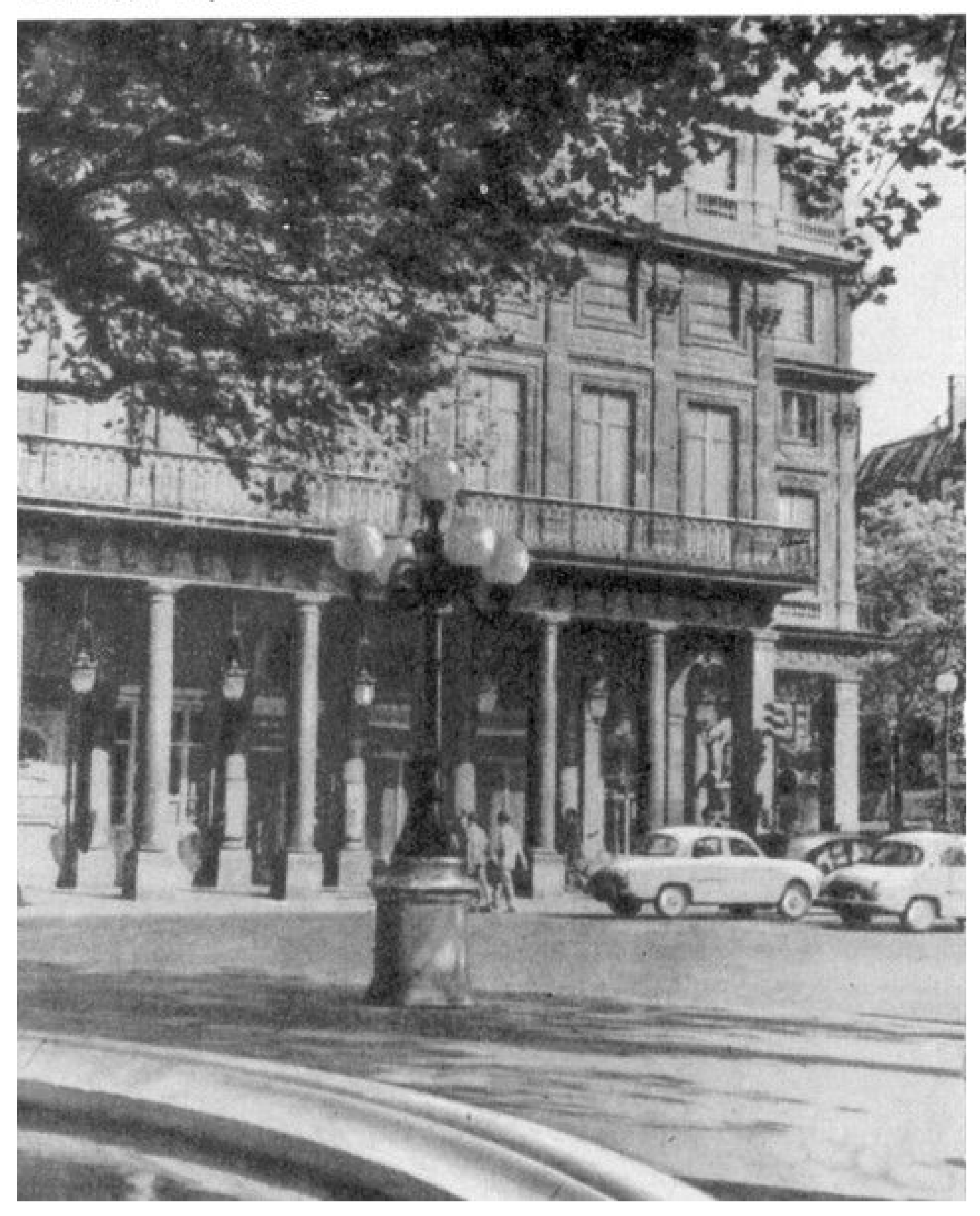
Не было недостатка и в прославленных кафе: «Кафе де ла Пэ»; кафе «Наполитен», куда иногда мы отправлялись лакомиться настоящим итальянским мороженым, с наивной надеждой вдруг перенестись с атмосферу Италии; кафе «Прево», шоколад которого

пользовался исключительной славой. Вскоре я завел на Бульваре друзей-книжников: косматого мсье Флури, живописного мсье Рея, который был похож на Поля Судэ и издавал Жеана Риктю. Все это было опьяняюще, и все-таки во времена моей юности Бульвар больше не играл в жизни Парижа такой решающей роли, как во времена Бальзака или Оффенбаха. В период Второй империи и даже в начале Третьей республики слово «бульвардье» означало остроумие Парижа и вовсе не имело того презрительного смысла, который этому слову придавал позднее авангардистский театр. На Бульваре героических времен мужчины в цилиндрах приветствовали красивых женщин; лошади приплясывали на мостовой; «тигры», скрестив руки, стояли позади кабриолетов. «Мэзон Доре», «Кафе Англе» привлекали посетителей королевской крови, которых можно было увидеть в отдельных

Фасад Оперы. Группа «Танец» работы скульптора Карпо

Комеди Франсэз

кабинетах вместе с принцами ума и красивыми актрисами. Принц Галльский долгое время был идолом Бульвара.

Прогулка на восток приближала к народным кварталам. Здесь Бульвар менял свой облик. Попадались любопытные нарушения уровня; лестницы поднимались (и еще поднимаются) к дорогам на горе, окаймленным перилами. В начале XIX века бульвар Тампль был чем-то вроде постоянной ярмарки, где слушали балаганные представления скоморохов. Немного поодаль находился цирк Франкони, куда в 1840 году Жорж Санд водила своих детей. Торговцы напитками, цветочницы с тележками предлагали свои товары гуляющим. Бульвар Сен-Мартен; здесь проходишь мимо ворот Сен-Мартен, которые, так же как ворота Сен-Дени, чудом уцелели от градостроителей. Именно в этом квартале при Наполеоне III барон Османн проложил перпендикулярно к Большим бульварам Севастопольский бульвар, затратив на это такие огромные суммы, что Жюль Ферри написал по этому поводу памфлет: «Фантастические счета Османна». Художники

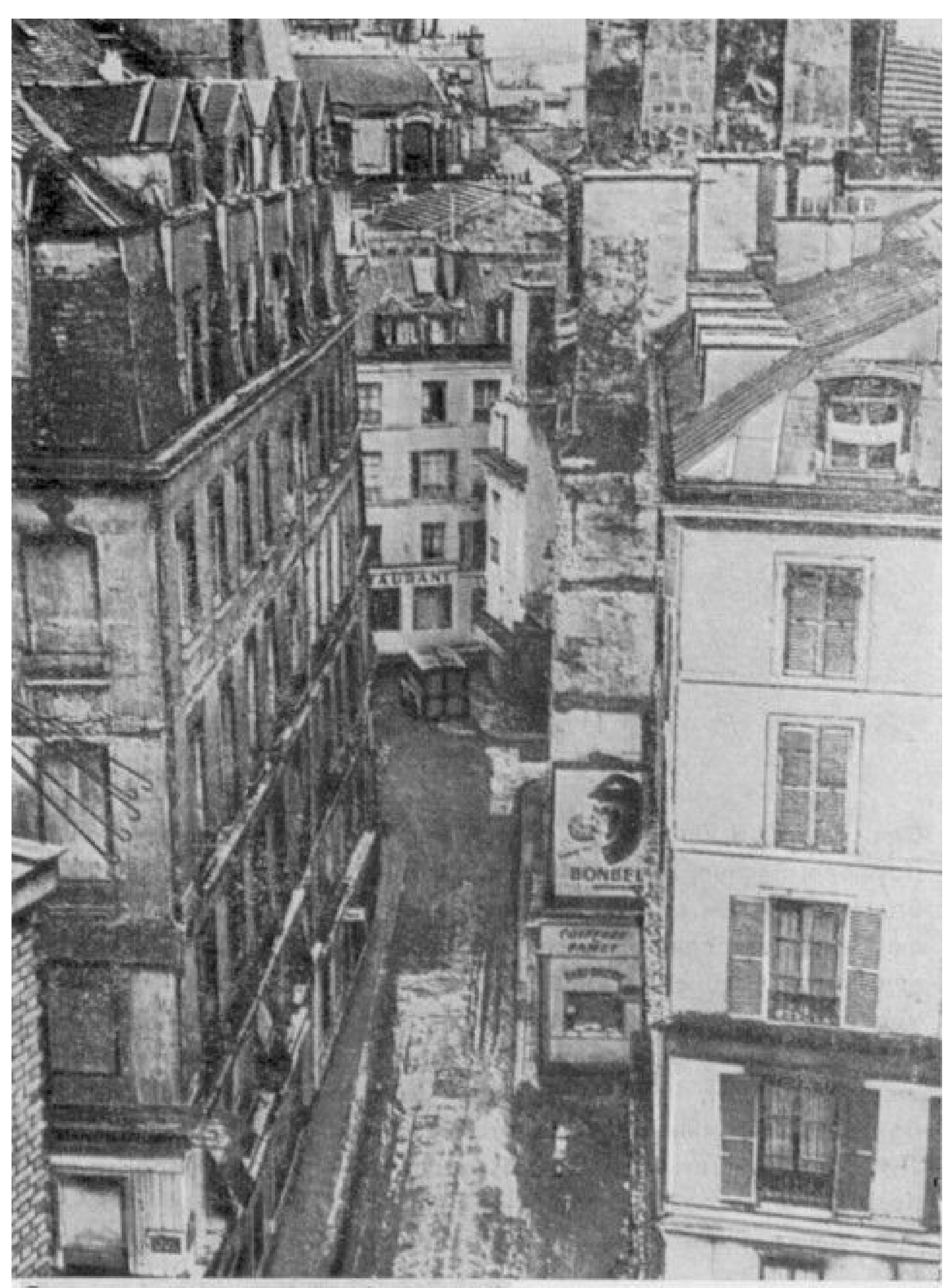
плохо отзывались в прессе об этом префекте Второй империи, разрушившем старые и живописные кварталы; однако надо признать, что, не будь его, было бы невозможно в наши дни передвигаться по Парижу.

Настоящий, подлинный Бульвар тот, что посвящал в звание «бульвардье», тот, где торжествовал победу «Милый друг» Мопассана, составлялся из бульвара Монмартр и бульвара Итальянцев. Переулки были скрытные и причудливые: пассаж Оперы, пассаж Панорамы связывали Бульвары с задними улицами. Лицеисты искали в этих переулках подпольные книжные лавки. Солидные и даже пользующиеся известностью магазины соседствовали здесь с подозрительными лавчонками. Некоторые из этих скрытых пассажей уцелели; но пассаж Оперы был уничтожен удлинением бульвара Османна, который ныне упирается в пере-

кресток Ришелье-Друо, полностью разрушив этот священный для меня уголок. Быть может, операция и была удачной, но как привыкнуть к тому, что после вмешательства косметической хирургии любимое лицо, которое мы любили таким, как оно есть, приобрело правильные черты.

Нотр-Дам... Конкорд... Я вам говорил: «Вот сердца Парижа!» Но у Парижа на самом деле три сердца. Странная анатомия для человека, но приемлемая для города. Третье сердце — это площадь Оперы. Не знаю, любите ли вы здание Оперы архитектора Гарнье. Что касается меня, я на него не смотрю. «Опера — это опера», — как сказала бы Гертруда Стейн; как Эйфелева башня — это Эйфелева башня; как Монблан — это Монблан. Можно ненавидеть в памятниках Гарнье навязчивую роскошь, бесчисленные позолоченные орнаменты, символические статуи, но нельзя отрицать, что в этом стиле есть своя мощь. В парадные вечера на большой лестнице, по сторонам которой стоят гвардейцы в белых рейтузах, касках, с саблей в руке, — мрамор и золото хорошо обрамляют белые плечи а ла Винтергальтер. В зале вам вспомнится ложа бенуара принцессы Германт и тот тусклый свет, где блуждал монокль мсье де Паланси под ложей Мартен-Беллем. На самом же деле после двух войн вы будете чаще наблюдать в Опере демократическую толпу: пиджаки и короткие платья. Пусть это вас не шокирует.

Для авеню де л'Опера с трудом находишь определение. На ней нет ни космополитического оживления Бульваров, ни роскошных магазинов Рю де ла Пэ. Лучше понимаешь, чем она не является, чем то, что она есть. Широкая и полезная, она все же кажется безликой. Но она соединяет два наших великих национальных театра: Оперу и Комеди Франсэз. Я хотел бы, чтобы вы во время своего пребывания в Париже провели много вечеров во Французском театре. То, что я вам говорил (в Фобур

Старые улицы между бульваром
Сен-Жермен и Сеной

Менильмонтан. Улица каскадов

Сен-Оноре) о Лафонтене, верно также и в отношении Мольера, Корнеля, Расина, Мюссе. Французы воспитаны своими классиками больше, чем им самим об этом известно. Нравами французов, их любовью повелевают воспоминания, едва ими осознанные. Вы узнаете Францию в Доме Мольера и получите там изысканное удовольствие. К Комеди Франсэз относятся так же, как к Французской Академии. И о той и о другой говорят много плохого; это доказывает, что они живы, к умирающим относились бы с более безразличной снисходительностью, Передовой актер Жан-Луи Барро пишет: «Я всегда буду советовать актеру пройти через Комеди Франсэз...» Я говорю вам: «Я всегда буду советовать иностранке быть неизменно преданной Французскому театру».

В районе, расположенном между Бульварами и улицей Риволи, terra incognita *, вам нужны вехи. От площади Оперы начинается большая, идущая вкось дорога, улица Четвертого Сентября (это дата провозглашения Третьей республики), которая ведет к фондовой Бирже. Вы отметите, что Биржа, как церковь Мадлен, — храм в греко-римском стиле. Это императорская и латинская сторона Парижа (арки Этуаль и Карусель, мемориальные колонны с барельефами, идущими по спирали) — все это нам завещала Первая империя. Наполеон брал за образец Цезаря, и Луи Давид был его художником. Не просите меня объяснять вам тайны Прокуратуры и Биржи. Я в них никогда ничего не понимал. Читайте «Деньги» Золя и «Падение тел» Мориса Дрюона, и вы убедитесь, что мир спекулянтов мало изменился. Быть может, оживление на галерее, крики покупающих и продающих на ступеньках храма вас на мгновение позабавят.

К югу от Биржи — квартал Ле Сантье. Это тот квартал, который, находясь в Париже, более других напоминает Сити в Лондоне. Здесь в старых домах столетние династии продают ткани или превращают их в одежду; здесь также группируются все виды товаров, связанные с производством одежды: позументы, пуговицы, нитки, блестки.

Большие здания на улице Реомюр соответствуют требованиям активной парижской торговли. Поэт Парижа, Жюль Ромен, хорошо сказал об улице Реомюр: «Шум улицы Реомюр. Самое название ее похоже на пение колес и стен, на сотрясение домов, на вибрацию бетона под асфальтом, на гудение подземных поездов, на шорох людской толпы между туманным воздухом и каменными громадами. Улица поистине столичная. Русло, прорытое рекой новых людей. Еще не совсем взошел XX век над двумя колокольнями вдали. Но уже лежат

* Неизвестная земля (латин.).

В квартале Центрального рынка

его отблески на лицах у прохожих, отражаются в стеклах больших конторских зданий. Уже услужливо действует его въедливый дух. Он еще не командует во всеуслышание. Но рука его узнается повсюду. Он по-своему располагает толпу, быстро переделывает витрину. Рука века проникает в глубь конторских помещений, где лампы всегда зажжены. Это она стучит на пишущих машинках и, роясь в задних комнатах лавок, вырывает из них сумрак точно сорную траву...» *

И, наконец, если с Бульваров через Монмартр вы направитесь к юго-востоку, то попадете в обстановку другого романа Золя — «Чрево Парижа»; Центральный рынок, как и Биржа, мало изменился со времен Ругон-Маккаров.

* Ж. Ромен, Люди доброй воли (перевод И. Б. Мандельштама), т. III, Л., 1933, стр. 190.

До XIX века Париж был городом, где разные классы общества переплелись между собой. Дома бедняков окружали особняки знатных господ. Было ли так лучше? Я думаю — да. Вредно делить нацию на два народа из-за слишком различных привычек. Как бы то ни было, вторжение барона Османна, содействовавшее постройке в центре Парижа

буржуазных домов с высокой арендной платой, оттеснило рабочих, служащих и мелких чиновников на окраины. Бельвиль, Менильмонтан, Ла Виллетт сейчас уже больше, чем обыкновенные кварталы. Сейчас это густо населенные города, и у каждого свои характерные особенности. «Менильмюш» — родина Мориса Шевалье; это, разумеется, Париж, и для тысяч парижан здесь самая сущность Парижа (то, что называют акцентом Парижа, этот акцент «париго», который соответствует лондонскому «кокни», вы услышите в Бельвиле, в Шаронне). Но этот подлинный Париж более похож на любой бульвар большого индустриального города, чем на Елисейские поля.

По мере удаления от центра к предместьям городской пейзаж постепенно преобразовывается, причем границы его едва ощутимы. Облицованная камнем земляная насыпь в центре бульвара Клиши уже обсажена деревьями. Но здесь мы уже на Монмартре, у которого свой характер, и мы поговорим о нем позже. А дальше метро вдруг вырывается из-под земли и по эстакаде продолжает свой путь наземной железной дорогой, что придает бульвару де ла Шапель вид нью-йоркской Третьей авеню. На шоссе реже встречаются роскошные автомобили; витрины магазинов носят более утилитарный характер. Один торговец мебелью написал на вывеске «Стойкая мебель», и было непонятно, демонстрирует ли он свое мужество во время оккупации или прочность своих стульев. Почти не встречаются большие гаражи. «Все для велосипеда» — возвещает вывеска в Бельвиле... Бульвар Менильмонтан... И вот цель нашей новой прогулки: клад-

бище Пер-Лашез. Я хотел, чтобы вы посетили его, потому что «человечество скорей состоит из мертвых, чем из живых» и потому что здесь вы найдете весьма значительную часть недавнего прошлого Парижа. Вы не пожалеете об этом паломничестве. Как хорошо размышлять на могиле поэта или музыканта, который был любим, или убедиться в том, что шести футов земли достаточно, чтобы вместить все, что осталось от военачальника, заставлявшего дрожать континенты. Это кладбище, несмотря на его название, данное по имени отца-иезуита, духовника Людовика XIV, — по существу императорское и романтическое, но к нему прикоснулась и Третья республика. Потому что после смерти отца Лашеза, которому король дал землю, этот холм (именуемый в то время Мон-Луи) возвратился в орден иезуитов. И только в 1804 году мсье Фрошо, префект Сены, создал здесь обширное кладбище. За исключением Мольера и Лафонтена, чей прах с запозданием перенесен в это место, первые великие имена на кладбище Пер-Лашез принадлежат солдатам Империи (Нею, Мюрату, Сюше), таким юристам, как Камбасерес и Дону, а также хирургу императора — де Ларрею.

Но не на их могилы я хотел бы вас проводить. Взгляните, налево от главной аллеи — могила Мюссе, которого вы заслуженно любите. Мода к нему враждебна; она пройдет, Мюссе останется. Его памятник подавляют соседние, более поздние. И только бюст вызывает в памяти изящную и тонкую голову, которую любило столько женщин.

«Дорогие друзья, когда я умру,
Посадите иву на моей могиле...»

Дорогие друзья посадили иву, но она не разрослась. Жалкий куст, но так ли это важно, если тень его легла на землю, где спят Октав и Келио? Позади Мюссе — его сестра Эрмини. Так закончилась жизнь Дон-Жуана — в семье.

Пер-Лашез

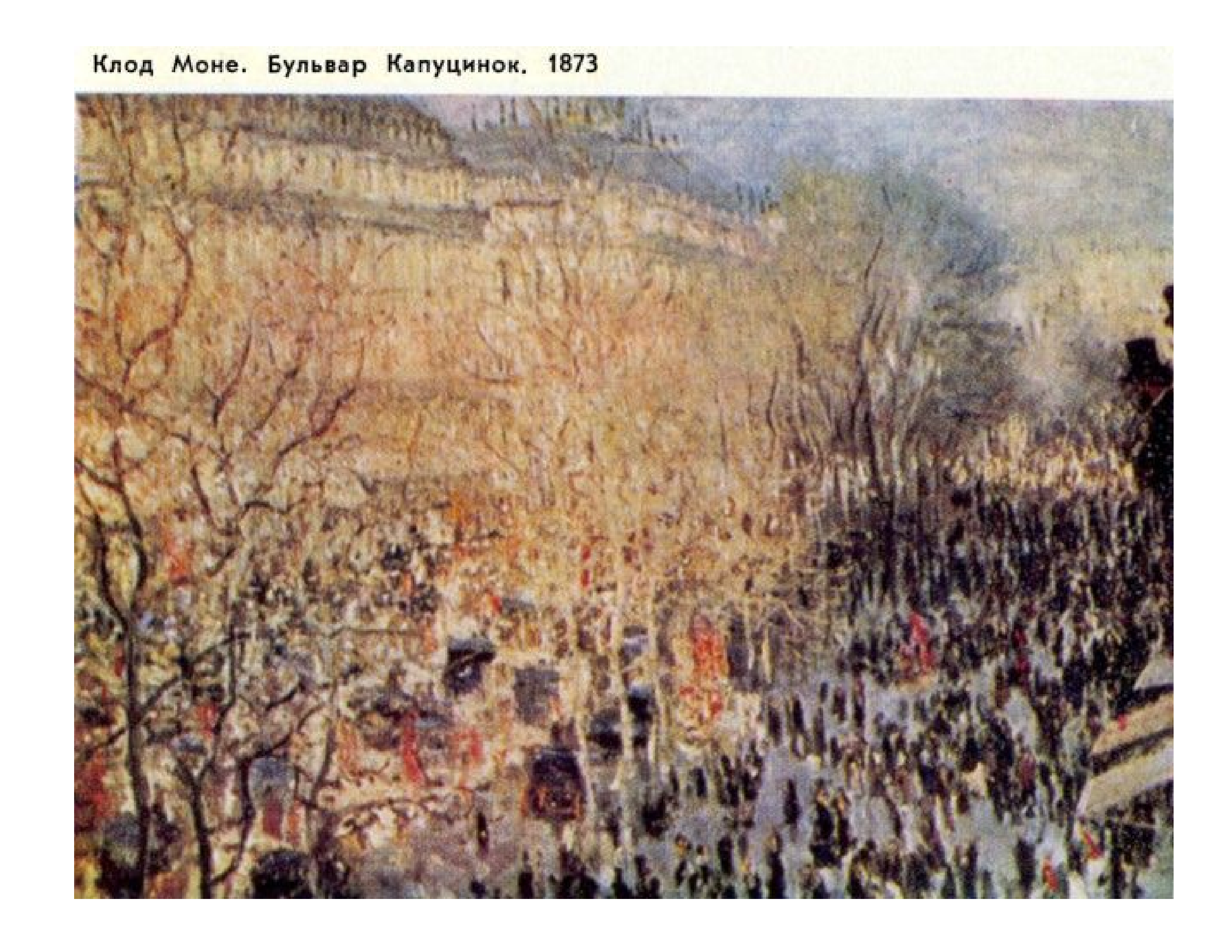

Недалеко от Мюссе — Россини. Пер-Лашез — это хранилище музыкантов. Вот Бойельдье («Белая дама», — говорит сторож, — он родился в Руане...»); Обер («Немая из Портичи», — продолжает сторож, — он родился в Кане...»); Гретри, Бизе, Керубини, Меюль и, наконец, Шопен. Постоим здесь. Шопен — ваш друг и, должно быть, друг многих сердец, ведь на могиле свежие фиалки («Это по случаю столетия, — объясняет сторож, — обычно у него цветов не больше, чем у других...»). Бедный Шопен! Его памятник сооружен отвратительным Клезенже, этим «мраморщиком», который отравил жизнь Жорж Санд и навязал поэтической памяти умершего композитора эту фигуру жирной, грудастой, некрасивой женщины.

Теперь пройдем к Бальзаку («Великий французский романист, — говорит сторож. — Он родился в Туре... одна из его книг — известная «Евгения Гранде»... Столетие в этом году...»). Вместе с Бальзаком похоронены не только иностранка, ставшая госпожой де Бальзак, но также и ее дочь и зять, граф и графиня Жорж Мнишек. Семейное сборище.

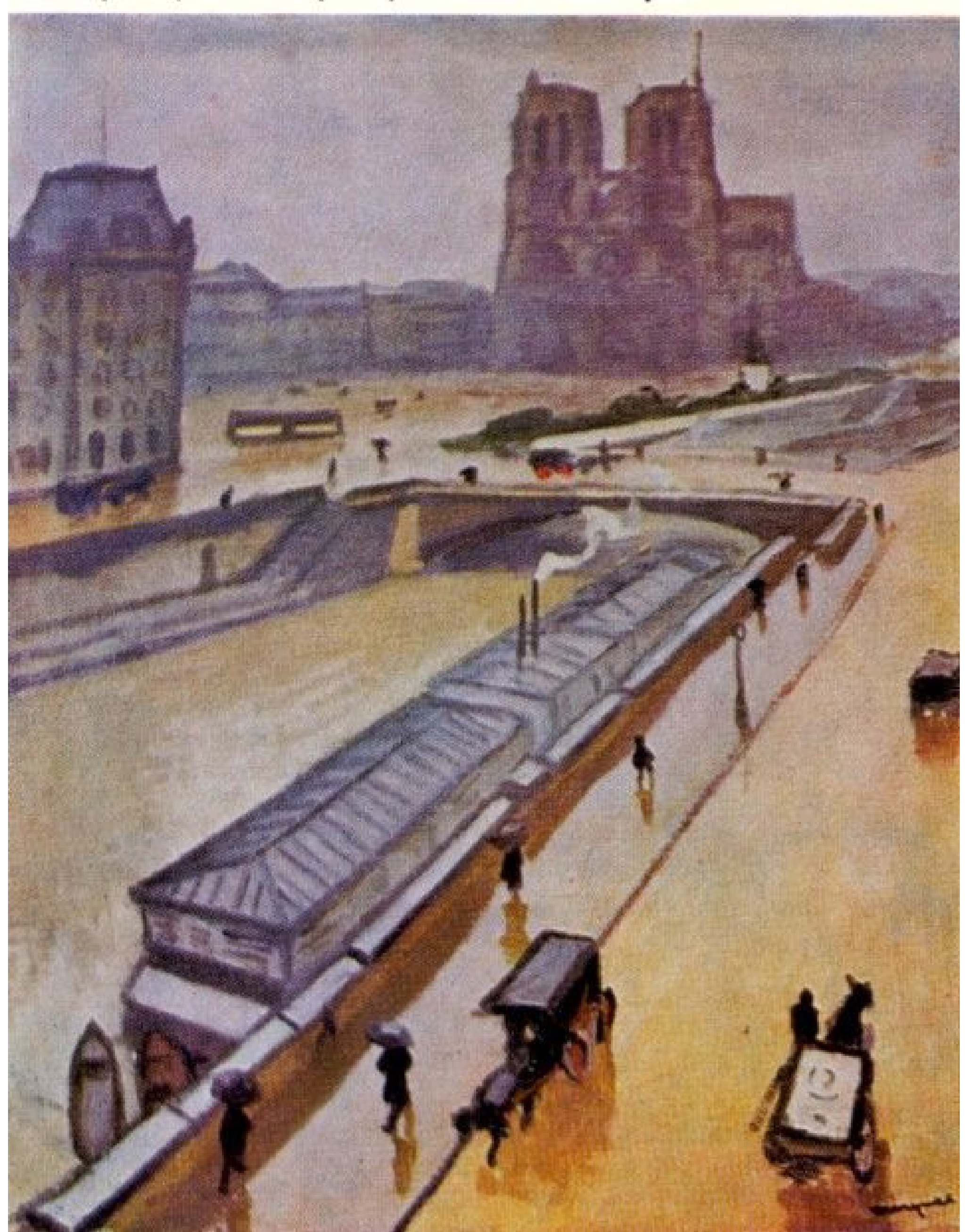
Оскар Уайльд слишком далеко, в 89-м отделении: мы не пойдем к нему. Но мы поклонимся двум другим друзьям: Мари д'Агу («1805—1876, — дает сведения сторож. — Она была любовницей Листа, его у нас нет...») и Жюльетта Адам («1836—1936, — дополняет сторож. — Единственная писательница, у которой столетняя годовщина совпадает с Фонтенелем»). Эдмон Адам с большими свисающими усами возвышается над этой супружеской могилой («Он был сенатором, — докладывает нам сторож, — и играл роль в революции 48-го года так же, как и этот Ледрю-Роллен, вот его бюст...»). Но мы уже среди политических деятелей, и сторож показывает могилы президентов Республики: «Эта большая часовня, здесь мсье Тьер...». Какой гигантский мавзолей для такого маленького человека! При его жизни говорили, что придет день —

64

Клод Моне. Бульвар Капуцинок. 1873

Альбер Марке. Собор Парижской богоматери

и его статуя будет установлена на Вандомской колонне между ног императора. Вдова была дальновиднее. Вот Феликс Фор. «Он умер при таинственных обстоятельствах», — язвительно объясняет сторож. И Казимир Перье — о нем сторож ничего не говорит.

Затем актрисы; мадемуазель Маре, Рашель, Аделина Патти. Художники: Жерико, Делакруа, Давид, Энгр, Гро. Скульпторы: Прадье, Давид д'Анже. У Энгра и Делакруа сторож безмолвен, но у памятника Шенавару говорит, не умолкая: «Великий художник, который задумал пересказать всю историю человечества. На его памятнике вы видите эскиз истории в барельефах. Вот, к примеру, Возрождение — Джоконда позирует Леонардо да Винчи. Скульптура так выразительна, что вы узнаете, — добавляет сторож, — эту улыбку, которую, неизвестно почему, называют загадочной...»

Поднимемся на вершину холма. Как прекрасен Париж в золотистом тумане; в нем возникают силуэты, которые вам хорошо знакомы: массивные башни-близнецы Нотр-Дам, шпиль Сент-Шапель, купол Пантеона. Вы думаете о Растиньяке? Да, это приблизительно то место, откуда он бросил свой вызов Городу. Но сейчас пора весенняя, она успокоила

бы даже самого Растиньяка. Люблю это кладбище. Статуи, стихи, высеченные в мраморе, превращают его в музей на открытом воздухе. Домашние хозяйки со всего квартала приходят сюда вязать, их дети играют между могилами. Молодая женщина читает роман, сидя в тени кипариса. Быть может, она ждет возлюбленного. Любовь и смерть всегда жили в согласии. А впрочем, кто здесь думает о смерти? Все эти скелеты прикрыты живой зеленью, и все они давнишние покойники, которых можно еще почитать, но не оплакивать. «За сто тысяч франков, — говорит сторож, — вы можете получить здесь в вечное пользование два квадратных метра...» По сравнению

Улица Муффетар, где в каждом доме продуктовая лавка

с ценами на различные вещи — это недорого. Хотели бы вы иметь соседями по вечности Шопена, Мюссе, Бальзака?

Бросим взгляд на парк Бютт-Шомон, «это изумительный парк, где мы находим склоны горы, настоящие овраги, гроты, озера, карусель, толпу очень тесную, с трудом передвигающуюся; большую усталость от солнца и от воскресного дня; лепешки из слоеного теста; их жадно едят и плохо переваривают...» И здесь опять Жюль Ромен — лучший из гидов, и я вам предлагаю при возвращении в центр проделать пешком путь маленького Луи Бастида, когда он катит свой обруч по бульвару Орнано, затем по улице Шампьонне, улице Белиар, улице Маркаде. «Оказавшись у подножия улицы Сент-Мари, он спросил себя, подняться ли по самой улице или по лестнице. Выбрал лестницу... По мере того как Луи всходил по ступеням, он чувствовал более прохладный воздух, еще не настигнутый сумерками. Утес домов справа вы-

свобождался последовательными уступами в одном движении с лестницей и на вершине был озарен косыми, но еще яркими лучами солнца. Отблесками горели стекла

верхних этажей. Женщины из глубины своих комнат могли видеть закат. И мальчику хотелось скорее подняться на холм, словно там, наверху, сосредоточились вся радость, все игры, все приключения грядущего...» *.

Поэзия детей Парижа. Одни вместе с друзьями Жильберты Сван купят свои шарики у торговцев на Елисейских полях или стакан «коко» в лавчонке на Тюильри; другие будут жадно рассматривать в витринах улицы Клинанкур новую обувь. Одни будут запускать трехмачтовые корабли с белыми парусами в бассейны Люксембурга, другие — лодки в ручей Бельвиля. Но все привязаны к Парижу своего детства, и когда-нибудь, став художниками, писателями, шансонье, дадут миру свои лучшие полотна или свои самые волнующие образы

«Влюбленного детства зеленого рая...» **

Латинский квартал

Сен-Жермен-де-Пре

Я показал вам три сердца Парижа. А вот его мозг. Начиная со средневековья гора Сент-Женевьев — район высших учебных заведений. Где же его центр? По-моему, площадь Сорбонны. Здесь вы увидите самое молодое население Парижа. Здесь возраст почти всех прохожих от восемнадцати до двадцати пяти лет. Они незнакомы с головными уборами; большинство ходит парами, некоторые ватагами. Одни из них поднимаются по бульвару Сен-

* Ж. Ромен, Люди доброй воли, т. I.

** Ш. Бодлер, Стихотворения (перевод П. Антокольского).

Мишель, направляясь к юридическому факультету, к лицеям Генриха IV и Сен-Луи, другие спускаются по этому бульвару, чтобы попасть в Сорбонну. Чаще всего встречаются французские лица, однако очень много иностранцев всех цветов кожи. Студенты приезжают со всего мира, чтобы слушать лекции в Парижском университете. Взгляните — это своеобразное лицо, обрамленное, как у художника Греко, черной бородой, может принадлежать мавру или андалузцу; а эта очаровательная блондинка похожа на англосаксонку или шведку. Впрочем, не исключено, что и мавр и блондинка тоже парижане.

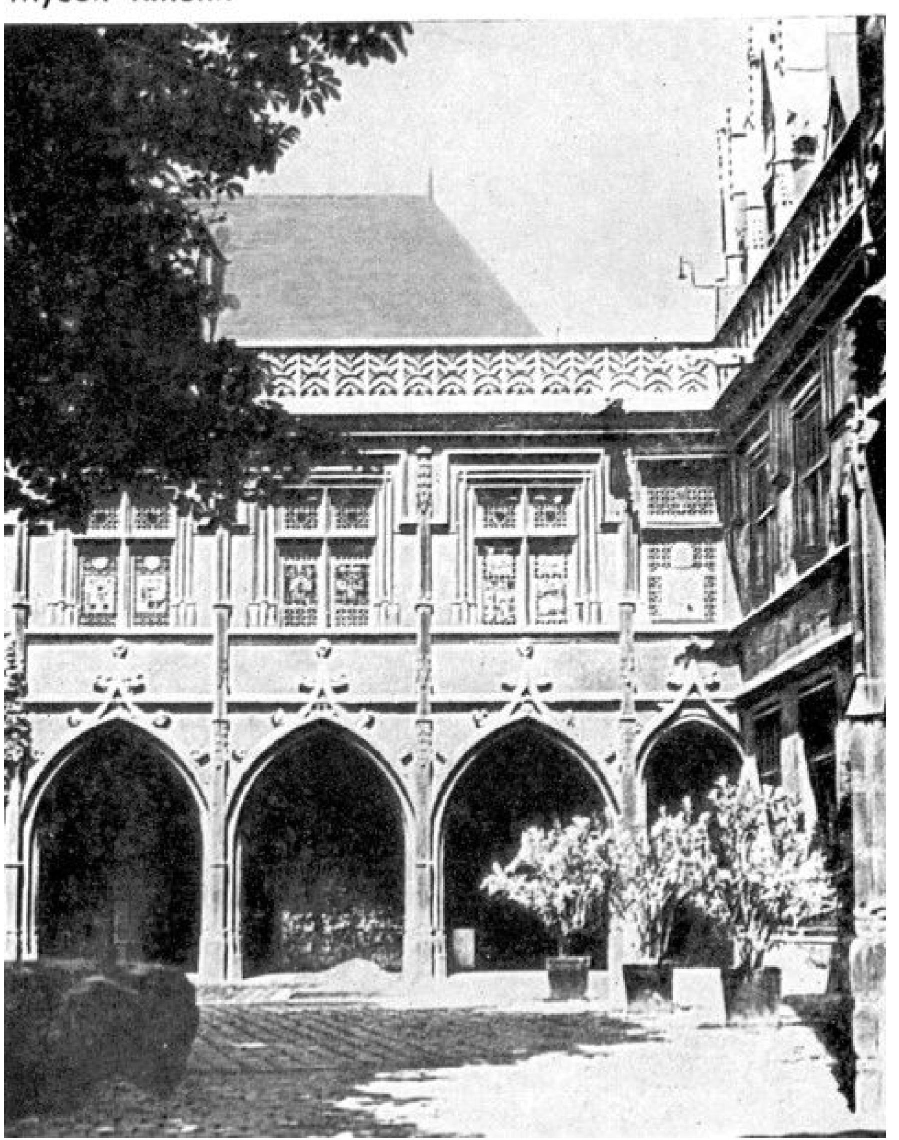
Можно вообразить, что мы находимся во дворе одного из больших американских университетов. Тем не менее разница есть. В Париже студенты живут не в зданиях Сорбонны, а либо во французских семьях, либо в университетском городке, который вы увидите у парка Монсури. Здесь у каждой страны есть свой большой национальный дом, куда принимают и несколько французских студентов. Каждое утро большие автобусы привозят этих молодых людей из университетского городка в Латинский квартал. В американском коллеже мало взрослых: только преподаватели или обслуживающий персонал. Жизнь Латинского квартала тесно связана с жизнью студентов. Однако на террасах кафе юные пары составляют большинство. Кафе «Ле Вашетт» на углу улицы дез Эколь — любимое место писателей начала века; «Ле Вашетт» времен Мореаса и Жироду исчезло. Буль-Миш, особенно в настоящее время, известен своими прекрасными

книжными магазинами: «Университетские издания», «Жозеф Жибер», «Центр Ришелье» и двадцать других, переполненных молодыми людьми, живые свидетели вкусов времени.

В саду музея Клюни вы увидите красивые развалины дворца Юлиана-Отступника, покрытые листвой, и почувствуете себя очень близкой этой эпохе в истории Франции, которую хорошо знаете.

68

Музей Клюни

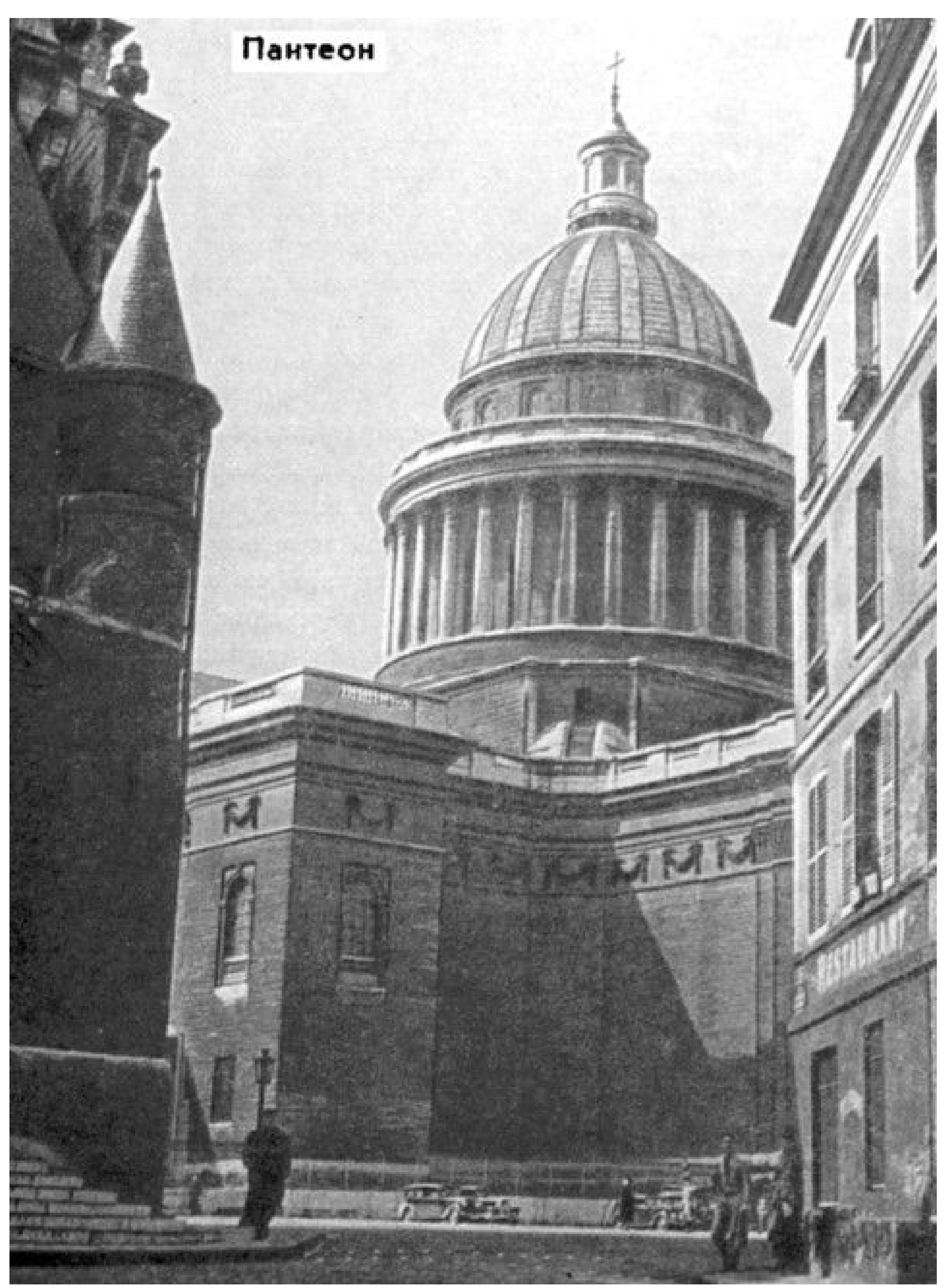

Диспуты в Сорбонне продолжают интересовать корпорации ученых всего мира, как в те времена, когда там преподавал Абеляр. Рядом с Сорбонной — Коллеж де Франс; рядом со Средневековьем — Возрождение. Этот свободный прославленный дом был основан Франциском I. В центре фасада — статуя Клода Бернара в сюртуке; гигантский бюст поэта Ронсара. Поднимемся по бульвару Сен-Мишель. Вот Пантеон... И еще раз вы мне процитируете Гюго:

«Так ради мертвецов открыто и радушно
Подъемлет Пантеон в туманности воздушной
Колонны стройные...»

Пантеон красив своей массивной симметрией. До него на этом месте было аббатство, построенное во имя святой Женевьевы, покровительницы и защитницы Парижа; квадратная колокольня (она схожа с башней Сен-Жак) все еще существует позади желтого фасада лицея Генриха IV, священного для меня места — в нем преподавал философию мой учитель Ален. Надеюсь, вы знаете сочинения Алена. Если нет, мы войдем в первый попавшийся книжный магазин, и я вам их подарю. Это «Суждения о счастье», «Любовные похождения», «Теория искусств», «Боги».

Пантеон был построен Людовиком XV и в то время назывался церковью Сент-Женевьев. Архитектор Суффло часто бывал в Риме, вот почему он и создал такой гигантский собор. Нужно войти в него, чтобы почувствовать его величие. Здание было закончено во времена Революции. В момент смерти Мирабо Национальное собрание решило отвести этот храм для его могилы и впредь хоронить здесь всех великих людей. И в самом деле Пантеон — это собрание великих. Но встречаются и люди малоизвестные, так как в каждую эпоху политические страсти оказывают свое влияние. В этом склепе захоронены Вольтер и Руссо, так же тесно соединенные после смерти, как глубоко разъеди-

Пантеон

ненные при жизни; разумеется, Виктор Гюго; химик Марселен Бертло, некоронованный король своего времени, лишивший себя жизни, дабы не пережить жену, похороненную с ним рядом; Эмиль Золя — за его мужественную позицию во время дела Дрейфуса; и Жан Жорес, чей могучий голос, провозглашавший мир во всем мире, мне довелось слышать.

Спускаясь по древней узкой, извилистой улице де ла Монтань Сент-Женевьев, мы подходим к Эколь политекник, куда главный вход ведет, как и подобает, с улицы Декарта. В Эколь политекник царит картезианский метод; здесь Франция превращает математиков в правительственных чиновников. Результаты не так уж плохи, говорят французы, весьма склонные к самокритике. И действительно, во Франции правят страной не хуже, чем в соседних странах, а в административном отношении, пожалуй, даже лучше. Было бы заблуждением считать, что картезианский метод и дополняющий его экспериментальный

метод могут быть врагами тонкого ума и действия. Декарт создал современную математику; он был солдат по профессии и великий прозаик, но в своем роде мистик — глашатай божественной воли. И то, что в этом квартале Декарт сосед Клода Бернара и святой Женевьевы, — неплохой символ. О, как Франция сложна!

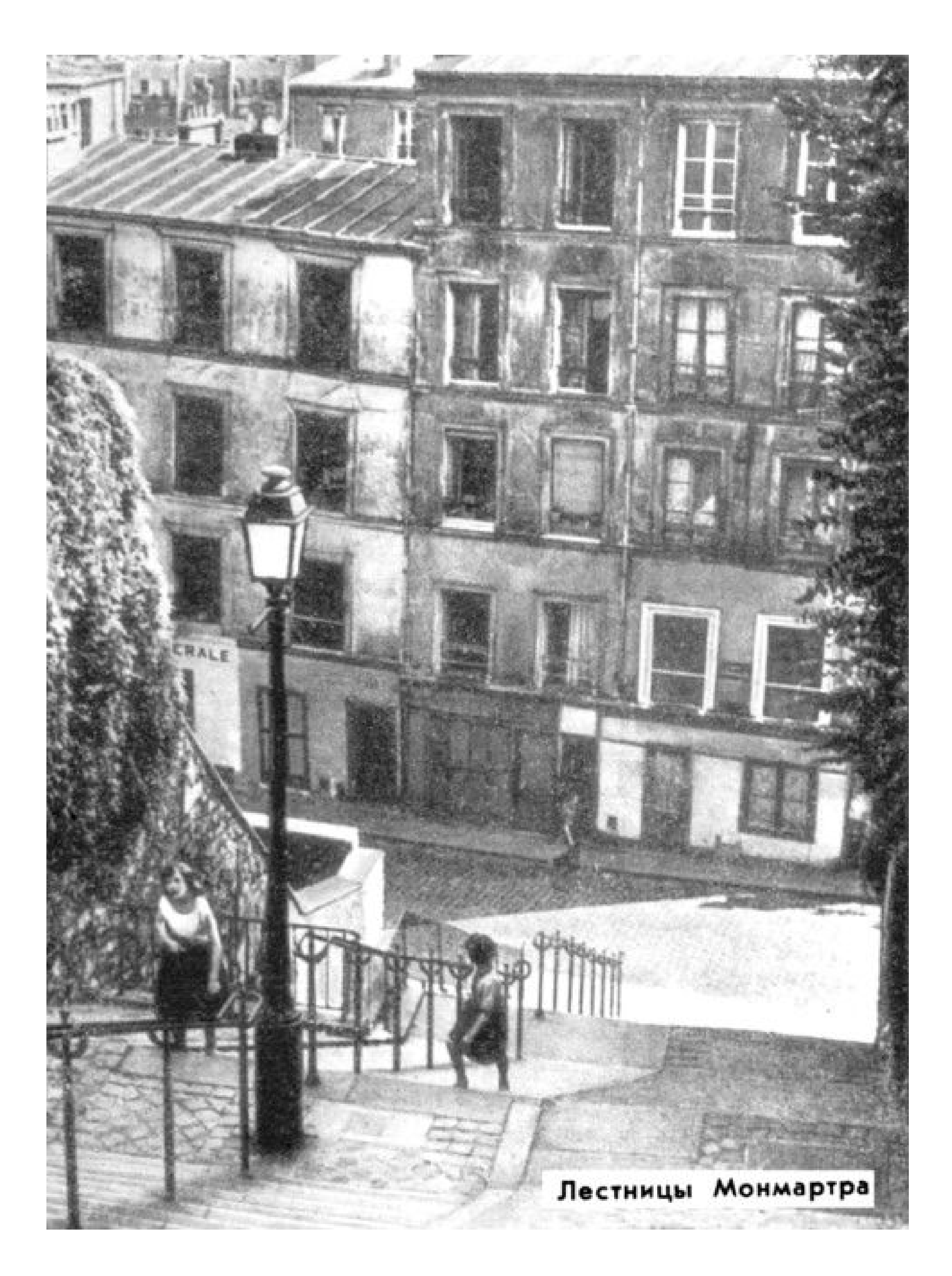
В последнее время в вашей стране вам много говорили о Сен-Жермен-де-Пре. Некогда он считался кварталом церкви и издательств, но начиная с войны 1939 года стал равным по значению Монмартру и Монпарнасу. В 1947 году, путешествуя по двум Америкам, я был поражен количеством вопросов, задаваемых мне журналистами о «Кафе де Флор», о кафе «Дё Маго», об отеле де ла Луизиан. Был ли знаменит Сен-Жермен-де-Пре в глазах многих молодых людей как место увеселения? Не совсем так. Конечно, в квартале были кабаре, ночные кафе, такие, как знаменитая «Роз руж», где слушали четырех братьев Жак, остро-

умие которых столь же тонко, сколь и смешно, и которые вовсе не братья; были такие погребки, как «Табу». Но для расспрашивающих меня иностранцев Сен-Жермен-де-Пре был прежде всего выразителем душевного состояния и той философии, которая является частью экзистенциализма.

Что знали мои собеседники о доктрине экзистенциализма? Почти ничего. Их сильно смутил вопрос: почему, когда речь идет о человеке, размышляющем о самом себе, сущность предшествует существованию? Из произведений Сартра они знали только «При закрытых дверях», «Грязные руки» и «Почтительную проститутку». Но когда речь шла о любимых кабачках Сартра и Симоны де Бовуар, эрудиция моих собеседников была неистощима. Они знали, что сюрреалисты предпочитают «Дё Маго»; экзистенциалисты — «Кафе де Флор», а пивную Липп, которую некогда посещали Фарг и Сент-Экс, иногда посещал Андре Жид. Эти священные места были для молодых людей Гарварда или Иела, Сан-Марко или Меделлен тем, чем для молодых греков Среднего Востока были Лицей или Академия во времена наивысшей славы Греции. Америка, с ее строгими нравами, всегда мечтала найти в Париже какой-то налет вольной фантазии, пусть даже слегка безумной. Монмартр, а затем Монпарнас отвечали этому стремлению. Сен-Жермен-де-Пре их продолжает.

Монмартр и Монпарнас

Мне не нравится, когда Монмартр и Монпарнас изображают в виде двух держав-соперниц. Пусть обаяние Монпарнаса более свежо, но и старый Монмартр все равно не теряет ни на йоту своего очарования. Конечно, существует Монмартр во вкусе провинциалов, в какой-то мере уже старомодный. Но сколько же уголков старого Монмартра остаются неповторимыми! Весь Мон-

Лестницы Монмартра

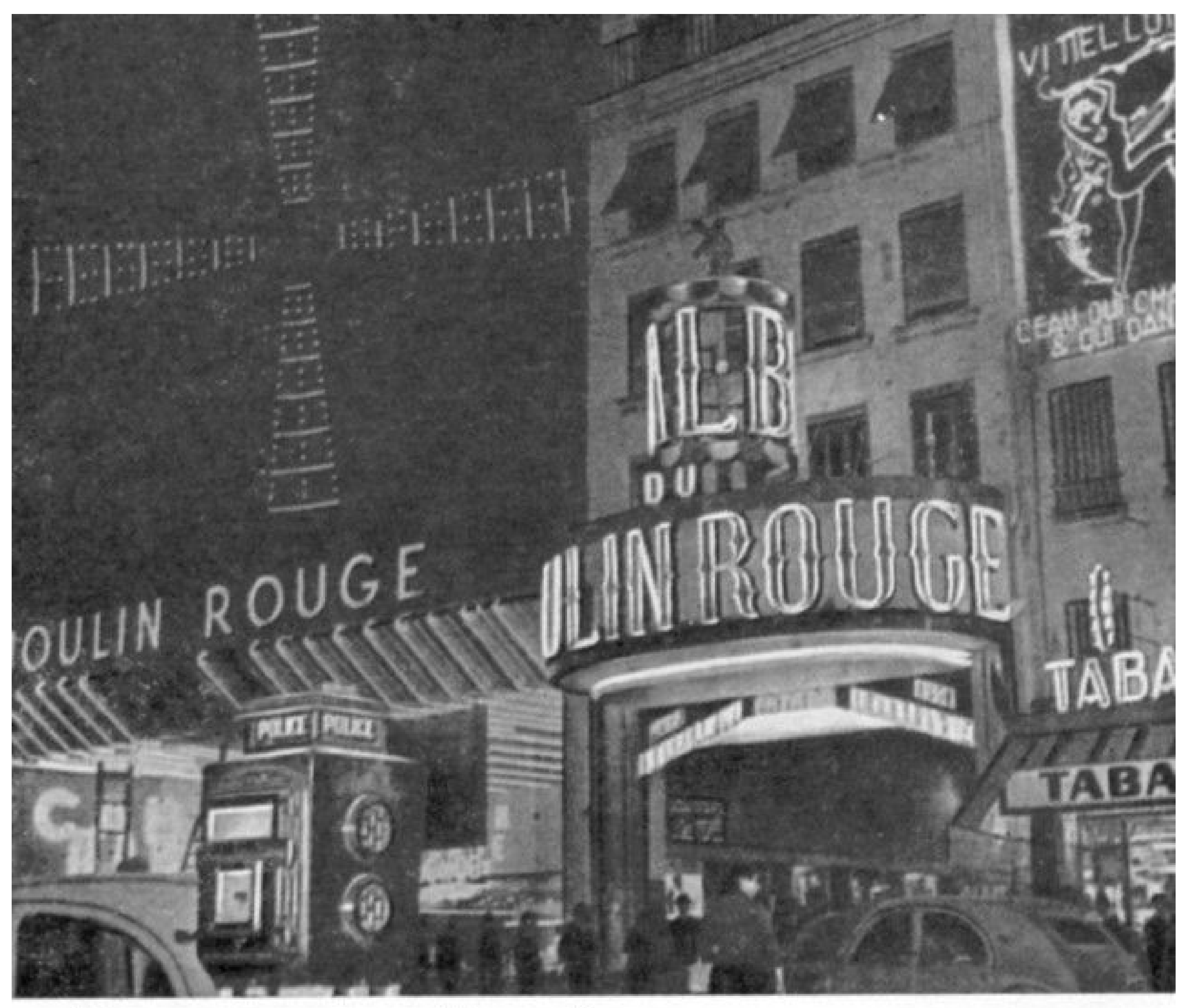
мартрский холм усеян небольшими одноэтажными домиками, с балконами, полными цветов, с зелеными палисадниками. На каждом повороте перед вами — Утрилло или Кизе. На крутых улочках стоят повозки, груженные овощами, первоцветом, гиацинтами. Купите букетик цветов или артишок, и торговка вам скажет: «Бери, моя красотка, бери, моя дорогая, бери, моя милая».

Потому что на Монмартре ведут себя непринужденно. А вы знаете, что существует Монмартрская республика? Мэр Монмартра? Что по воскресеньям устраивается шествие пожарных с сельским стражником во главе? Изучите эту республику. В глубине узкого тупичка вы вдруг обнаружите старый особняк с резьбой на фронтоне. На самой верхушке Елисейской улицы изящных искусств как фон для всей открывающейся перед вами картины стоит красивое старинное здание. Посмотрите на эту улицу, состоящую сплошь из лестниц, она перерезана пополам старыми железными перилами, отполированными тысячами рук, державшихся за них. Следующая улица перегорожена деревом, разросшимся так пышно, как будто оно выросло в лесу. Никакой планировки. Все неожиданно, все разукрашено «как чучело гороховое». Площади бесформенны. Улицы

извиваются вокруг собственной оси и приводят вас обратно, туда, откуда вы вышли. Стены облуплены; штукатурка осыпается. Неожиданно возникают виноградные кусты и поднимают свои чахлые лозы на вершину холма. Тут все беспорядочно, сумбурно и очаровательно. Это Монмартр.

Ни в одном квартале вы не увидите более противоречащих друг другу картин. На монмартрских улицах встречаются персонажи из романов Карко, девушки, поджидающие в двух шагах от меблированных комнат своих клиентов, сутенеры в кричащих пиджаках, издали наблюдающие за своими любовницами. Но есть и другое: Монмартр религиозный, и большие автобусы, достав-

75

Монмартр ночью. Мулен-Руж

ляющие к подножию Сакре-Кёр толпы богомольцев, и торговцы талноланами, предлагающие вам за пятьдесят франков фальшивый коралл в форме сердца, и поблизости от Северного кладбища — улица Жозеф де Местр, строгая, как римский папа. Часовня Мучеников (поскольку Монмартр — это гора мучеников, где были, по преданию, обезглавлены святой Дионисий и его ученики), та самая часовня, где Игнатий Лойола со своими единомышленниками слушал мессу в день основания им ордена иезуитов, теперь исчезла. Нужно ли сетовать, как многие эстеты, по поводу уродливой базилики Сакре-Кёр? По-моему, нет. В солнечный день ее белая громада на вершине холма достойно венчает Париж,

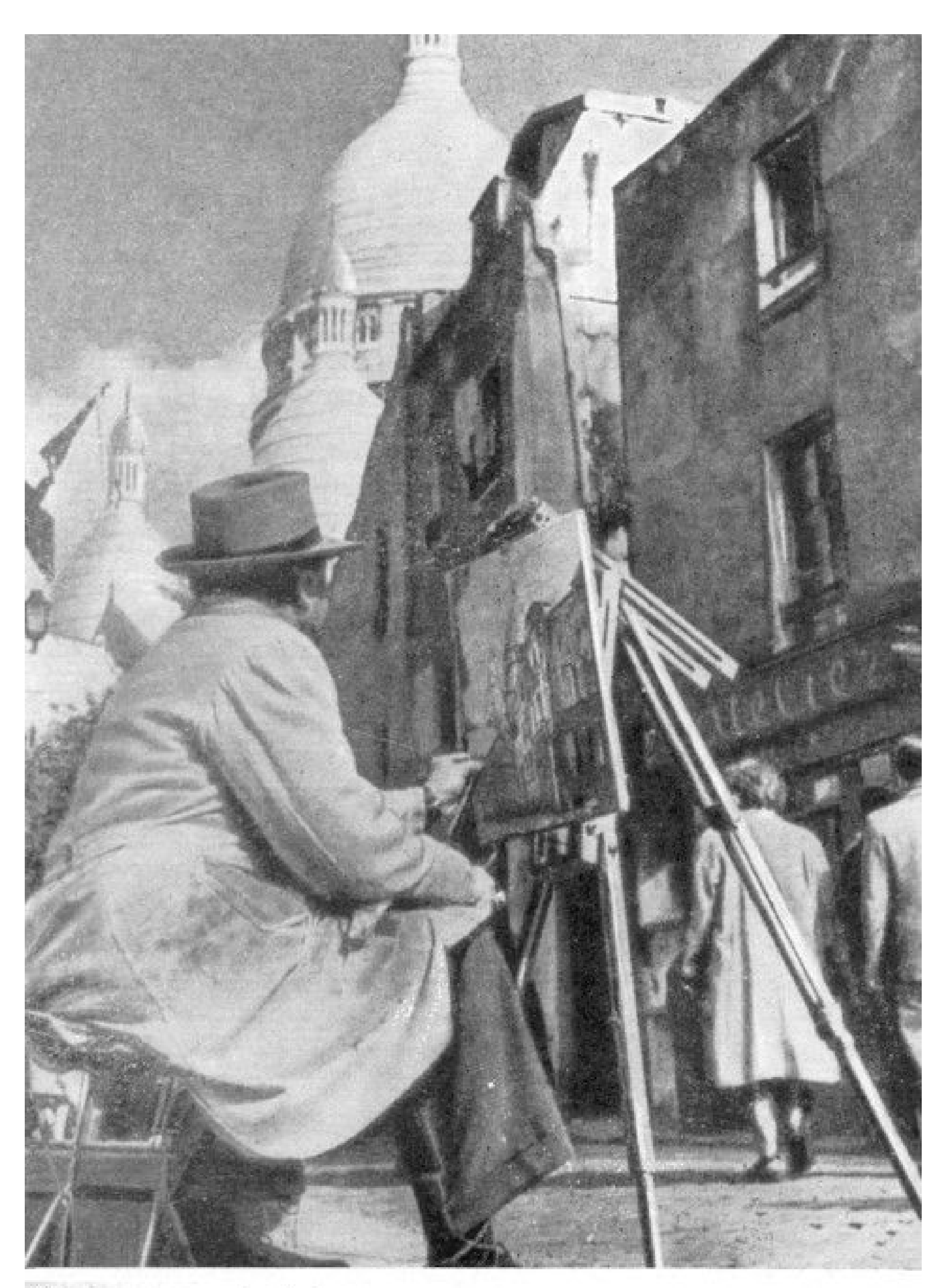
Не верьте тому, что художники покинули Монмартр. Им, конечно, грустно, что украшения, сделанные в угоду провинциалам, испортили какие-то улицы, но для них осталось достаточно восхитительных уголков, и они продолжают любить монмартрскую жизнь. На Монмартре вы найдете знаменитых художников: Дюфи, Леже, имевшего там свою мастерскую; память об Утрилло, который, покинув Монмартр, продолжал воспроизводить на своих полотнах

«Улицу с ее тусклыми домами,
Ее лавчонками и сверкающие тротуары...»

На Монмартре жили великие композиторы — Онеггер, Дариус Мило, которого вдохновлял, а не тревожил оглушительный шум на бульваре де Клиши. На Монмартре очень охотно живут и оркестранты. Перед рестораном Пигаль каждый вечер к пяти часам собирается настоящая ярмарка музыкантов — кларнетист, гобоист, альт — все они ищут работу. А что до «воскресных» художников, то вы помните, как нам приходилось обходить их мольберты на каждом углу улицы.

«Подъем на фуникулере, — говорит Жюль Ромен, — сохранил свой привкус некоего приключения. Вы внезапно возноситесь над городом, и благодаря тому, что вас с городом разделяют сады, двойная белая лестница, создается впечатление особой величественности. Легкий туман смешивается с солнечным светом. Шум, который в другом месте казался бы мрачным и грубым, здесь кажется радостным. Таким может быть только Париж. И этот свет, этот шум и ваше сердце подтверждают это. Но чувствуешь себя так, как будто ты — в гостях, как будто ты, иностранец, приехал в чужой город. Эта большая белая лестница как бы говорит о власти других законов...»

Монпарнас... В истории Европы есть период испанского господства, период французского господства, период английского

Уголок старого Монмартра

господства. Триумфальный период Монпарнаса хронологически входит в историю Парижа между историей Монмартра и Сен-Жермен-де-Пре. История Монпарнаса совпадает приблизительно с периодом между двумя войнами, но она куда блистательней в десятилетие с 1919 по 1929 год, чем в десятилетие с 1929 по 1939 год. Будет, впрочем, большой ошибкой думать, что Монпарнас заглох после того, как его свергли с престола. Испания, Франция и Англия сохраняют свое величие, авторитет и обаяние, пусть даже в настоящее время господствует американское или русское влияние. Но будущего никто не знает. Быть может, Монпарнасу уже завтра суждено пережить вторую молодость.

Планировка Монпарнаса проста. Вообразите два больших бульвара, пересекающиеся в форме X: бульвар Распай и бульвар Монпарнас. Начинаются они в районе Сен-Жермен и тянутся к обсерватории и Лион де Бельфор. Место их пересечения для Монпарнаса является тем же, что площадь Оперы для Парижа. На этом перекрестке или на расстоянии нескольких сот метров от него находятся знаменитые кафе: «Дом», «Ротонда», «Куполь»; совсем недалеко от них — Академия де ла Гранд-Шомьер.

Если вы хотите понять монпарнасскую атмосферу на следующий день после перемирия 1918 года, перечитайте первый роман Хемингуэя «И восходит солнце» («Фиеста»), Вы увидите в нем, как американские студенты, чувствительные англичане, русские белоэмигранты, красные испанцы — все устремлялись в этот квартал, внешне буржуазный, но, по существу, непринужденный. Они искали там выхода своей душевной подавленности. Художники заманивали натурщиц, красивых девушек легкого нрава; натурщицы заманивали богатых иностранцев. Так началась для Монпарнаса эпоха необычайного расцвета.

79

Жаловаться на недостаток гениев было нельзя. Уже перед войной 1914 года Отон Фриез, Ван Донген, Модильяни, Паске были время от времени обитателями Монпарнаса, Но междувоенный период — в целях создания Парижской школы — объединил Матисса, Дерена, Дюнуайе де Сегонзака, Утрилло, Руо с Пикассо, Шапеллем, Браком.

Годы 1919—1929 были для Соединенных Штатов временем небывалого процветания, временем, когда спекулянты были уверены, что только небо — граница их несметных состояний. Меценатство стало одним из атрибутов роскоши. Обладавшие громадными возможностями, музеи Америки скупали картины новых мастеров. Частные коллекции дрались за творения модных художников. Поток долларов хлынул в кафе «Дом» и «Ротонда». Большие художники приобрели большие автомобили. Большие кафе заказывали большие фрески для своих помещений. Монпарнас привлекал так много зрителей, что качество зрелищ снизилось. А затем наступил экономический кризис 1929—1930 годов, вернувший и миллиардеров и художников к скромному образу жизни. Как и полагается в послевоенное время, нынешний Монпарнас очень ограничил свои потребности, но все талантливое, все прекрасное осталось ему верным.

Атмосфера Парижа

Вот мы и заканчиваем наши прогулки, а между тем я вам почти ничего не показал. Но как показать все? Буквально каждая улица Парижа имеет свое лицо; и тот или иной тупичок Монмартра, тот или иной монастырь, обвитый целой сетью бедных улочек, тот или иной магазин с вечно новой, художественно выполненной витриной — все они заслуживают того, чтобы о них были написаны целые тома, что и сделал Бальзак. Я мог только вну-

80

шить вам страсть к Парижу, А теперь — идите куда глаза глядят. Бродите. Доверьтесь своему инстинкту. Только так можно узнать город. О Нотр-Дам, об Опере и Пантеоне я обязан был вам рассказать. Без таких отправных точек вы могли бы растеряться. Конечно, памятники нужно знать, но ограничиться только ими нельзя. Я показал вам Париж таким, каким его видят все. От вас самой зависит создать себе *свой* Париж. Одна из моих студенток-американок (она была из Калифорнии) могла описать подробно все витрины улицы Жакоб или Университетской: книжные магазины, антикварные магазины с их позолоченными стенными часами, изделиями из опала и слоновой кости, переплетами с гербами, миниатюрами, пастушками из саксонского

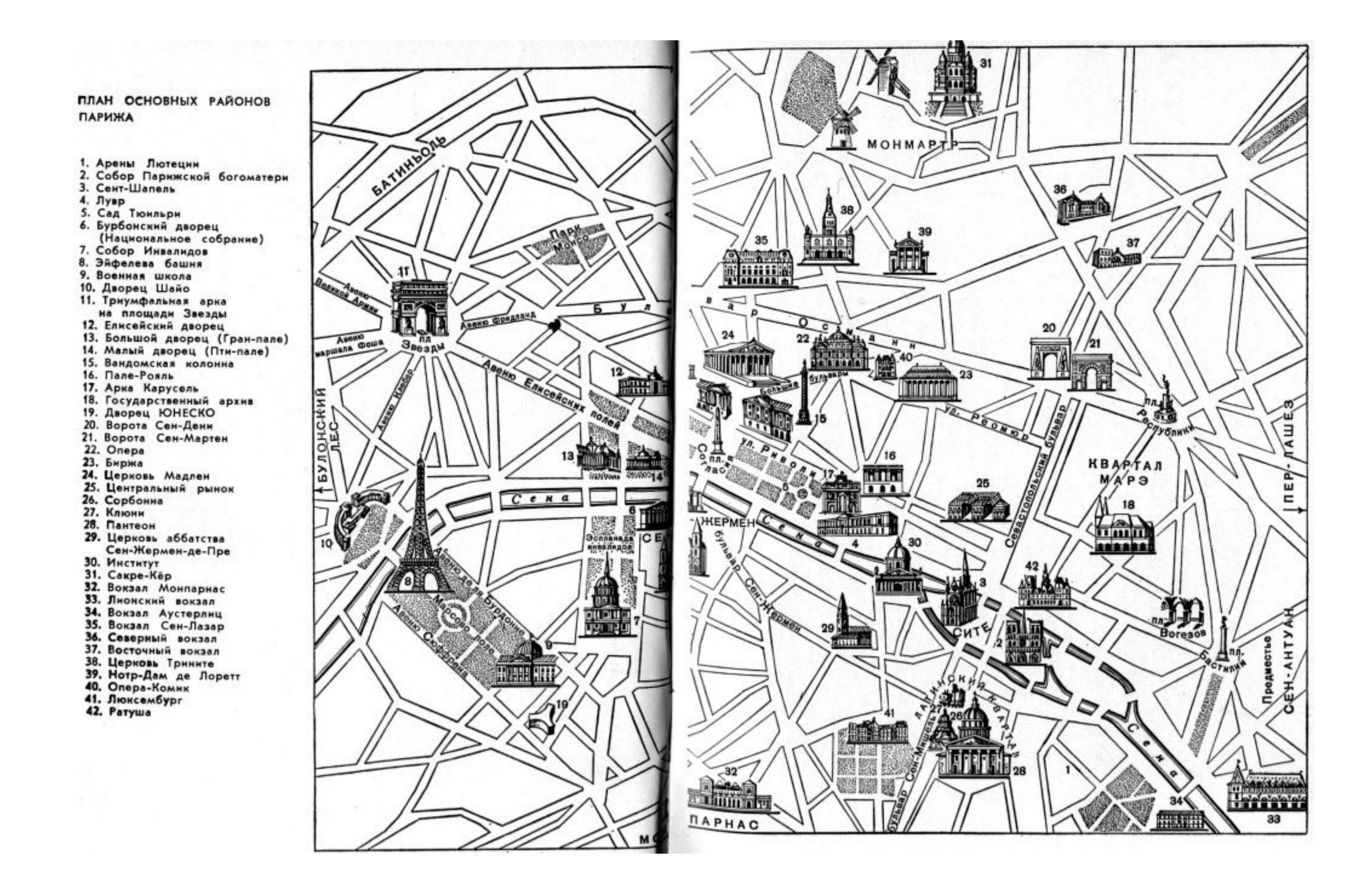
фарфора. «У нас нет, — говорила она, — этих изумительных старинных улиц. Пусть у других городов тоже есть своя поэзия, но мы так впитали в себя очарование французских книг, что только в Париже нам все время кажется, будто мы все это уже видели. Некогда римляне, как, например, Цицерон, чувствовали себя в Афинах, как дома. А мы чувствуем себя, как дома, в Париже. Таковы столицы с ярко выраженной духовной жизнью — столицы духа».

Столица духа. Да, это сказано точно. Это не значит, что все оригинальные мысли рождаются в Париже. Вовсе нет. Но, по-видимому, именно здесь они обретают свою форму. Парижские разговоры, блестящие и вместе с тем глубокие, вначале вас смутили, сбили с толку. А теперь вы говорите мне, что отныне не сможете обойтись без них. *Столица вкуса*. Я вам говорил о парижских мастерах и о том, почему власть их творчества так постоянна. Но вкус проявляется у нас и в другом. Мне очень понравилось, что вы оценили по достоинству не только наши знаменитые рестораны, но и те маленькие, скромные по виду ресторанчики, в которых хозяин сам готовит и сам хлопочет об изысканности блюд. И не надо думать, что эта взыскательность,

изысканность расслабили наши характеры. Разве Париж, столица вкуса, не является также и *столицей свободы*? Несколько лет назад, во время оккупации, когда многие американцы тянули меланхолическую жалобу: «Последний раз, когда я видел Париж...» — я произнес им краткую речь на тему: «В следующий раз, когда вы увидите Париж...»

«В следующий раз, когда вы увидите Париж, — сказал я им, — он будет таким же красивым, каким вы его запомнили. Его памятники сохранят свои чистые линии, и все останется на своих местах; золотые трофеи на куполе Дома Инвалидов будут сверкать тем же матовым блеском; эти два прелестных дома из розового кирпича все так же будут стоять при входе на площадь Дофина. Парижан вы найдете похудевшими, ослабевшими, но не потерявшими ни остроумия, ни здравого смысла, ни мужества... Париж — город большого сердца, Париж пылкий и непокорный, Париж оккупированный, но не завоеванный, — вот что вы вновь увидите, мои американские друзья, когда в следующий раз приедете в Париж...»

И вот, мой друг, вы именно это здесь увидели и отныне каждую весну вновь захотите посмотреть и еще лучше узнать.

Комментарии

СИТЕ (собств. «город») — древнейшая часть французской столицы, расположенная на острове (остров Сите) посреди Сены, в восточной части современного Парижа. Город возник на месте древних галльских поселений еще до нашей эры. Во времена римского владычества носил имя Лютеции. В конце IV века утверждается название «Париж» (от местного племени «паризиев»). По мере роста города его жители расселялись по обоим берегам Сены, но еще вплоть до конца XV века Сите сохранял свое значение главного центра города, где находились кафедральный собор и королевский дворец.

В Сите сохранился ряд древнейших зданий Парижа: собор Парижской богоматери (см.), часовня Сент-Шапель (см.), Дворец Правосудия (см.), старая крепость, а впоследствии тюрьма, Консьержери (см.). Восемь мостов соединяют Сите с правым и левым берегами Сены и один мост — с соседним островом Сен-Луи.

АРЕНЫ ЛЮТЕЦИИ, представляющие собой остатки античного театра или цирка, являются редчайшим памятником эпохи римского владычества, сохранившимся в современном Париже. Построенные на левом берегу Сены, недалеко от острова Сите, арены вмещали до 16 тысяч зрителей. Точная дата их сооружения неизвестна. В 280 году во время нашествия варваров арены были разрушены. С тех пор в течение долгого времени эти развалины служили своего рода карьером для жителей города, бравших оттуда материал для своих построек. Позднее все следы арен скрылись под землей и о существовании их было забыто. Только немногим ученым, по сведениям старинных хроник, было известно, что в Париже галло-римской эпохи был такой амфитеатр. Впервые на его остатки натолкнулись совершенно случайно в 1869 году во время землеройных работ при постройке омнибусного парка на улице Монж, 49. Франко-прусская война

приостановила начавшиеся раскопки. Они были возобновлены лишь пятнадцать лет спустя. В настоящее время, полностью раскрытые и, насколько возможно, реставрированные, арены являются одной из главных достопримечательностей города и используются как место для общественных зрелищ.

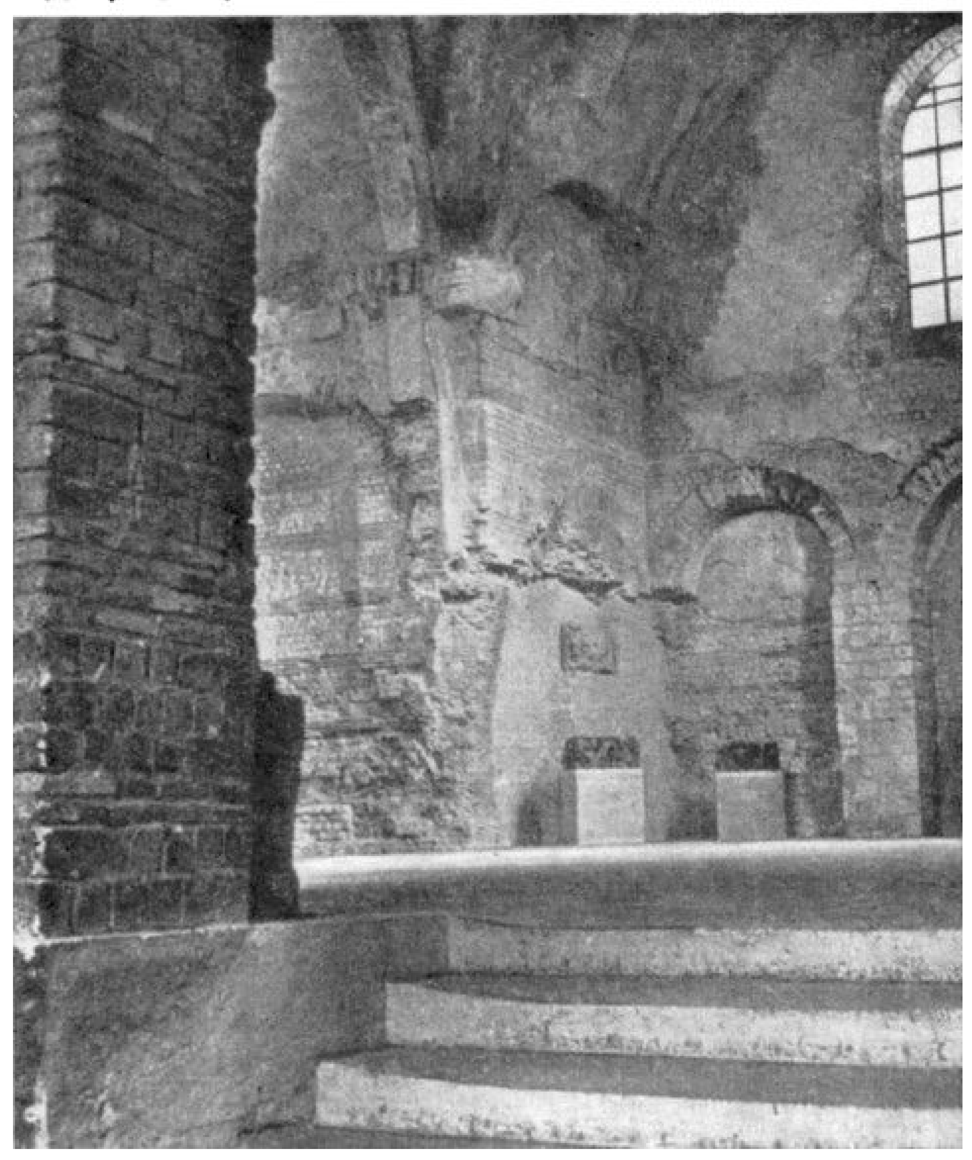
ДВОРЕЦ ТЕРМ — одно из древнейших сооружений Парижа, относящееся к галло-римской эпохе. Он находился на левом берегу Сены, недалеко от острова Сите. Точное название этого сооружения, разрушенного варварами в конце III века н. э., неизвестно. Оно не могло быть императорским дворцом, который находился на острове Сите на месте Дворца Правосудия. Скорее всего, здесь все же надо видеть здание общественных купален (терм), наподобие тех, следы которых были обнаружены под фундаментами Коллеж де Франс.

В настоящее время от всей постройки сохранился лишь один громадный зал 14,5 метра высотой, с мощными крестовыми сводами и стенами толщиной 2 метра. По-видимому, зал этот служил фригидариумом (холодными банями), о чем говорит сохранившийся тут же бассейн. Скульптурные украшения в виде носов кораблей, помещенные у основания сводов, позволяют предположить, что зал был сооружен для той самой общины древних купцов-навигаторов, с деятельностью которых связывается само основание Парижа и герб города с корабликом, плывущим по волнам.

Сейчас Дворец терм служит музеем искусства галло-римской эпохи, где сосредоточены все архитектурно-скульптурные памятники, найденные при раскопках в Париже. Одним из интереснейших экспонатов является языческий алтарь времен императора Тиберия, с изображениями как римских, так и галльских божеств. Этот алтарь был открыт в 1711 году под хорами собора Парижской богоматери.

87

Дворец терм

СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ (NOTRE-DAME de Paris) построен в западной части острова Сите, на месте, где в I веке н. э. находился древнеримский алтарь, посвященный Юпитеру, а затем несколько раз воздвигались различные церкви. Наконец, парижский епископ Морис де Сюлли решил предпринять строительство нового грандиозного собора. В 1163 году был заложен его первый камень, а двадцать шесть лет спустя освящен алтарь. Строительство велось систематически от хора к фасаду, который был закончен в 1240 году. К 1250 году были воздвигнуты башни, и архитектор Жан де Шелль (первый из строителей собора, чье имя дошло до нашего времени) начал работы по строительству средокрестья нефа и трансепта. Они были продолжены Пьером де Монтеро, с именем которого связывается и создание фасадов трансепта. Знаменитые аркбутаны пролетом 15 метров, поддерживающие снаружи стены и своды апсиды, были сооружены уже в XIX веке.

Начиная с XVIII столетия древнее здание постепенно приходило в упадок. В эпоху, когда Виктор Гюго писал свой знаменитый роман, собору угрожало полное разрушение.

В 1841 году по специальному правительственному постановлению была начата капитальная реставрация собора под руководством известного архитектора и знатока

средневекового искусства Виолле-ле-Дюка (1814—1879). Эти работы были завершены в 1864 году.

С точки зрения современных реставрационных требований Виолле-ле-Дюк превысил несколько свои прямые задачи, так как он не только укрепил здание, но и заново восстановил некоторые уже разрушенные части. Но ему принадлежит неоценимая заслуга в деле спасения этого выдающегося памятника французского зодчества эпохи средневековья и блестящего образца раннего готического стиля в архитектуре.

89

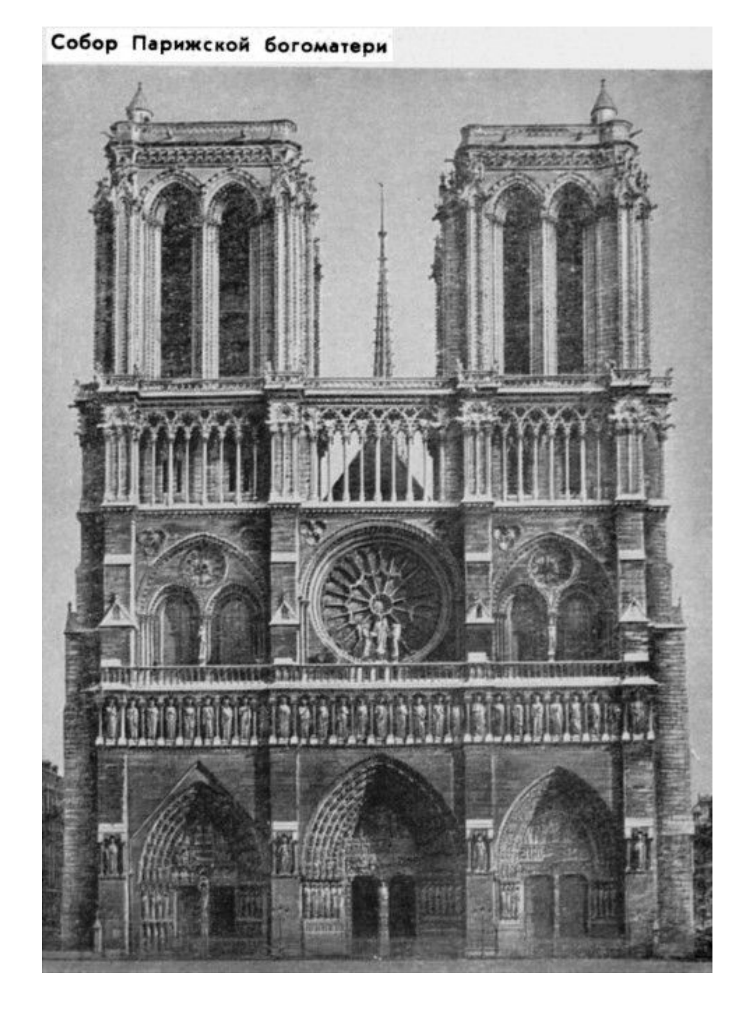
До середины XIX века собор был тесно обстроен старыми домами, окружавшими его лабиринтом узких и извилистых улочек.

Градостроительные работы, предпринятые префектом Парижа Османном в 1860-х годах, существенно изменили весь облик старого Сите, а вместе с тем и вид на Нотр-Дам. Постройки, примыкавшие к собору, были разрушены, а перед его фасадом образована существующая в настоящее время площадь.

Западный фасад собора, увенчанный по бокам двумя могучими башнями высотой 69 метров, расчленен на три яруса. Нижний ярус с его массивными стенами служит устойчивой опорой верхним частям. Три глубоких портала, украшенные скульптурой, ведут внутрь храма. Выше расположена аркада со статуями библейских царей и пророков, а над нею — второй ярус, в центре которого царит огромная «роза» — круглое окно с цветным витражом 10 метров в диаметре. По сторонам его находятся стрельчатые арки, объединяющие каждая по два больших окна, которые приходятся как раз над боковыми порталами. Высокая и легкая прозрачная аркатура венчает здание, связывая одновременно основания двух башен.

Необычайная ясность архитектурного замысла, продуманность всех соотношений горизонтальных и вертикальных частей, впечатление спокойной монументальности и в то же время устремленности ввысь сообщают фасаду собора характер стройного гармонического равновесия и единства. Удивительное чувство меры проявлено и в строгом богатстве скульптурного декора, не нарушающего, а подчеркивающего четкость архитектурных форм. Боковые фасады трансептов, более поздние по времени, характеризуют уже искусство поздней готики. Все формы приобрели большую динамичность и легкость. Плоскость стены уже как бы исчезает благодаря колоссальной ажурной «розе», занимающей

90

Собор Парижской богоматери

Собор Парижской богоматери. Интерьер

все пространство над южным порталом. Бросается в глаза обилие скульптурно-декоративных элементов, создающих совсем иной зрительный образ, чем строгие формы и четкие ритмы западного фасада. Вознесенные вверх стены главного нефа поддерживаются снаружи сложной системой ажурных аркбутанов — опорных арок, передающих давление свода мощным устоям контрфорсов.

В плане собор имеет пять продольных нефов и, кроме того, еще по одному ряду капелл с каждой стороны. Громадное внутреннее пространство центрального нефа высотой 35 метров господствует над более темными и низкими боковыми нефами. Стены нефа, так же как и наружный фасад, разделены по горизонтали на три части. В самой нижней — могучие круглые столбы-колонны, соединенные арками, отделяют центральный неф от боковых. Над ними идет легкая стрельчатая аркада верхних галерей (эмпор), а еще выше — ряд окон 12 метров высотой. Старые цветные витражи XIII века в окнах не сохранились.

Весь интерьер пронизан могучим движением ввысь и вглубь к алтарю, он поражает красотой и многообразием зрительных впечатлений.

ЦЕРКОВЬ СЕН-ЖЕРМЕН Л'ОКСЕРРУА, находящаяся на площади Лувра, напротив его восточного фасада, была основана в VII веке и перестроена в XIII веке. От этого времени сохранились лишь входной портал и алтарная часть храма, а главный неф, трансепт и портик относятся уже к XV веку. Изысканная вычурность архитектурных форм и обильная орнаментация последних представляют собой яркий образец искусства поздней готики — так называемого «пламенеющего стиля». Наиболее старая часть постройки — романская колокольня XII века, довольно сильно изменившая свой облик после реставраций в XIX веке. Именно с этой коло-

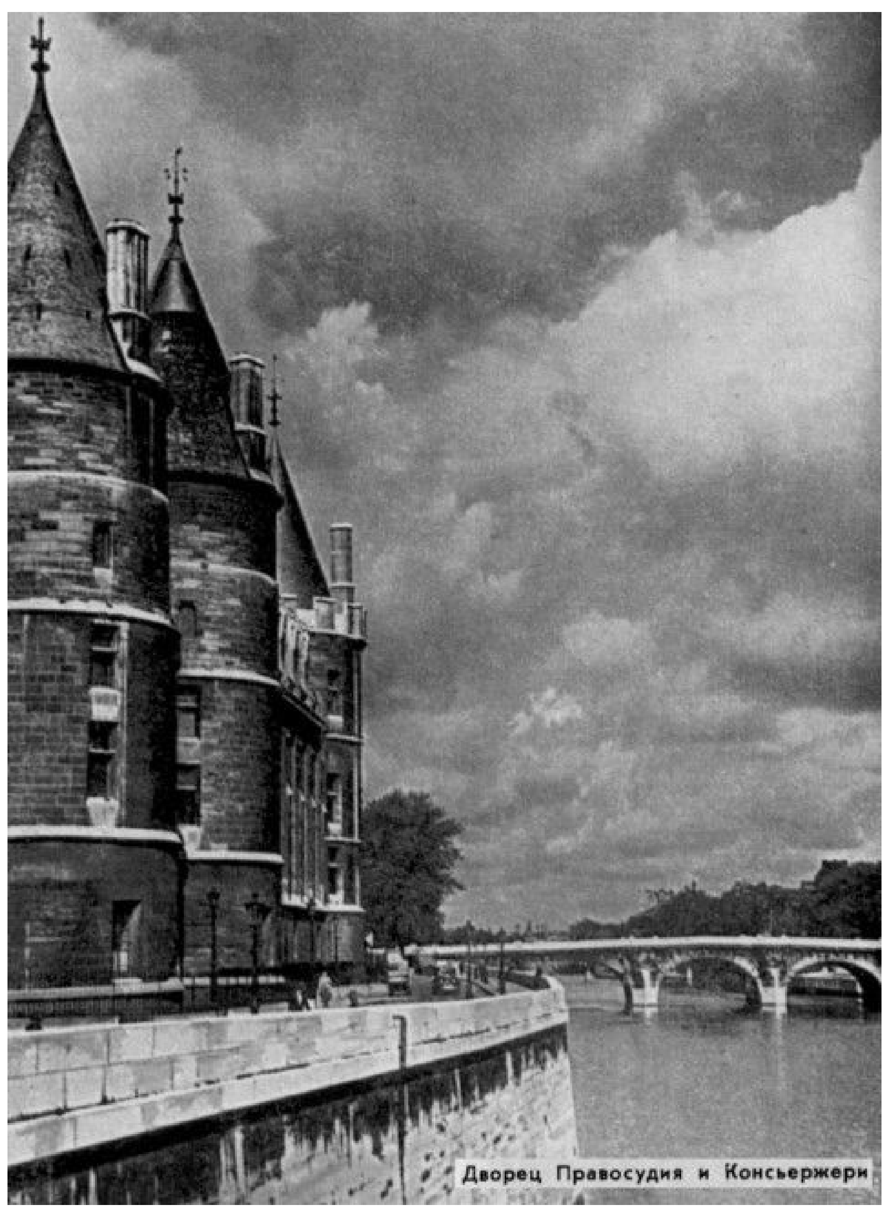

Церковь Сен-Жермен л'Оксерруа

кольни был дан сигнал к резне гугенотов в ночь под праздник св. Варфоломея, 24 августа 1572 года. В церкви похоронены знаменитые архитекторы и художники Франции: Суффло, строитель Пантеона, Ле Во и де Котт, принимавшие участие в создании Версаля, а также живописцы Буше, Натье, Шарден и другие.

НОВЫЙ МОСТ, соединяющий остров Сите с правым и левым берегами Сены, является в действительности старейшим из мостов Парижа. Первый камень его был заложен Генрихом II в 1578 году. Окончен он был в 1606 году при Генрихе IV. Сооруженный Гийомом Маршаном по проекту знаменитого французского зодчего эпохи Возрождения Андруэ дю Серсо, Новый мост отличается монументальностью и благородством пропорций. В отличие от остальных мостов города он не был застроен домами и имел тротуары для пешеходов. Правда, уже вскоре после его сооружения на нем тоже появились лавчонки и балаганы, и в течение долгого времени Новый мост был одним из самых оживленных мест Парижа. К началу XIX века все эти постройки были снесены. В 1614 году в центральной части моста была воздвигнута конная статуя Генриха IV — первая статуя во Франции, установленная на городской магистрали. Статуя обращена лицом к площади Дофина, разбитой в 1607 году. От этой эпохи на площади до

сих пор сохранились два дома. В 1792 году во время Великой французской революции конная статуя Генриха IV была расплавлена и вновь отлита уже в 1818 году. Две лестницы спускаются с моста в уютный тенистый сквер Вер-Галан (прозвище Генриха IV), расположенный у самой воды.

ДВОРЕЦ ПРАВОСУДИЯ, занимающий всю западную часть острова Сите, почти так же стар, как Париж. Сначала здесь находился Дворец римских правителей города, а затем укрепленный замок

Дворец Правосудия и Консьержери

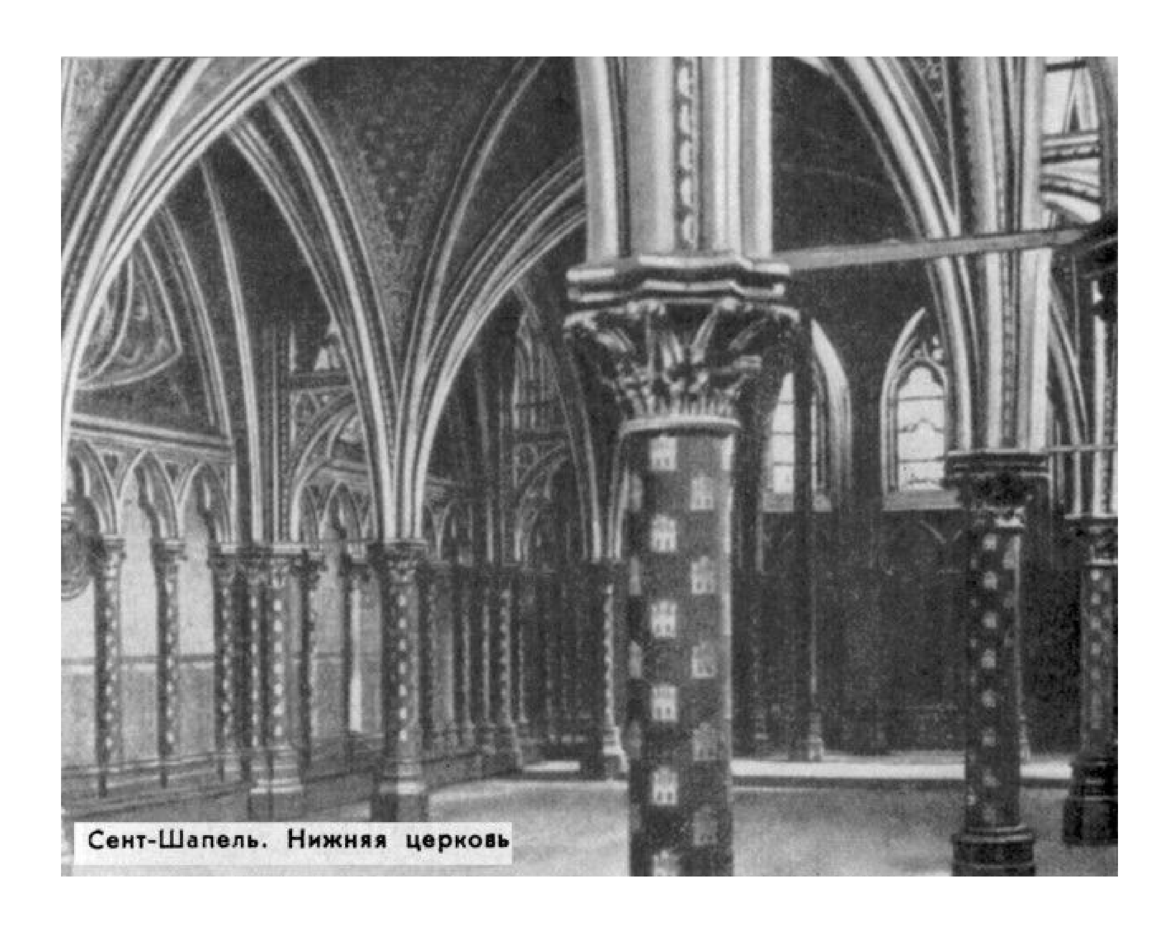
первых французских королей. Замок неоднократно перестраивался и расширялся. В середине XIII века Людовик IX построил в его стенах часовню Сент-Шапель, хранившую священные реликвии, привезенные из Иерусалима. В конце XIV века, когда королевская резиденция была перенесена в Лувр, в старом дворце разместился парламент — Верховная судебная палата, откуда идет и его новое название — Дворец Правосудия. За свою долгую историю здание неоднократно горело. После пожара 1776 года была заново перестроена его восточная часть, выходящая в так называемый Майский двор,

получивший тогда же и свою великолепную решетку. Совсем новое крыло было пристроено в 1911 году. В настоящее время самыми старыми частями дворца являются Консьержери и Башня часов, восходящие к XIV веку.

ЗАМОК КОНСЬЕРЖЕРИ выходит двумя круглыми башнями на набережную Часов, их обрамляют с двух сторон фасады XVII столетия. Свое название замок Консьержери получил оттого, что служил резиденцией Консьержа — важного сановника эпохи средневековья, представлявшего исполнительную власть парламента. От начала XIV века в замке сохранились большой готический зал, кухонные службы, внутренний двор и другие помещения.

В эпоху Великой французской революции в Консьержери, служившем государственной тюрьмой, находились в заключении Мария-Антуанетта, Шарлотта Кордэ, поэт Андре Шенье, а также жирондисты, Дантон, Робеспьер и другие. В настоящее время Консьержери является музеем.

Прямоугольная угловая башня, выходящая на набережную почти напротив моста Менял, получила свое название от больших часов, установленных на ней в 1370 году. Это были первые городские часы в Париже. Они были переделаны в XVI веке, когда их

Сент-Шапель. Нижняя церковь

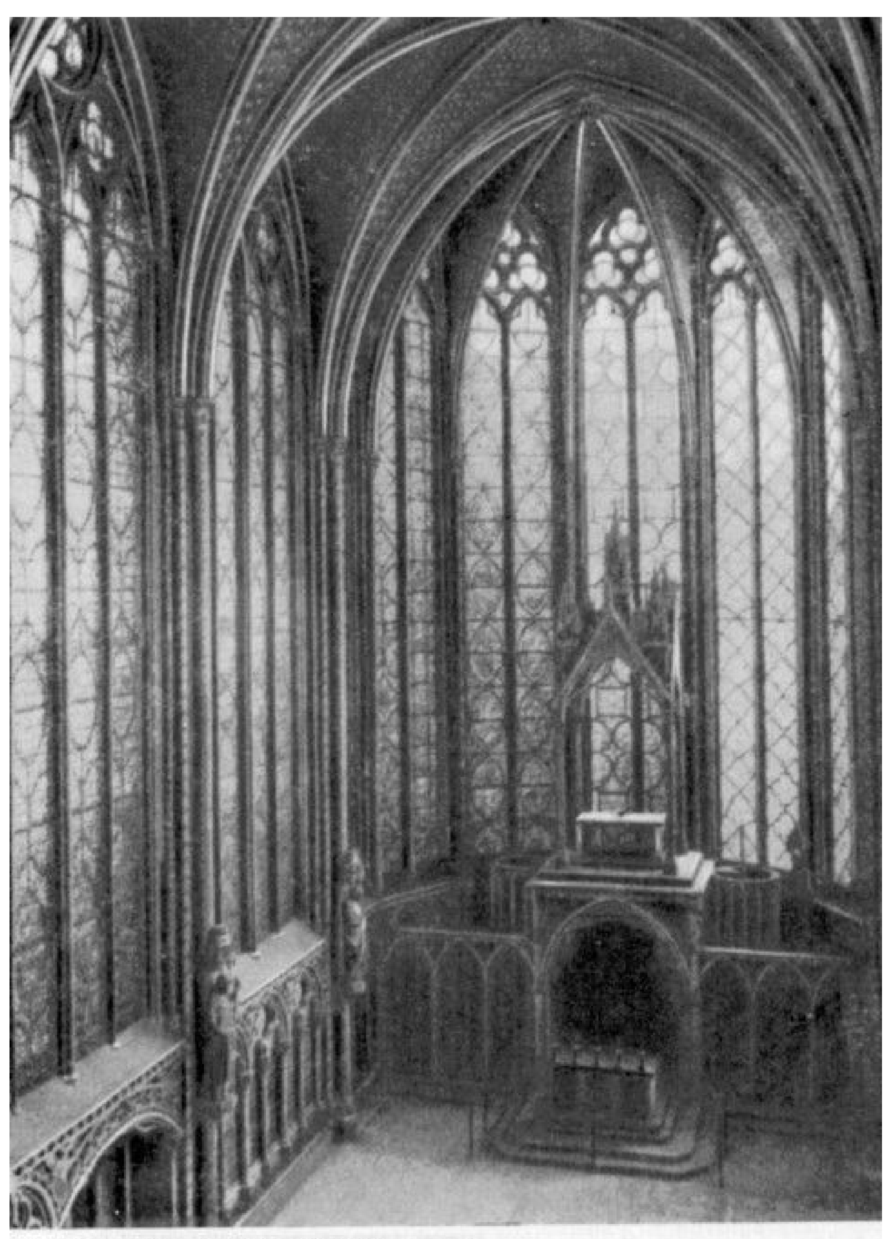
украсили скульптурными работами Жермена Пилона, и в таком виде сохраняются до наших дней. С начала XIX века Дворцу Правосудия было возвращено его старое назначение. В нем проводятся заседания различных судебных палат и кассационного суда, снова наполнившие деловым оживлением это древнее здание.

СЕНТ-ШАПЕЛЬ (Св. часовня) — эта жемчужина французской готической архитектуры расположена в западной части Сите, среди построек Дворца Правосудия.

Часовня была сооружена для Людовика IX, чтобы хранить священные реликвии, привезенные из Иерусалима. По-видимому, ее создателем был Пьер де Монтеро — один из строителей собора

Парижской богоматери. Начатая в 1246 году, часовня была закончена и освящена в 1248 году. В отличие от других церковных зданий того времени она не имеет аркбутанов. Лишь небольшие контрфорсы укрепляют ее высокие стены. Блестящий конструктивный расчет контрфорсов вызывал восхищение архитектора Виолле-ле-Дюка, реставрировавшего часовню.

Тонкая ажурная колоколенка поднимается на высоту 75 метров. Ее деревянные стропила под свинцовым покрытием трижды гибли от пожаров. Последний раз колокольня была восстановлена в 1854 году Виолле-ле-Дюком. Большая «роза» фасада, отличающаяся чрезвычайно сложным ажурным рисунком в виде извивающихся языков пламени, была переделана в XV веке (отсюда идет и название стиля поздней готики — «пламенеющий»). Внутри здание заключает в себе две часовни, расположенные одна под другой. Нижняя часовня, предназначенная для придворных и посвященная богоматери, представляет собой сводчатое помещение зального типа 17 метров шириной и 7 метров высотой. Пяты крестовых сводов, перекрывающих его центральную часть, опираются на тонкие колонки, условно делящие интерьер на три нефа. Однако благодаря тому, что колонки расставлены очень широко и отодвинуты почти к самым стенам, они не мешают восприятию интерьера как единого пространства. Хорошая освещенность и яркая радостная раскраска (синяя лазурь с орнаментом цвета киновари и золота) придают помещению светский праздничный характер. Верхняя капелла, посвященная терновому венцу и св. кресту господню, предназначалась исключительно для королевского семейства и высших сановников. Ее колоссальные стрельчатые окна, в которых сохранились подлинные витражи XIII века, возносятся на высоту 15 метров. Они разделяются между собой лишь пучками тонких колонок, которые, устремляясь вверх, сливаются с узкими нервюрами сводов. Благодаря этому

Сент-Шапель. Верхняя церковь

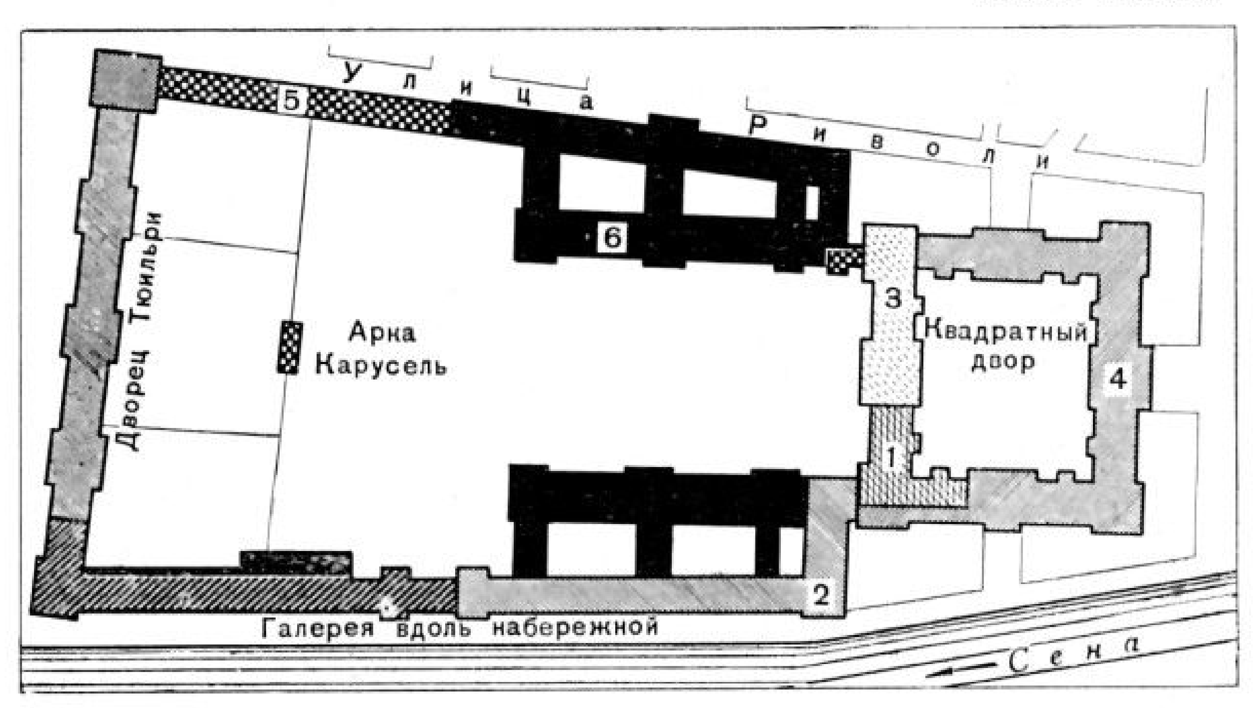
стены как таковые уже перестают существовать и весь интерьер обретает характер изумительной легкости и нематериальности. Волшебное впечатление производят потоки окрашенного света, льющиеся через эти гигантские витражи и играющие радужными бликами на полу и золоченой ажурной аркатуре со статуями, опоясывающей капеллу ниже окон. По своему архитектурному решению и производимому ею зрительному впечатлению Сент-Шапель принадлежит к числу наиболее оригинальных и редчайших памятников средневековой французской архитектуры.

ЛУВР. Под именем Лувра широко известны как обширный дворец, являющийся замечательным произведением французской архитектуры XVI—XVII веков, так и находящийся в нем музей, пользующийся мировой славой.

Еще в конце XII века французский король Филипп-Август возвел на месте, где теперь находится Лувр, мощную крепость с башней (донжоном) для укрепления западных границ Парижа. Королевской резиденцией продолжал оставаться дворец на острове Сите. Луврская крепость служила арсеналом, тюрьмой и хранилищем королевской казны. В XIV

веке в связи с расширением территории Парижа и перемещением его укрепленных стен крепость, оказавшаяся внутри города, потеряла свое прежнее значение. Карл V сделал ее пригодной для жилья и разместил в ней свою обширную библиотеку. Однако французские короли мало жили в Лувре, предпочитая другие резиденции. В 1527 году Франциск I велел снести крепостную башню и приступил к постройке нового дворца, который был воздвигнут уже при его преемнике Генрихе II архитектором Пьером Леско (ок. 1510—1578) и скульптором Жаном Гужоном (ок. 1510—1568). Сейчас — это наиболее древняя часть всего огромного комплекса Лувра, составляющая юго-западный угол его внутреннего квадратного

ПЛАН ЛУВРА

1. Дворец, построенный Леско и Гужоном
2. Галерея, построенная в XVI веке
3. Пристройка времени Людовика XIII
4. Пристройка времени Людовика XIV
5. Пристройка времени Наполеона I
6. Пристройка времени Наполеона III

двора. Завершенный в середине XVI века фасад является одним из лучших образцов архитектуры французского Возрождения. Его отличают спокойная уравновешенность горизонтальных и вертикальных членений, оригинальное применение классического ордера, благородство пропорций и тонкая завершенность деталей. Великолепный скульптурный декор, состоящий из статуй и барельефов, создает впечатление богатства и изысканности, но не перегружает стену. Торжественный вход и полукруглый фронтон наверху акцентируют центральную ось здания.

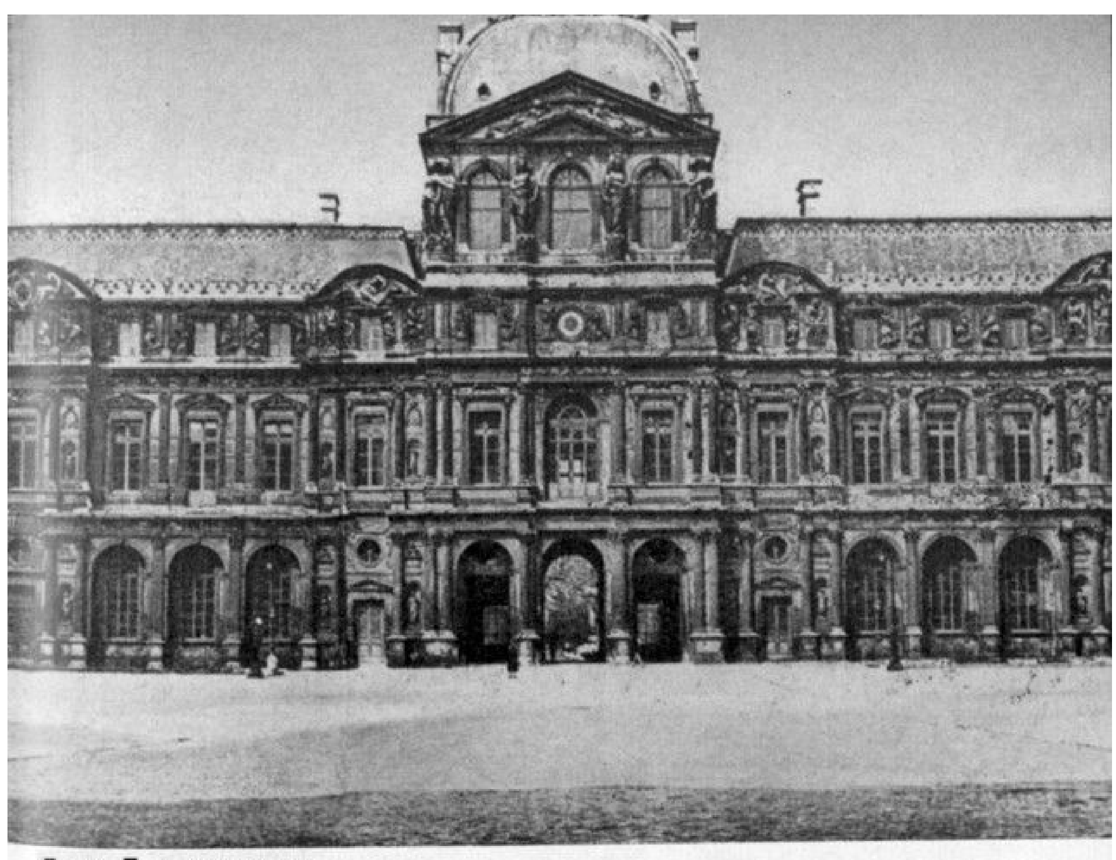
В конце XVI века к дворцу Лувра была пристроена Большая галерея, идущая вдоль Сены и соединившая здание, построенное Леско, с дворцом Тюильри (см.), который был сооружен для вдовы Генриха II, Екатерины Медичи. Нижний этаж галереи был

вначале занят лавками и мастерскими. Ришелье разместил там монетный двор и королевскую типографию. Начиная с эпохи Людовика XIV галерея была отдана под квартиры художникам, скульпторам и архитекторам, работавшим по королевским заказам. Уже в XVII веке Квадратный двор старого Лувра стал слишком тесен, и в 1624 году архитектор Ж. Лемерсье (ок. 1585— 1654) пристроил к зданию, построенному Гужоном, так называемый Павильон часов, а с другой его стороны возвел новый корпус, симметрично повторяющий старое здание. При этом предусматривалось, что площадь внутреннего двора будет увеличена вчетверо. При Людовике XIV этот проект был приведен в исполнение. Много старых домов, которые окружали Лувр, было снесено. Южное крыло увеличилось вдвое, а с севера и с востока были пристроены новые корпуса, сохраняющие стиль Леско и замкнувшие квадрат внутреннего двора. Королю хотелось, чтобы наружный фасад Лувра, выходящий на площадь перед дворцом, отличался особым великолепием, свидетельствуя о величии его власти. Проект фасада был поручен вначале прославленному итальянскому архитектору и скульптору Бернини, но его замыслы не нашли одобрения при дворе и вызвали сильную оппозицию французских зодчих. В конце концов восточный фасад, завершивший собой сооружение основной части ансамбля, был поручен архитектору К. Перро (1613—1688), который и построил знаменитую колоннаду Лувра. Работы длились с 1667 по 1673 год. Фасад, протянувшийся на 173 метра, имеет три этажа. Нижний этаж с редко расположенными окнами, лишенный каких бы то ни было украшений, выступает в качестве монументального цоколя, за которым тянется сплошной ряд сдвоенных колонн большого ордера, объединяющих второй и третий этажи. Центр фасада подчеркнут небольшим выступом с фронтоном. Подобные же выступы имеются и на углах. В предельной простоте и логически чет-

кой расчлененности фасада, в величественно строгом ритме его колоннады нашли свое выражение художественные принципы архитектуры классицизма, расцвет которой отличает вторую половину XVII века. Строительство Лувра подходило к концу, но в 1680 году королевский двор окончательно покидает Париж ради Версаля, работы приостанавливаются, и дворец постепенно приходит в упадок. В 1750 году его состояние оказывается настолько плохим, что поднимается даже вопрос о его сносе. О здании никто не заботится. Часть его помещений пустует, другая занята квартирами художников, лавчонками, мастерскими.

Наполеон, избравший своей резиденцией Тюильри, интересуется и близлежащим Лувром. По его приказу дворец очищается от жильцов и реставрируется. Работы ведут придворные архитекторы Наполеона — Персье и Фонтэн. Они начинают строительство северного крыла, идущего вдоль улицы Риволи, увеличивают площадь Карусель между Тюильри и Лувром и в 1806— 1808 годах воздвигают там Триумфальную арку в честь побед императора. Арка эта мыслилась ими как своего рода торжественные ворота во дворец Тюильри. По своей композиции она близка к римской арке Септимия Севера. Ее три пролета разделены колоннами из полихромного мрамора. Арка богато украшена скульптурными барельефами. Первоначально ее венчала группа коней с портала венецианского собора св. Марка, вывезенная Наполеоном из Венеции в 1797 году. В 1815 году группа была возвращена обратно и на ее место установлена бронзовая квадрига работы скульптора Бозио.

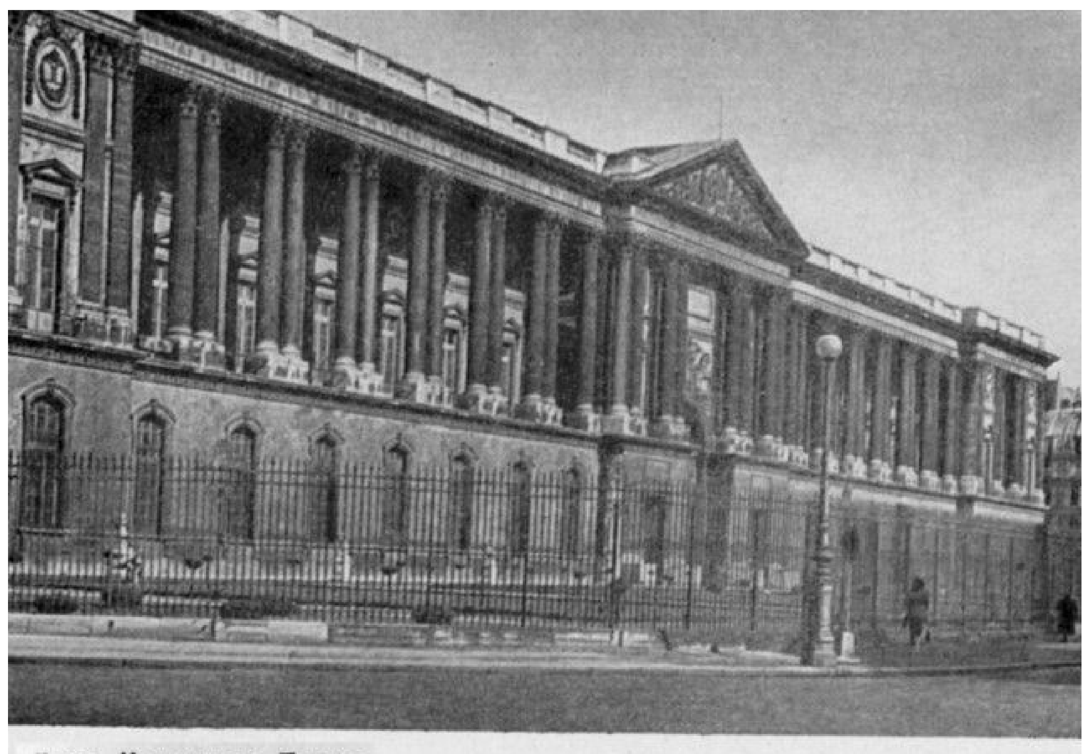
Свержение Наполеона положило конец дальнейшим работам в Лувре. Они были закончены лишь пятьдесят лет спустя во время Второй империи. Архитекторы Висконти и Лефюэль продолжили северное крыло, начатое Персье и Фонтэном, вплоть до павильона Марсан, замкнув таким образом пространство

Лувр. Павильон часов

между Лувром и Тюильри. Внутри его были построены новые корпуса, выдержанные более или менее в том же стиле, что и первоначальное здание Леско. Впоследствии после пожара тюильрийского дворца (см.) план Лувра принял ныне существующую П-образную форму и триумфальная арка на площади Карусель открыла величественную перспективу, завершаемую с запада триумфальной аркой на площади Звезды.

МУЗЕЙ ЛУВРА — один из величайших художественных музеев мира, был основан в эпоху Великой французской революции (1793), которая национализировала королевские собрания. За

Лувр. Колоннада Перро

время царствования Наполеона музей обогатился сокровищами живописи и скульптуры, вывезенными из побежденных стран, но в 1815 году они были возвращены. Музей, однако, продолжал расти и развиваться благодаря покупкам, пожертвованиям и результатам археологических раскопок. В настоящее время его каталоги насчитывают свыше 200 тысяч номеров. В музее Лувра имеется шесть отделов.

1. Отдел египетских древностей, начало которому положил «египетский поход» Наполеона.

2. Отдел восточных древностей.

3. Античный отдел, который славится такими статуями, как Венера Милосская и Ника Самофракийская.

4. Отдел живописи, где хранятся «Джоконда» Леонардо да Винчи и шедевры Рафаэля, Тициана, Рембрандта, Рубенса и других великих мастеров.

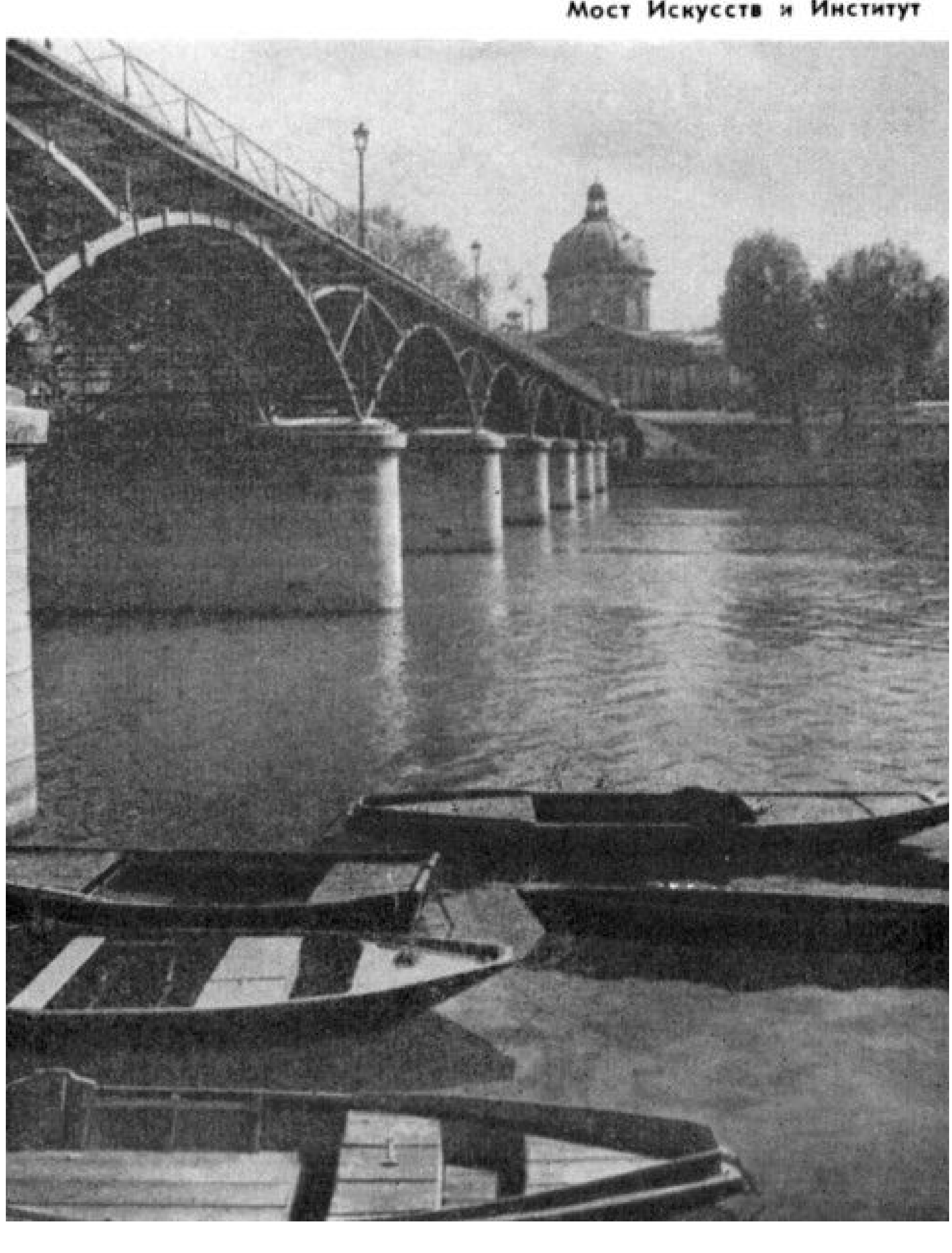
5. Отдел скульптуры, где можно видеть знаменитых «Рабов» Микеланджело.

6. Отдел прикладного искусства, где собраны различные предметы, начиная с королевской короны и кончая мебелью.

МОСТ ИСКУССТВ — первый железный мост через Сену был сооружен в 1802 году. Он соединяет здание Института (Французской Академии) с Лувром, который ко времени постройки моста превратился уже во Дворец Искусств. Мост Искусств служит только для пешеходов. Первое время после его сооружения с прохожих взимали плату за переход.

ИНСТИТУТ. Здание Института Франции, объединяющего пять академий, включая Академию наук и Французскую Академию, помещается на левом берегу Сены, прямо против Лувра, Построенное на средства, завещанные кардиналом Мазарини в 1661 году, оно носило вначале имя Коллежа Четырех Наций и предназначалось для воспитания молодых дворян из завоеванных Францией новых провинций: Эльзаса, Русильона, Фландрии, Артуа и других. В 1665 году архитектор Луи Лево (1612—1670) представил проект будущего здания и приступил к строительству на месте знаменитой Нельской башни, бывшей некогда частью городских укреплений средневекового Парижа. Здание Лево сохраняло свое назначение вплоть до конца XVIII века. В период революции 1789—1794 годов коллеж закрылся. Указом 1 мая 1806 года Наполеон отдал его Институту Франции. Здание сохранилось до наших дней без всяких перемен, только бывшая капелла под

Мост Искусств и Институт

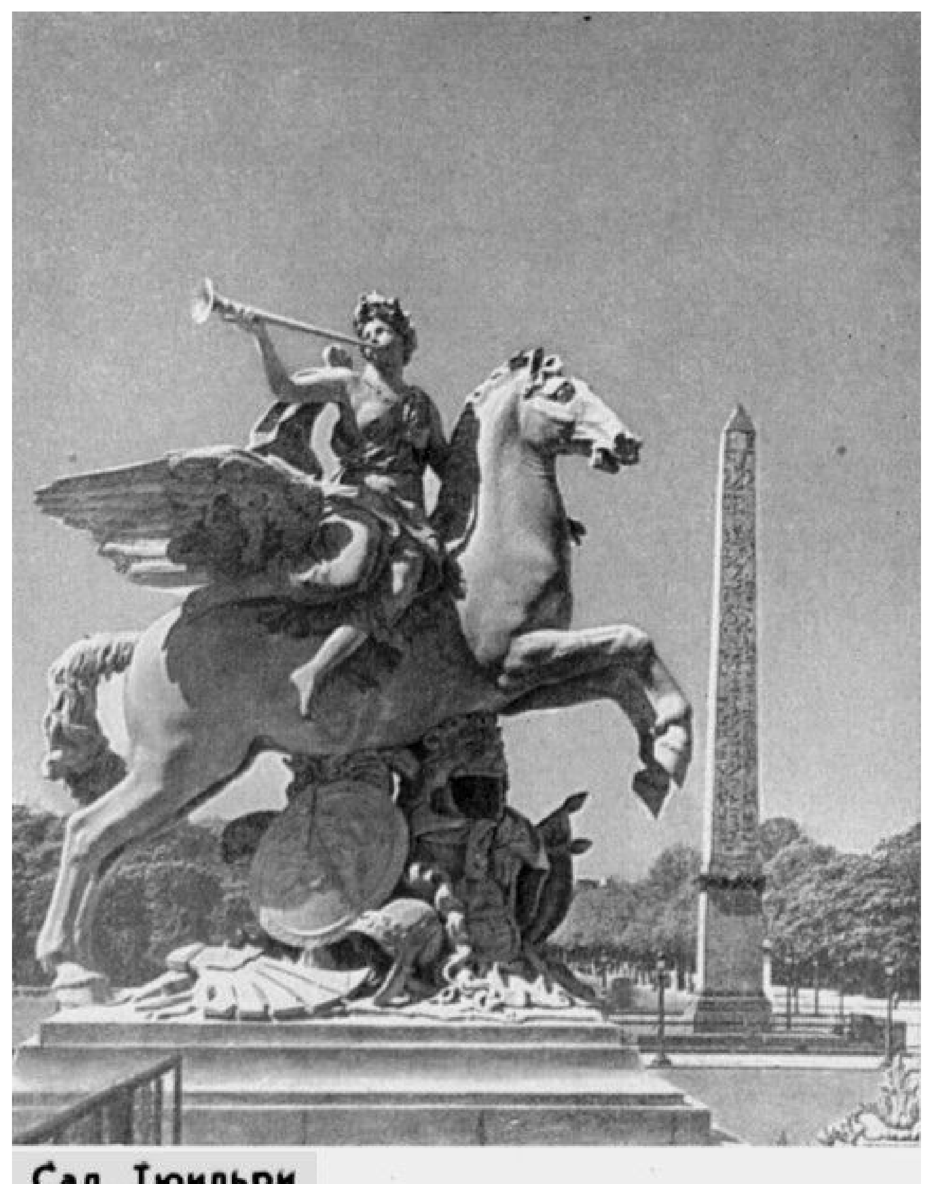

центральным куполом была перестроена, чтобы служить залом торжественных заседаний академий.

Расположенное на набережной Сены, здание имеет форму вогнутой дуги. Центральный портик с фронтоном, объединяющий боковые крылья, находится на одной оси с южным фасадом Лувра, который возводился в то же время. Здесь видна постоянная забота архитекторов классицизма о пространственном единстве крупных городских сооружений, о создании целостного архитектурного ансамбля. Торжественный портик здания, широкий разворот его крыльев и овальный купол, венчающий целое, подчеркивают общественный характер всего сооружения, послужившего прообразом для многих подобных же зданий в европейской архитектуре XVIII—XIX веков.

ТЮИЛЬРИЙСКИЙ ДВОРЕЦ, в свое время соединявшийся с Лувром и замыкавший с запада его внутреннюю площадь, где находится Триумфальная арка Карусель, был построен в середине XVI века по указанию Екатерины Медичи, когда после смерти своего мужа, Генриха II, она покинула дворец де Турнель.

В создании Тюильри принимали участие Жан Бюллан (ок. 1515—1578) и Филибер Делорм (1502/15—1570) — известнейшие зодчие французского Возрождения. В то время между старым Лувром и новым дворцом Екатерины Медичи находился еще целый городской квартал с улицами и частными домами. Немного позднее королева приказала выстроить большую галерею вдоль Сены, соединившую Лувр с Тюильри. Когда Людовик XIV перенес королевский двор в Версаль, Тюильри опустел, так же как Лувр, но в конце XVIII века именно его стены оказались свидетелями заката королевской власти. 6 октября 1789 года в результате голодного похода парижских женщин на Версаль Людовик XVI вынужден был вернуться в столицу и поселился в Тюильри. Три

Сад Тюильри

года спустя, 10 августа 1792 года, народные массы штурмом взяли дворец и свергли короля. В дальнейшем Тюильри несколько раз служил местом заседаний революционного Конвента.

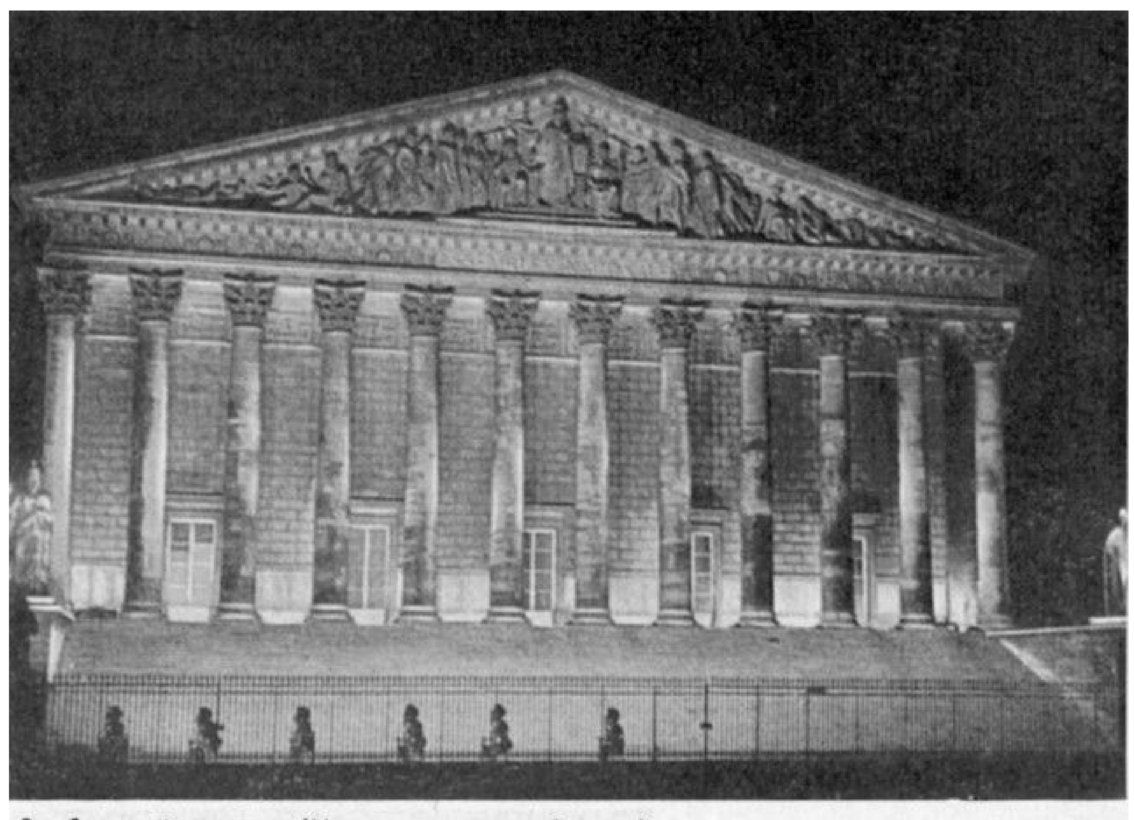
В XIX веке тюильрийский дворец стал главной резиденцией всех правителей Франции, начиная с Наполеона I и кончая Наполеоном III.

В 1871 году во время боев парижских коммунаров с версальцами дворец был уничтожен пожаром. От него сохранились лишь два боковых павильона: павильон Флоры, ближайший к Сене, построенный еще при Генрихе IV, и павильон Марсан, со стороны улицы Риволи, относящийся ко времени Людовика XIV и реставрированный в 1874 году. Сад Тюильри, в значительной своей части разбитый еще Ле Нотром в 1664 году, доходит до самой площади Согласия. Недавно в нем были размещены статуи знаменитого французского скульптора Майоля. Два павильона, выходящие на площадь, являются в настоящее время музеями. Павильон Жё де Пом (Игры в мяч), служивший в эпоху Великой французской революции местом заседаний Национального собрания и Конвента и перестроенный при Наполеоне III, сейчас является Музеем импрессионистов; в павильоне Оранжери находится живописная серия Клода Моне «Кувшинки» и устраиваются различные экспозиции новой французской живописи. Так называемая

терраса Фельянов, расположенная между двумя этими зданиями, украшена статуями блестящих скульпторов XVIII века Куазевокса и Кусту.

Исчезновение дворца Тюильри, площадь которого теперь также занял сад, позволило продолжить гигантскую перспективу, идущую от арки Звезды к площади Согласия, дальше к самому Лувру, что еще больше подчеркивает значение этого знаменитого памятника и величавую красоту всего ансамбля.

111

Бурбонский дворец (Национальное собрание)

БУРБОНСКИЙ ДВОРЕЦ, где находится Палата депутатов (Национальное собрание), расположен на левом берегу Сены, недалеко от эспланады Инвалидов, прямо против моста, ведущего к площади Согласия, Дворец был построен в 1722—1727 годах для герцогини Бурбонской, дочери Людовика XIV, Его фасад был тогда обращен не к Сене, а в сторону Бургундской улицы. В течение XVIII века дворец неоднократно переделывался и расширялся. В период Директории в нем заседал Совет пятисот. В 1807 году по приказу Наполеона архитектор Бернар Пуайе пристроил к дворцу новый торжественный фасад в виде гигантского двенадцатиколонного портика, типичный для наполеоновского ампира.

112

Фасад выходит прямо к Сене, перекликаясь с аналогичным портиком церкви Мадлен, возвышающимся за площадью Согласия на одной оси с Бурбонским дворцом. С 1829 года дворец был отдан Законодательному собранию, а год спустя стал местом заседания Палаты депутатов. Тогда же был заново переоборудован и оформлен его большой зал, служащий и поныне для заседаний Национального собрания. Библиотеку

дворца украшают замечательные росписи Эжена Делакруа (1799—1863), выполненные в 1838—1847 годах.

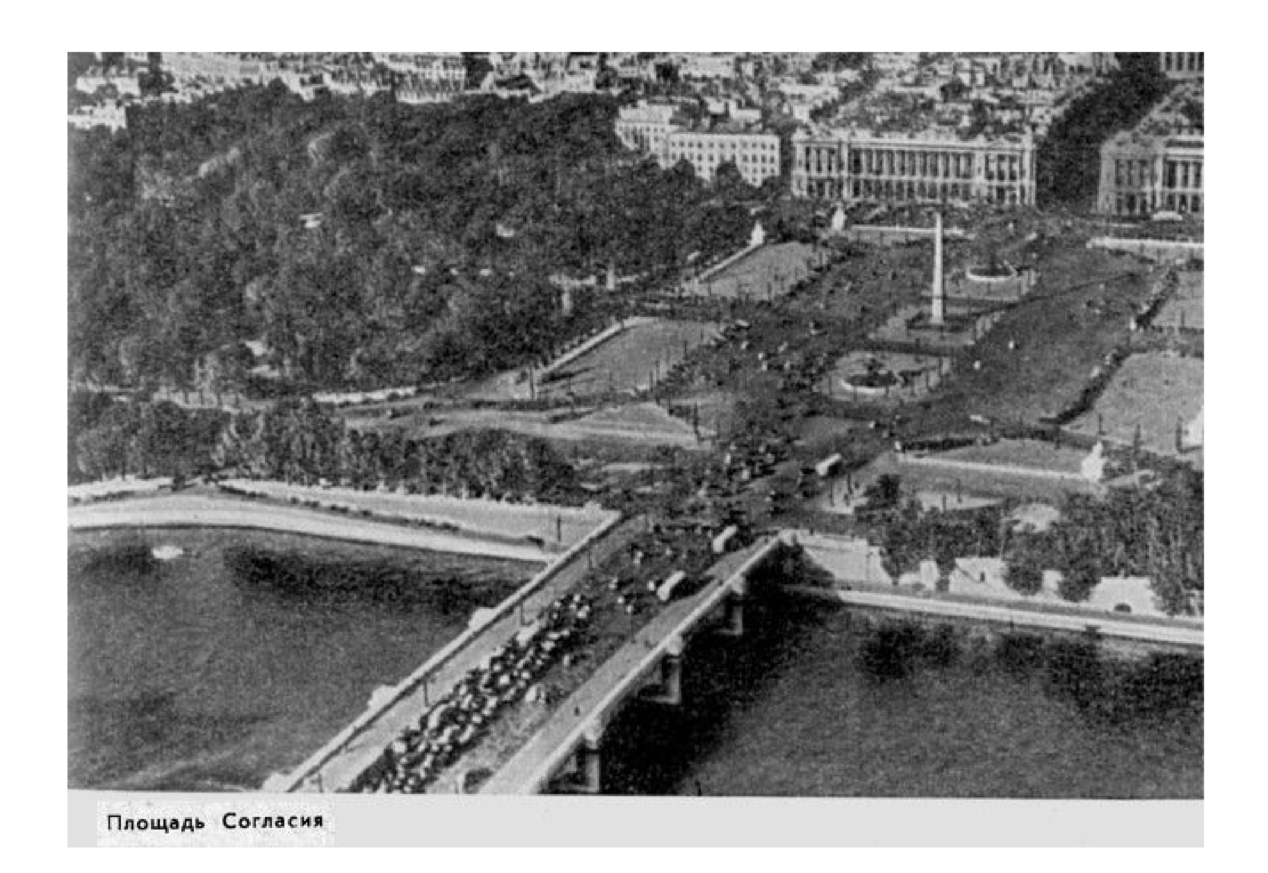
ПЛОЩАДЬ СОГЛАСИЯ (Пляс де ла Конкорд), красивейшая площадь Парижа, принадлежит к числу наивысших достижений в мировом градостроительстве. Она лежит у берега Сены, между садом Тюильри и Елисейскими полями. Ее первоначальная планировка принадлежит выдающемуся архитектору Ж.-А. Габриэлю (1699—1782), проект которого был утвержден королем в 1757 году. Центр площади должна была занимать конная статуя Людовика XV работы скульптора Э. Бушардона (1698—1762).

В 1763 году произошло торжественное открытие памятника и площади, названной именем короля Людовика XV. Так как Бушардон умер, не успев завершить свое творение, окончание памятника было поручено скульптору Ж.-Б. Пигалю (1714—1785), создавшему у подножия постамента со статуей четыре аллегорические фигуры добродетелей. Сама площадь, прямоугольная в плане, отличалась от всех других более ранних площадей Парижа своим открытым характером, рассчитанным на дальние перспективы и связь с окружающим пространством. Границы площади отмечались рвами (засыпанными в XIX веке) и балюстрадами, и только с севера, по двум сторонам Королевской улицы, ведущей к церкви Мадлен, Габриэль воздвиг два дворца с величественными фасадами 96 метров длиной каждый. Эти фасады и опре-

деляют архитектурное оформление всего ансамбля. Дворцы были закончены в 1772 году. Их торжественные коринфские колоннады, помещенные на высоком цокольном этаже, фланкированные боковыми выступами с классическими фронтонами над ними, спокойными горизонтальными линиями напоминают знаменитую луврскую колоннаду Клода Перро. В таком виде площадь просуществовала до 1792 года, когда королевская статуя была разрушена восставшим народом. Тогда же площадь была переименована в площадь Революции. 21 января 1793 года здесь был казнен Людовик XVI, а затем Мария-Антуанетта, Шарлотта Кордэ, жирондисты, Дантон и, наконец, в 1794 году жертвы термидорианского переворота с Робеспьером во главе. В 1795 году площадь получила новое название — площадь Согласия.

Тогда же по инициативе художника Давида она была украшена двумя великолепными статуями — «Укротители коней» работы скульптора Г. Кусту (1677—1746), перенесенными из королевской резиденции Марли и установленными у въезда на Елисейские поля.

Значительные изменения в облике площади произошли в царствование Луи-Филиппа. В 1836 году в центре ее был воздвигнут Луксорский обелиск 23 метра высотой, находившийся раньше в храме Рамзеса II в Фивах и подаренный Франции египетским пашой Мехметом-Али. Несколько позднее архитектор Гитторф соорудил по бокам обелиска два монументальных фонтана, аналогичных фонтанам на площади св. Петра в Риме. На массивных пьедесталах, которыми заканчивались угловые балюстрады площади, было установлено восемь мраморных статуй, символизирующих главнейшие города Франции: Лион, Марсель, Бордо, Нант, Лилль, Брест, Руан и Страсбург (эта последняя во время оккупации немцами Эльзаса была покрыта траурным флёром). В таком виде площадь Согласия сохранилась до наших дней.

Площадь Согласия

Хотя ее архитектурно-декоративное оформление и принадлежит к разным периодам, все его элементы сливаются в один удивительно целостный и праздничный ансамбль, который дополняется по вечерам ослепительным светом многих сотен старинных фонарей.

Но, конечно, главная красота площади заключается не столько в этом парадном оформлении, сколько в самом ее пространственном решении, расположении и масштабах. Площадь размером 357 на 217 метров раскинулась на стыке двух магистральных осей, связывающих ее со всем Парижем и открывающих изумительные по красоте перспективы. Одна из них, идущая параллельно Сене, завершается в глубине Елисейских полей величественной аркой Звезды, а со стороны сада Тюильри ведет прямо к Лувру. Другая ось образуется улицей Рояль (Королев-

ской) и мостом Согласия, построенным еще в XVIII веке, но расширенным вдвое в 1932 году. Эту ось замыкает с одной стороны церковь Мадлен, а по ту сторону Сены — дворец Национального собрания; классические портики этих двух зданий как бы перекликаются между собой.

Монументальная строгость архитектуры, ограничивающей площадь с северной стороны, река, омывающая ее с юга, зеленые массивы Елисейских полей и Тюильрийского сада, примыкающих с флангов, создают неповторимое богатство аспектов, не нарушая в то же время стройного единства и ясной гармонии целого.

ДОМ ИНВАЛИДОВ — одно из самых значительных сооружений Парижа — был воздвигнут по специальному эдикту Людовика XIV, изданному 24 мая 1670 года. Здесь, в обширных казармах, должны были размещаться ветераны и инвалиды тех многочисленных войн, которые велись во время его царствования. Постройка была

поручена архитектору Либералю Брюану (ок. 1635—1697) и закончена им в 1676 году. Огромный архитектурный комплекс Дома Инвалидов со многими корпусами и внутренними дворами занимает прямоугольник шириной 390 и длиной 450 метров. Здание возвышается на левом берегу Сены и фасадом обращено к реке, от которой его отделяет широкая эспланада, открывающая величественный вид на весь ансамбль. Между фасадом и эспланадой пролегает большой, ныне сухой ров, через который перекинут мост. На другой стороне рва стоят пушки и расстилается обширный плац, непосредственно примыкающий к самому зданию.

Огромный четырехэтажный фасад Дома Инвалидов протяжением 210 метров по своей торжественности не уступает главному фасаду Лувра. Его суровые гладкие стены из темно-серого камня с редко расположенными окнами лишены украшений

116

Собор Инвалидов

и расчленены лишь строгими горизонталями карнизов. Тем импозантнее выглядит центральный портал, увенчанный полукруглым фронтоном с барельефом на золотом фоне, работы скульптора Кусту. Находящийся за ним парадный внутренний двор окружен двухъярусными арочными галереями и отличается той же строгой торжественностью. Другим своим фасадом здание выходит на площадь Вобана, и здесь во всей своей красоте выступает находящийся в центре знаменитый собор Инвалидов — творение великого французского зодчего Жюля-Ардуэна Мансара (1646— 1708). Собор (или, говоря точнее, капелла в честь св. Людовика) является как бы продолжением внутренней солдатской церкви Дома Инвалидов, примыкая к ее алтарной части. Начатый в 1693 году, он был освящен в 1706 году. Мансар задумал церковь как центрическое, квадратное в плане сооружение с могучим куполом диаметром 27 метров. Этот купол, один из самых красивейших в мировой архитектуре, возносится на высоту 105 метров и является как бы главным средоточием всего огромного ансамбля Дома Инвалидов.

Фасад собора с его ясными и выразительными членениями представляет собой блистательный образец французского классицизма XVII века, сочетая величие и изящество, монументальность и легкость. Отсутствие боковых колоколен подчеркивает чистоту и стройность силуэта и великолепный взлет купола, увенчанного грациозным фонариком с высоким шпилем. Поверхность купола обработана в виде двенадцати смыкающихся вверху граней, украшенных золочеными барельефами, изображающими военные трофеи. Удивительное чувство меры, органичность форм и чистота пропорций делают собор Инвалидов подлинным шедевром всего французского зодчества.

Внутри стены собора облицованы светло-серым мрамором. Купол расписан известными живописцами начала XVIII века —

Жувене и де Лафоссом. Сюда в 1840 году был перенесен прах Наполеона, привезенный с острова Св. Елены, и тогда же был объявлен конкурс на его гробницу. Наиболее интересным был признан проект архитектора Висконти (1791—1852). В центре храма, под куполом, было создано большое круглое углубление, своего рода открытая крипта, окруженная сверху балюстрадой. В центре на несколько метров ниже уровня пола установлен саркофаг, сделанный из цельного куска красного гранита. Двенадцать крылатых Побед работы скульптора Прадье окружают саркофаг, а между ними свисают со стен знамена, захваченные Наполеоном на полях сражений. В боковых капеллах погребены двое братьев и некоторые из маршалов Наполеона, знаменитые французские полководцы XVII века — Тюренн и Вобан, а также маршал Фош, французский главнокомандующий в первую мировую войну. С 1940 года в одной из капелл находится бронзовый гроб сына Наполеона, привезенный из Вены.

В настоящее время гробница Наполеона является для туристов главной достопримечательностью Дома Инвалидов, где находится кроме того большой Военный музей. Число ветеранов, содержащихся в казармах, которое доходило до семи тысяч при Людовике XIV, сейчас не превышает пятидесяти человек.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ была выстроена для всемирной выставки 1889 года инженером А.-Г. Эйфелем (1832—1923), уже известным тогда строителем мостов, виадуков, вокзалов и других сооружений. Башня как главный экспонат выставки должна была служить примером достижений инженерной техники того времени. Местом для ее возведения было избрано Марсово поле, близ набережной Сены. Строительство башни,

начатое в 1887 году, длилось всего два года. На ее сооружение потребовалось 15 тысяч металлических частей, соединенных 2500 тысячами заклепок.

119

Сооружение башни продемонстрировало огромные возможности применения металла в строительстве. Высота башни — 300 метров, и до 1931 года, когда в Нью-Йорке был возведен небоскреб Эмпайр стейт билдинг (ок. 380 м), она оставалась самым высоким сооружением в мире. В 1957 году в связи с установкой вышки телевизионного центра она достигла высоты 320 метров.

Сейчас, как известно, новая московская телевизионная башня превышает ее более чем в полтора раза.

Основание Эйфелевой башни представляет собой квадрат со стороной в 123 метра. Ее нижний ярус, имеющий вид усеченной пирамиды, состоит из четырех могучих устоев, решетчатые конструкции которых, соединяясь между собой, образуют огромные арки. На вершине башни имеется смотровая терраса, откуда можно обозревать пространство радиусом до 90 километров. Выше поднимается маяк, где расположена последняя площадка диаметром 1,7 метра.

В настоящее время башня используется как центр радио и телепередач, а кроме того, для метеорологических наблюдений и туристических целей. На различных ее уровнях устроены рестораны, почтовые отделения и смотровые площадки, куда туристов поднимают пять мощных подъемников.

Эйфелева башня, одно из самых смелых и прогрессивных созданий инженерной мысли своего времени, до сих пор создает сильное впечатление высотой, ажурной легкостью конструкций, стремительным взлетом всего силуэта. Сейчас нам даже трудно представить себе Париж без Эйфелевой башни и странным кажется, что когда-то это интересное сооружение вызывало резкие нападки таких своих выдающихся современников, как Верлен или Мопассан, боявшихся, что это детище нового века разрушит архитектурную гармонию старого Парижа.

120

МАРСОВО ПОЛЕ было создано в 1770 году как военный плац для учений и парадов воспитанников находящейся за ним Военной школы (Эколь милитер). Оно имеет в длину 985 метров и в ширину 425 метров. 14 июля 1790 года, в годовщину взятия Бастилии, на Марсовом поле происходил праздник Федерации — первый всенародный праздник Революции 1789—1794 годов. Здесь же в 1792 году собирались волонтеры, идущие сражаться за молодую Республику. Во время Реставрации на Марсовом поле устраивались первые в Париже скачки. Начиная с 1867 года эта территория служила постоянным местом для устройства парижских всемирных выставок (1867, 1878, 1889, 1900 и 1937 годов). В 1908 году площадь Марсова поля была покрыта цветниками. В 1920 году здесь разбит прекрасный парк.

ВОЕННАЯ ШКОЛА (Эколь милитер), ныне Военная Академия, была построена в 1751—1753 годах по проекту известного архитектора Габриэля. Перед ее северо-восточным фасадом раскинулось Марсово поле, где происходили военные учения воспитанников школы. Главный фасад здания, а также парадный двор обращены в противоположную сторону — к площади Фонтенуа. Выстроенная в классическом стиле, Военная школа хорошо перекликается с торжественной архитектурой стоящего вблизи

Дома Инвалидов. В самом здании особый интерес представляют парадная лестница, часовня и зал Маршалов, хорошо сохранивших благородный стиль Габриэля. При своем учреждении школа включала до 500 учеников, набранных из обедневших, но знатных фамилий. С 1784 по 1785 год ее воспитанником был Наполеон.

В 1787 году школу упразднили. В XIX веке здание служило казармами и использовалось для разных целей. В настоящее время здесь помещается Военная Академия.

121

Дворец Шайо

ДВОРЕЦ ШАЙО, возвышающийся на правом берегу Сены против Эйфелевой башни, так же как и весь окружающий его район, обязан своим именем старому средневековому замку, когда-то господствовавшему здесь над всей округой. Впоследствии возвышенность, расположенная на этом месте, получила название горы

Трокадеро в честь взятия в 1823 году испанской крепости того же названия. В 1878 году архитекторы Давиу и Бурдэ построили там для Всемирной выставки обширный и безвкусный дворец Трокадеро, простоявший почти шестьдесят лет. Он был разрушен, чтобы дать место новому и более современному зданию дворца Шайо, который был построен для Международной парижской выставки 1937 года.

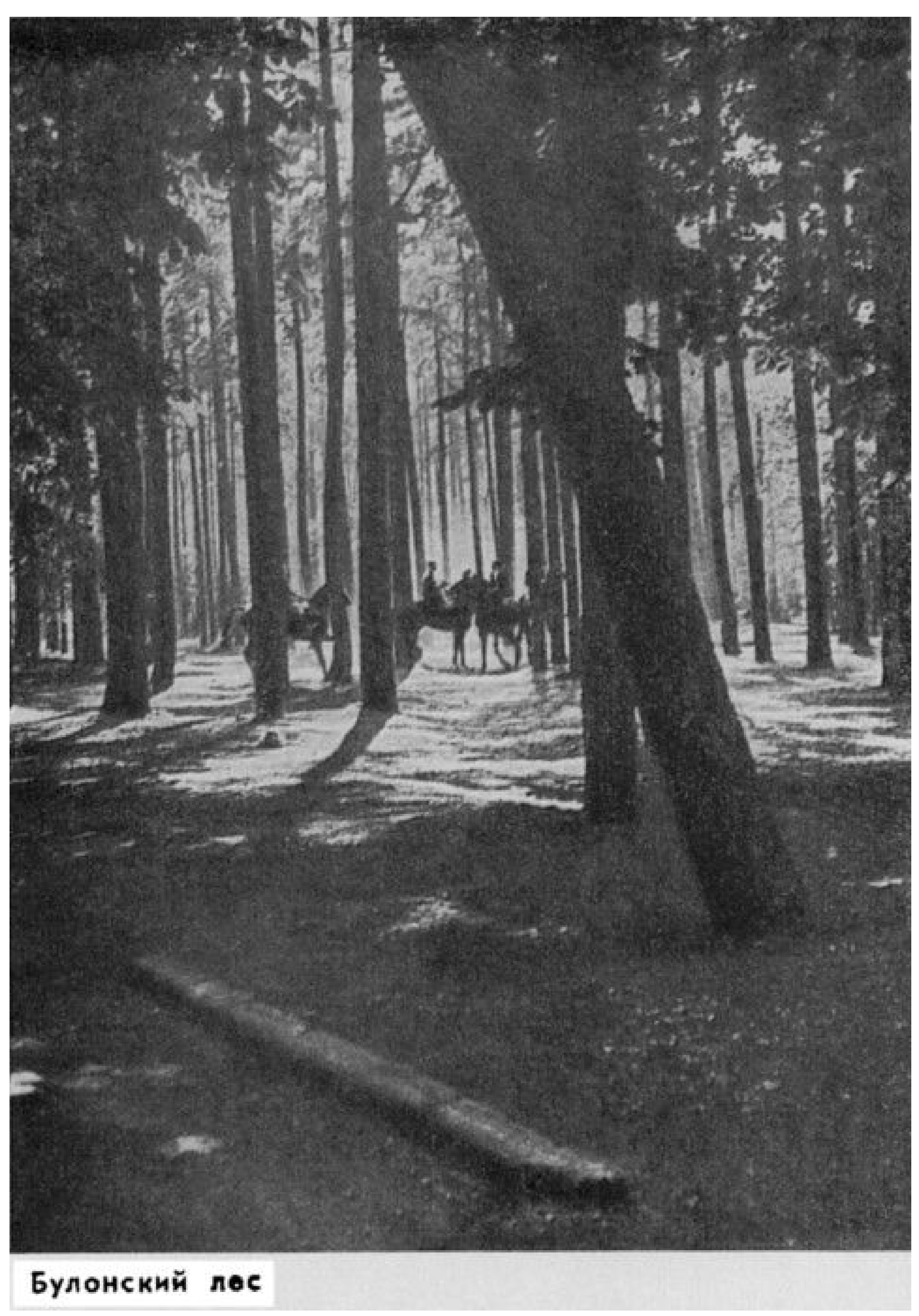
Создавая проект дворца Шайо, архитекторы Ж. Карлю, Л. Буало и Л. Азема стремились как бы продолжить на правый берег Сены ансамбль эспланады Марсова поля. С противоположной стороны широкая авеню Клебер, идущая в восточном направлении, связывает его с площадью и аркой Звезды. Дворец Шайо, выдержанный в лаконичном конструктивном стиле, является характерным памятником архитектуры тридцатых годов, Его материалы — бетон и белый камень, служащий облицовкой. Здание состоит из двух широко развернутых дугообразных крыльев с шестидесятиметровой террасой между ними, сквозной пролет которой открывает далекую перспективу на Эйфелеву башню, Марсово поле и Военную школу. Ниже, по склону холма, ведущего к Сене, располагаются цветники с красивыми лестничными спусками, водоемами и скульптурой. Под террасой, удачно использовав рельеф местности, архитекторы Ж. и Р. Нирманс поместили зал подземного театра на 3500 зрителей, со сценой, находящейся под самой Сеной. Это так называемый Государственный народный театр (ТНП), которым руководил в свое время Жан Вилар и где играл Жерар Филип. В 1948 и 1951 годах это же

помещение служило для происходивших в Париже сессий ООН. Дворец Шайо представляет собой богатейший музейный комплекс. В его восточном крыле размещается Музей французских памятников, частично перешедший сюда еще из старого музея Трокадеро. В нем собраны разнообразнейшие коллекции слепков с выдающихся произведений французской скульптуры и многочисленные копии стенных росписей, помещенные в соответствующее архитектурное обрамление. Здесь же находится и Музей французского народного искусства и традиций с его обширным собранием фольклорного материала.

В западном крыле помещается переведенный из Лувра Морской музей и обширный Музей Человека, объединяющий замечательные этнографические и антропологические коллекции, где зритель может познакомиться с искусством и материальной культурой народов всех частей света с древнейших времен и до наших дней.

БУЛОНСКИЙ ЛЕС, или просто «лес» («Bois»), как говорят парижане, представляет собой живописный лесопарк, площадью до 900 гектаров, раскинувшийся в западной оконечности Парижа. Широкая авеню Фош связывает его с площадью Звезды. Свое имя Булонский лес получил вовсе не из-за берез (береза по-французски называется «булонь» — boulogne), которых там почти и нет, а потому, что еще в XIV веке французский король Филипп IV повелел построить здесь точно такую же церковь богоматери, как в приморском городе Булонь-сюр-мер, куда он ездил на богомолье.

В начале XVI века для Франциска I в Булонском лесу был выстроен замок, впоследствии разрушенный. В 1814—1815 годах на территории леса размещались русские войска, занявшие Париж. В последующие годы парк мало посещался, пока в

Булонский лес

период Второй империи его не коснулись градостроительные мероприятия барона Османна, так сильно изменившие облик Парижа.

В Булонском лесу были проложены аллеи, устроены искусственные каскады и озера с островами, разбиты площадки для игр, построены различные павильоны и рестораны. В 1867 году здесь же открылся знаменитый Лоншанский ипподром. Очень быстро Булонский лес, эти «легкие Парижа», как его часто называют, превратился в излюбленное место гулянья парижан, а некоторые из его широких аллей, предназначенных для верховой езды, до сих пор в определенные часы заполняются элегантными всадниками. Движение легковых машин в Булонском лесу ограничено. Главные входы находятся в его северо-восточной части: Порт Дофин в конце авеню Фош и Порт Майо на площади Дефанс, в конце авеню Великой армии. Вблизи расположены самые богатые кварталы Парижа.

«БАГАТЕЛЬ» («Безделушка») — маленький дворец-павильон в Булонском лесу, построенный в 1777 году архитектором Беланже (1744—1818) в том же стиле изысканного классицизма, что и Малый Трианон Габриэля.

«Багатель» возник в результате пари между королевой Марией-Антуанеттой и братом короля, графом д'Артуа, который купил здесь земельный участок и утверждал, что менее чем за три месяца построит на нем дворец, где сможет достойно принять королеву. Дворец был действительно построен за шестьдесят четыре дня и пари выиграно. С 1905 года эта королевская причуда стала собственностью города Парижа. Сейчас «Багатель» — одно из лучших украшений Булонского леса. В летнее время сюда привлекает великолепный розарий, устроенный при дворце.

126

Площадь и арка Звезды

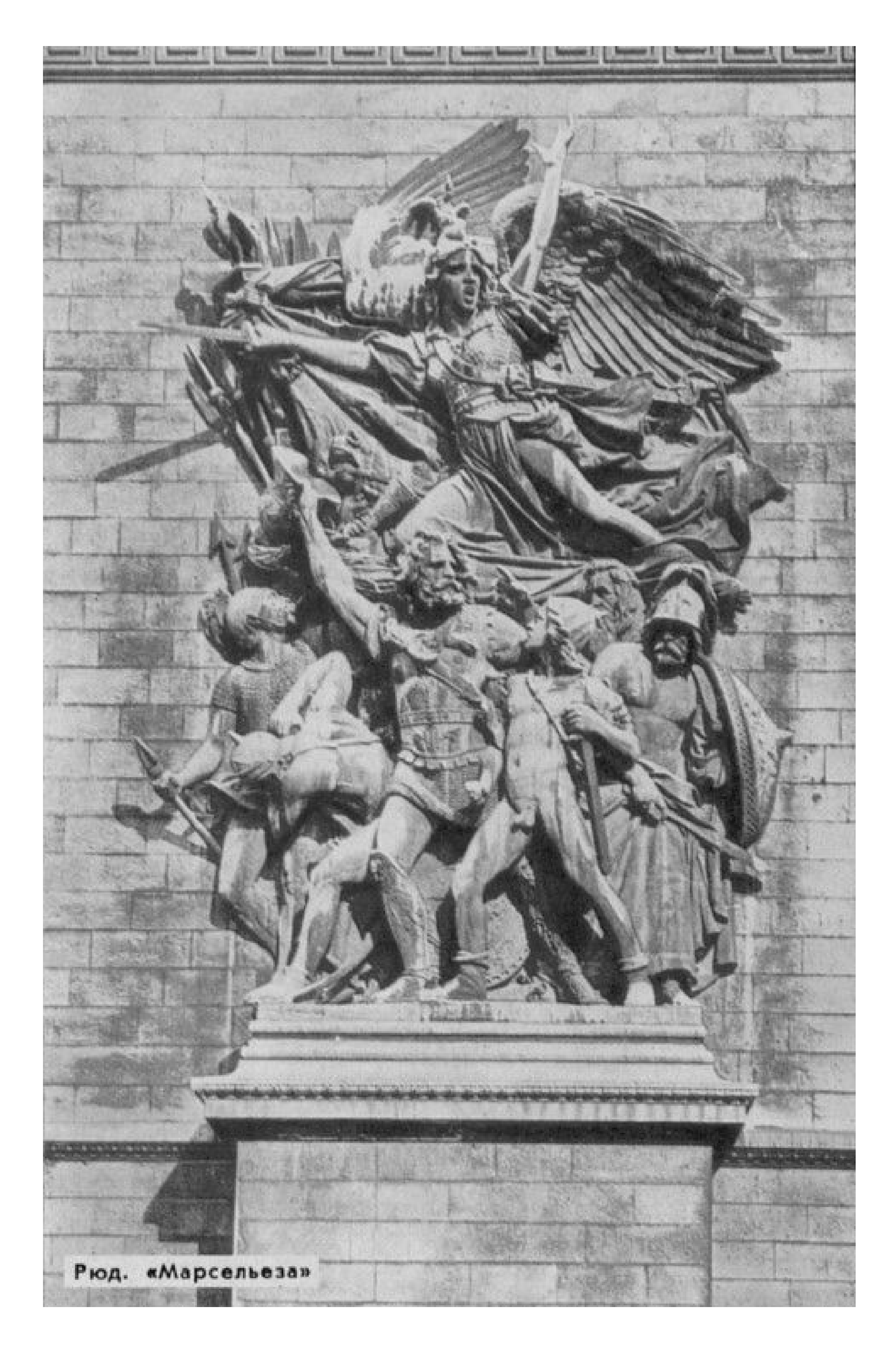
ПЛОЩАДЬ ЗВЕЗДЫ (Пляс д'Этуаль) — большая круглая площадь в конце Елисейских полей, где радиусами расходятся 12 крупнейших проспектов, представляет собой один из самых импозантных и эффектных городских ансамблей, поражающий грандиозными масштабами.

Площадь определилась в своих очертаниях еще в конце XVIII века, но тогда к ней примыкало только пять улиц. В 1806 году в центре ее была начата постройка Триумфальной арки, законченная лишь тридцать лет спустя. В 1854 году барон Османн, префект Парижа, прославившийся предпринятой им перепланировкой города, велел пробить к площади еще семь новых улиц.

127

Вместе со старыми они составили двенадцать лучей «звезды», двенадцать могучих магистралей, которые как бы стягивают к площади весь Париж. Все дома, выходящие на площадь, имеют единообразные фасады, оформленные по проекту архитектора Гитторфа (1792—1867). Высота их не превышает четырех этажей, для того чтобы полностью выявить мощь и значение находящейся в центре Триумфальной арки.

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА ПЛОЩАДИ ЗВЕЗДЫ начала сооружаться по приказу Наполеона, желавшего прославить походы своей армии. Автором проекта был архитектор Ж.-Ф. Шальгрен (1730— 1811), вдохновлявшийся примерами античного Рима. Но грандиозные масштабы арки Звезды намного превосходят классические образцы. В то время как знаменитая арка Константина в Риме имеет в высоту 25 метров при ширине 21 метр, сооружение Шальгрена вдвое превышает эти размеры (50 м высота и 45 м ширина). Арка имеет лишь один пролет. Простота ее формы, массивность пилонов и антаблемента еще более усиливают монументальность. Поставленная на возвышенности, которую представляет собой площадь Звезды по отношению к пологому подъему Елисейских полей, Триумфальная арка царит над окружающей ее местностью. Первоначально создание больших скульптурных групп, украшающих пилоны, было поручено Ф. Рюду (1784— 1855), одному из самых выдающихся скульпторов первой половины XIX века. Однако интриги его соперников заставили разделить заказ между ним и скульпторами Корто и Этексом, получившими три группы из четырех. Рядом с их шаблонными, академическими композициями резко выделяется знаменитый шедевр Рюда «Выступление в поход волонтеров. 1792», более известный под названием «Марсельеза». Динамическая и полная экспрессии группа властно захватывает зрителя своим мощным

Рюд. «Марсельеза»

пафосом. В верхней части арки проходит грандиозный фриз 5 метров высотой, изображающий отправление войск в поход и битвы наполеоновских армий. Внутри арки имеется помещение, где устроена небольшая выставка, связанная с историей ее сооружения. На верху арки находится смотровая платформа, откуда открывается великолепный вид на Париж.

Триумфальная арка площади Звезды не раз играла важную роль в жизни французской столицы. Так, в 1840 году под ней проезжала погребальная колесница Наполеона при возвращении его праха с острова Св. Елены. В 1885 году те же почести были отданы Виктору Гюго, когда траурный кортеж с гробом поэта направлялся в Пантеон. 14 июля 1919 года под аркой прошли торжественным маршем французские

войска после победы над Германией. Наконец, в 1920 году, когда надо было избрать место для могилы Неизвестного солдата, павшего в войну 1914—1919 годов, был выбран пролет Триумфальной арки на площади Звезды. Отныне над строгой плитой, вделанной в мостовую, горит вечный огонь и каждый вечер происходит символическая церемония зажигания его пламени.

ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ — один из самых известных и красивейших проспектов Парижа, тянущийся от площади Согласия до Триумфальной арки на площади Звезды. Его длина немного менее 2 километров. Прокладка проспекта началась еще в XVII веке под руководством знаменитого планировщика садов Ле Нотра, которым была взята как ориентир ось Тюильри — Версаль. В XVIII веке проспект еще не был застроен и служил любимым местом праздничных прогулок. Тогда же в начале его, у площади Согласия, были установлены две знаменитые скульптурные группы Гийома Кусту, известные под названием «Кони Марли». Последовательная застройка проспекта началась уже со второй

Елисейские поля

половины XIX века, во время градостроительных работ барона Османна. В настоящее время Елисейские поля делятся как бы на две части. Со стороны площади Согласия почти на протяжении 700 метров проспект окаймлен парком с расположенными там отдельными зданиями. Слева по направлению к Сене находятся так называемые Большой и Малый дворцы, построенные как выставочные помещения для Всемирной выставки 1900 года. Отмеченные ярко выраженным стилем модерн, они очень характерны для своего времени. Большой дворец и сейчас используется для самых различных выставок. Его западная часть начиная с 1937 года занята Дворцом открытий, находящимся в ведении Парижского университета. Здесь в пятидесяти четырех залах развернута постоянная экспозиция по всем отраслям знаний и науч-

ных открытий, Кроме того, там имеются лекторий, кинозал и планетарий. В Малом дворце размещается Художественный музей, принадлежащий городу.

Напротив них, по другую сторону проспекта, расположен Елисейский дворец — резиденция французских президентов. Конец парковой зоны отмечается небольшой круглой площадью (Ронд-пуан), где сходятся несколько больших улиц. Далее начинается более длинная часть проспекта Елисейских полей, сплошь застроенная высокими домами конца XIX — начала XX века со вклинивающимися там и тут зданиями современной архитектуры. Здесь размещаются редакции многих газет, кинотеатры, роскошные магазины и бесчисленные кафе. Широкие тротуары, обсаженные каштанами, б**о**льшую часть суток заполнены оживленной толпой. Этот отрезок Елисейских полей упирается в площадь Звезды, за которой их продолжением служит проспект Великой Армии.

УЛИЦА РИВОЛИ, одна из самых длинных улиц Парижа, соединяет площадь Согласия с площадью Бастилии (через продолжающую ее улицу св. Антуана). Решение о прокладке улицы, строительство которой длилось с 1800 по 1806 год, было принято вскоре после победы при Риволи, где Бонапарт, тогда еще генерал французской республики (1797), разбил австрийские войска. Это торговая, очень оживленная улица. На участке между улицей Лувра и площадью Согласия тротуары ее северной части проходят под крытыми аркадами.

ВАНДОМСКАЯ ПЛОЩАДЬ — одна из красивейших площадей Парижа и замечательный образец французского градостроительного искусства XVII века. Она была разбита в конце царствования Людовика XIV на месте снесенного дворца герцога Вандом-

Улица Риволи

ского (незаконного сына Генриха IV, одного из главарей Фронды) и получила тогда название площади Завоеваний (де Конкетт).

Автором ансамбля площади был крупнейший зодчий того времени Жюль-Ардуэн Мансар (1646—1708), который одновременно работал над созданием площади Побед. Вандомская площадь представляет собой правильный прямоугольник со скошенными углами. В нее входят две улицы (ул. Мира и ул. Кастильоне), расположенные по одной оси. Отсюда замкнутость пространства площади, призванной служить окружением для монументальной конной статуи Людовика XIV, которая была воздвигнута в центре площади скульптором Жирардоном. Все фасады окружающих домов, построенных Мансаром, совершенно однотипны по ком-

Вандомская площадь

позиции и одинаковы по высоте. Они украшены колоннами большого ордера, охватывающими второй и третий этажи. Срезанные угловые части акцентированы треугольными фронтонами. Высокие крыши пробиты характерными слуховыми окошками, получившими название «мансард» по имени самого строителя. Это единство всей окружающей архитектуры служит великолепным обрамлением для находящегося в центре монумента. Статуя Людовика XIV, простоявшая здесь почти целое столетие, была снесена 10 августа 1792 года в тот самый день, когда революционный народ Парижа взял Тюильри и сверг королевскую власть.

ВАНДОМСКАЯ КОЛОННА. В 1806 году Наполеон решил воздвигнуть на площади колонну для прославления своих побед — подобно знаменитой колонне Траяна в Риме. Работы длились с 1806 по 1810 год. Колонна высотой 43,5 метра была отлита из вражеских пушек, захваченных Наполеоном при Аустерлице. Ее авторами были архитекторы Лепер и Гондуэн. Почти все известные скульпторы тех лет принимали участие в создании бронзовых барельефов, опоясывающих колонну по спирали. На вершине находилась статуя императора в одежде римского цезаря работы скульптора Шоде. В 1814 году после падения Наполеона эта статуя была снята. Луи-Филипп в 1831 году счел возможным снова водворить Наполеона на прежнее место, но уже в облике «маленького капрала», в сюртуке и треуголке. Наполеон III, придя к власти и желая возвеличить своего знаменитого дядю, приказал восстановить прежнюю статую в виде римского императора. В 1871 году, во время Коммуны, колонна была разрушена (работами по ее разбору руководил известный художник Гюстав Курбе), но вновь восстановлена в 1875 году.

Вандомская площадь находится в центральной части Парижа. Улица Мира соединяет ее с площадью Оперы.

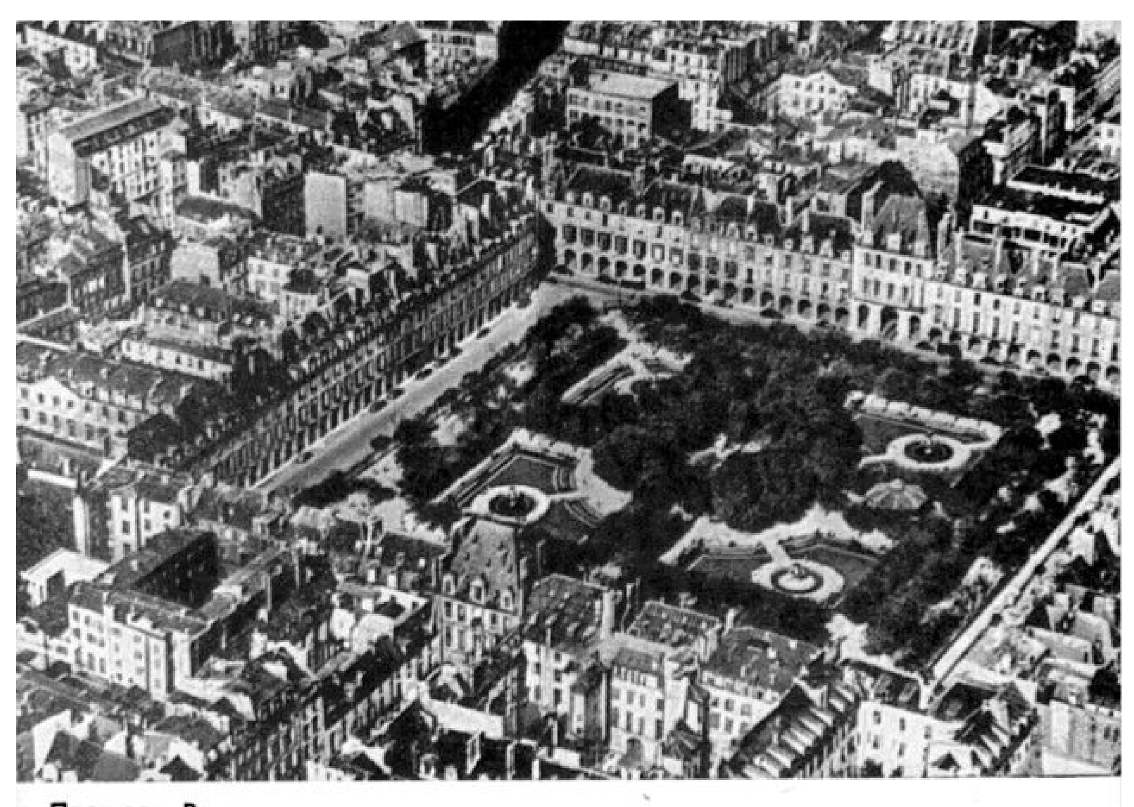
135

ПАЛЕ-РОЯЛЬ (Королевский дворец), который отделяет от Лувра лишь улица Риволи, обязан своим названием дворцу, выстроенному здесь по указанию кардинала Ришелье и подаренному им впоследствии королю Людовику XIII. Вдова короля, Анна Австрийская, жила в нем с малолетним Людовиком XIV. В Пале-Рояль помещался и театр, где Мольер выступал со своей труппой в последние годы жизни. Людовик XIV подарил дворец своему брату, герцогу Филиппу Орлеанскому, и в дальнейшем Пале-Рояль переходил по наследству потомкам герцога. В течение XVIII века дворец несколько раз перестраивался, и от старого здания времен Ришелье ничего не осталось. В 1781 году герцог Луи-Филипп Орлеанский (будущий Филипп-Эгалите) поручил архитектору Виктору Луи построить однотипные, обрамляющие сад корпуса с галереями-аркадами для сдачи их внаем под различные лавки и кафе. Перед началом революции 1789—1794 годов сад Пале-Рояль стал любимым местом гуляния парижан. Именно здесь Камилль Демулен своей пламенной речью призывал народ к разрушению Бастилии.

В XIX веке Пале-Рояль опустел. Сейчас в нем помещаются Государственный совет и Министерство культуры. Прекрасный сад, разбитый в классическом французском стиле, доступен для публики, но мало посещается. Среди его многочисленных статуй надо отметить памятник Виктору Гюго работы Родена.

Со стороны проспекта Оперы территория дворца и сада Пале-Рояль замыкается зданием Французского театра.

ПЛОЩАДЬ ВОГЕЗОВ — самый ранний образец архитектурного оформления городской площади в Париже — находится в квартале Марэ, немного западнее площади Бастилии. В начале XVI века на ее территории находился дворец де Турнель, бывший резиденцией нескольких французских королей. В нем умер

Площадь Вогезов

раненный на турнире Генрих II, и его вдова, Екатерина Медичи, навсегда покинула дворец, вскоре после этого снесенный. На его месте образовался большой пустырь, который использовался для лошадиных торгов, а также служил местом для бесчисленных дуэлей того времени. В 1605 году Генрих IV поручил архитектору Клоду де Шатильону и, возможно, Андруэ дю Серсо разбить здесь площадь, обстроенную домами. Она была закончена в 1612 году и получила название «Королевской». В 1639 году в центре ее была воздвигнута из бронзы конная статуя Людовика XIII, снесенная во время Великой французской революции и восстановленная в мраморе в 1818 году. В течение всего XVII века площадь была средоточием модной и светской жизни Парижа. Здесь жили кардинал Ришелье (до 1624 г.), великий драматург

Корнель, г-жа де Севинье, известная своим эпистолярным наследием, и куртизанка Марьон Делорм, воспетая Гюго.

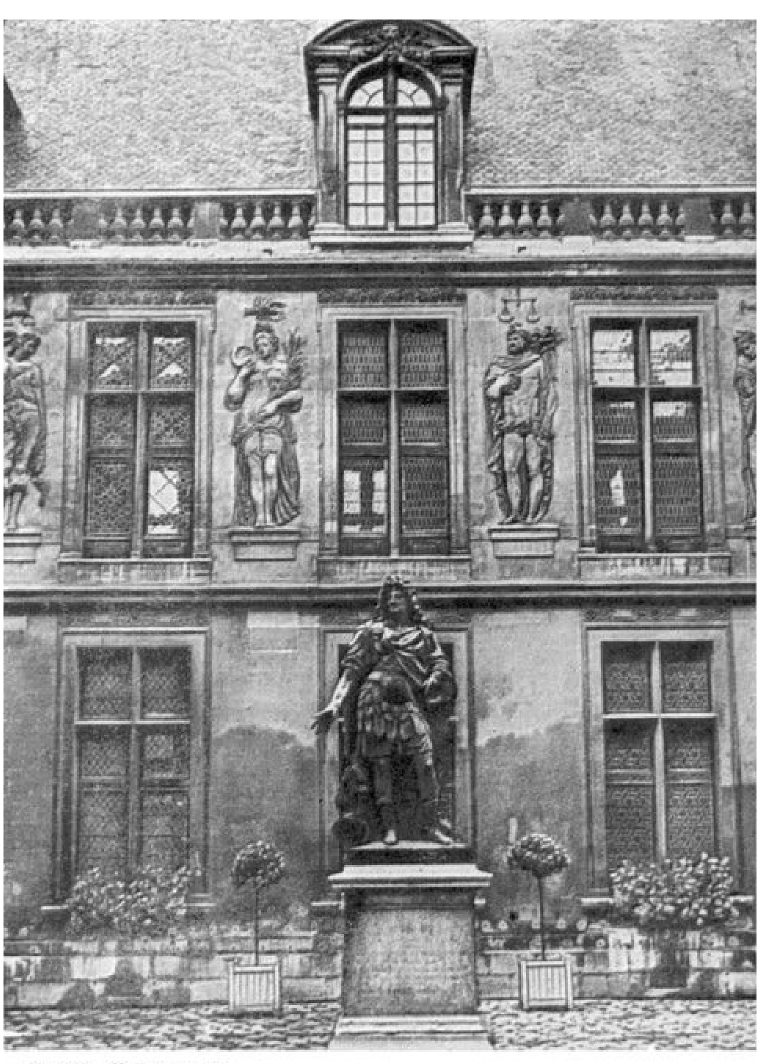
В эпоху Революции Королевская площадь была переименована в площадь Вогезов в честь департамента, который первым организовал патриотический сбор средств для посылки их в Париж. В XIX веке площадь Вогезов облюбовали для себя многие писатели-романтики. Здесь жили и Теофиль Готье и Виктор Гюго, В настоящее время — это тихая, почти провинциальная площадь с большим сквером и фонтанами по углам. С городом ее

соединяют не улицы, а узкие проезды в нижних этажах зданий, отчего площадь имеет вид, скорее, внутреннего двора. Почти квадратная в плане, она окружена одинаковыми домами строгой и простой архитектуры. Внизу — сплошные аркады, служащие для гулянья, выше — гладкие кирпичные стены второго и третьего этажей, цвет которых красиво контрастирует с оконными обрамлениями из белого тесаного камня. Дома венчают высокие островерхие крыши с маленькими слуховыми окнами.

Далекая от шумной жизни современного города, тихая и замкнутая, площадь Вогезов с ее своеобразным архитектурным окружением живо переносит нас в атмосферу старого исторического Парижа.

В доме номер 6, где с 1832 по 1848 год жил Виктор Гюго, помещается музей его имени, хранящий богатейшие материалы, связанные с великим французским поэтом и его литературным окружением.

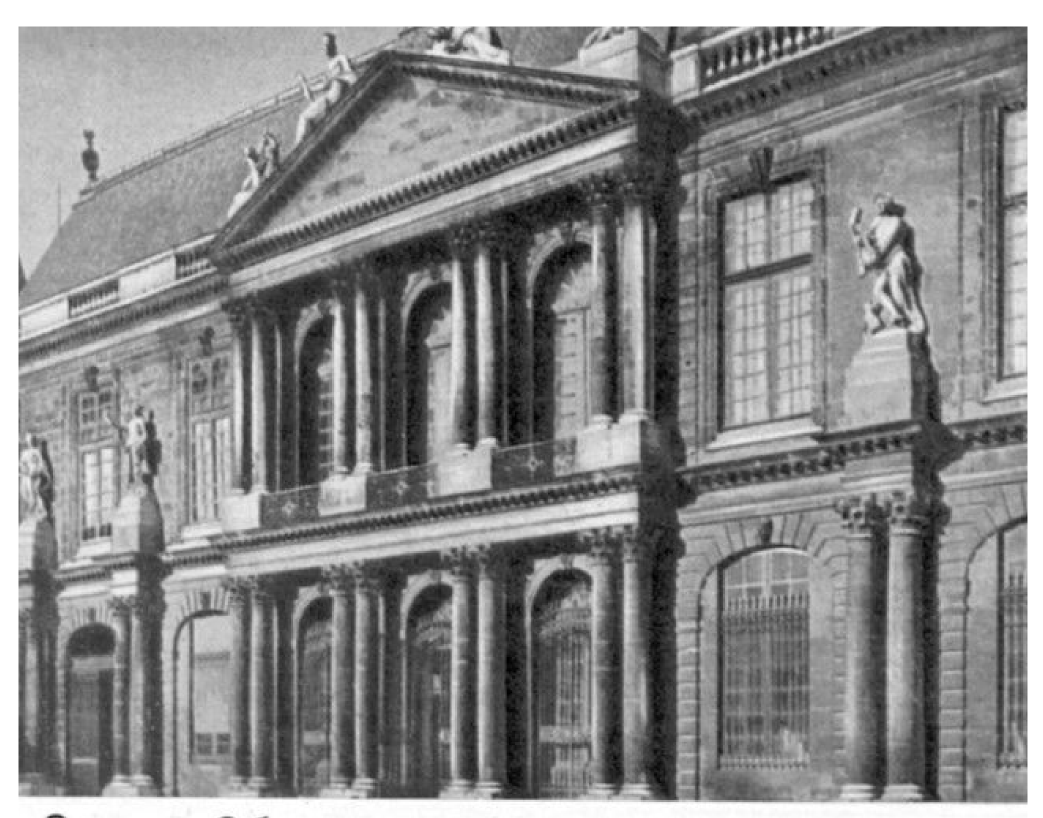
МУЗЕЙ КАРНАВАЛЕ, знаменитый своими художественными и историческими коллекциями, сам представляет собой произведение искусства. Его здание было построено в середине XVI века архитектором Лувра Пьером Леско для председателя Верховной судебной палаты де Линьериса. Скульптурные барельефы на сте-

Музей Карнавале

нах, среди которых особенно выделяются красотой четыре женские фигуры, символизирующие времена года, принадлежат резцу знаменитого Жана Гужона, постоянно работавшего с Леско. В 1572 году особняк перешел во владение вдовы бретонского дворянина Франсуа де Керневенуа, имя которого парижане переделали в «Карнавале», В конце XVII века здесь в течение двадцати лет жила госпожа де Севинье. В это же время отель был переделан архитектором Франсуа Мансаром. Начиная с эпохи Революции в особняке помещались самые различные учреждения, пока наконец в 1866 году здание не приобрели городские власти для размещения в нем исторического музея. По-настоящему этот проект был осуществлен лишь в 1880 году, когда во главе музея стал известный ученый и коллекционер Жюль Кузен. Его собственное собрание, пожертвованное музею, так же как и богатейшие коллекции Альфреда де Лизвелля, посвященные эпохе Великой французской революции, послужили ядром замечательного музея, воссоздающего всю историю города Парижа. В нем сосредоточены богатейшие и редчайшие коллекции различных предметов, картин, гравюр и документов, начиная от материалов, найденных при раскопках, и кончая современностью. Отдельные залы посвящены топографии Парижа, парижским театрам, старинным вывескам, предметам быта и искусства. Постоянно обогащаясь новыми интересными поступлениями, музей Карнавале все время растет и расширяется.

ОТЕЛЬ ДЕ РОГАН был построен в 1705—1708 годах архитектором Деламером для кардинала Армана Гастона де Роган, епископа Страсбургского. Последним его владельцем был кардинал Луи де Роган, замешанный в громком деле «ожерелья королевы». Над декором этого особняка трудились лучшие мастера эпохи. В нем можно любоваться панно работы Франсуа Буше, знаменитым «ка-

Отель де Субиз

бинетом обезьян», расписанным Кристофом Гюэ, и изумительным барельефом скульптора Ле Лоррена, помещенным над дверью конюшен. Барельеф изображает коней Аполлона на водопое и отличается необычайной для скульптуры живописностью и бурной динамикой форм. Ле Лоррен далек от классической строгости своих предшественников. Он дерзко берется изображать в камне не только стремительное движение, но и клубящиеся облака и солнечные лучи и с блеском разрешает свою, казалось бы, невыполнимую задачу.

ОТЕЛЬ ДЕ СУБИЗ может быть по праву назван дворцом, настолько выделяется он импозантностью почетного двора, окруженного колоннадой, и роскошью внутреннего убранства, над

которым работали лучшие из живописцев стиля рококо, такие, как Буше, Натуар, Ванло, Ресту, а из скульпторов — Адам, Лемуан и Ле Лоррен. Дворец де Субиз был построен архитектором Деламером почти одновременно с особняком Роган, с которым он соединяется садом. На этом месте находился раньше городской дом коннетабля де Клиссон, относящийся еще к XIV веку. Он был снесен в 1700 году после покупки всего участка принцессой де Субиз, и только сохранившиеся въездные ворота под стрельчатой аркой с двумя круглыми башенками по бокам напоминают еще о средневековом Париже. В 1808 году дворец де Субиз был отдан под Государственный архив. Последний занимает также и отель де Роган и более поздние пристройки, выходящие на улицу Катр-фис.

ДВОРЕЦ ЮНЕСКО был построен в 1955—1958 годах для Отделения образования, науки и культуры Организации Объединенных Наций. Он расположен на левом берегу Сены, на площади Фонтенуа, куда выходит также здание Военного училища (Эколь милитер).

Авторы проекта здания — Б. Зерфусс (Франция), П. Нерви (Италия) и М. Брайер (США). В состав Международного совета, одобрившего проект, входили известные архитекторы Ле Корбюзье, Вальтер Гроппиус и другие.

ДВОРЕЦ ЮНЕСКО представляет собой ансамбль из трех зданий: секретариата, зала пленарных заседаний и небольшого корпуса постоянных представительств. К ним непосредственно примыкает специально спланированный японский сад.

Одной из главных задач, стоящих перед авторами проекта дворца ЮНЕСКО, было создание такого сооружения, которое бы органически вписалось в полукруглый план площади Фонтенуа, спроектированной еще в XVIII веке архитектором Габриэлем, и

не нарушало бы замечательной перспективы дворца Шайо и Марсова поля. Эта задача была удачно разрешена. Главное здание ансамбля — секретариат — представляет собой в плане как бы гигантскую букву Y и состоит из трех корпусов, развернутых друг к другу под углом в 120 градусов. К центру они плавно закругляются, сливаются и образуют три могучие вогнутые дуги, одна из которых является фасадом, замыкающим часть площади Фонтенуа, симметричным со стоящим напротив старым зданием министерства. Высота здания секретариата ЮНЕСКО, равная 31 метру, была также специально предусмотрена, чтобы здание не вырывалось из окружающего ансамбля.

Сплошь застекленные фасады секретариата, где имеется свыше шестисот пятидесяти комнат, дают максимум света для внутренних помещений и создают впечатление большой легкости постройки снаружи. Здание, как бы вознесенное над землей, опирается на семьдесят две бетонные опоры своеобразной конструкции, пространство между которыми используется как вестибюль и различные служебные и справочные помещения.

В меньшем по объему здании пленарных заседаний с залом на девятьсот мест основным было решение акустической проблемы. Для этого архитекторы применили особую систему ребристых стен и покрытий, выполненных из железобетона.

Архитектура дворца ЮНЕСКО, отвечающая самым последним конструкторским требованиям, сочетает разнообразие и острую выразительность форм с их полной функциональной оправданностью.

Главными строительными материалами являлись железобетон, стекло и алюминий. Кроме того, широко использованы итальянский травертин, дерево и цветная майолика, эффектно контрастирующие с основными материалами. Мозаичные панно, созданные Р. Базеном, росписи, выполненные П. Пикассо, Р. Тамайо и дру-

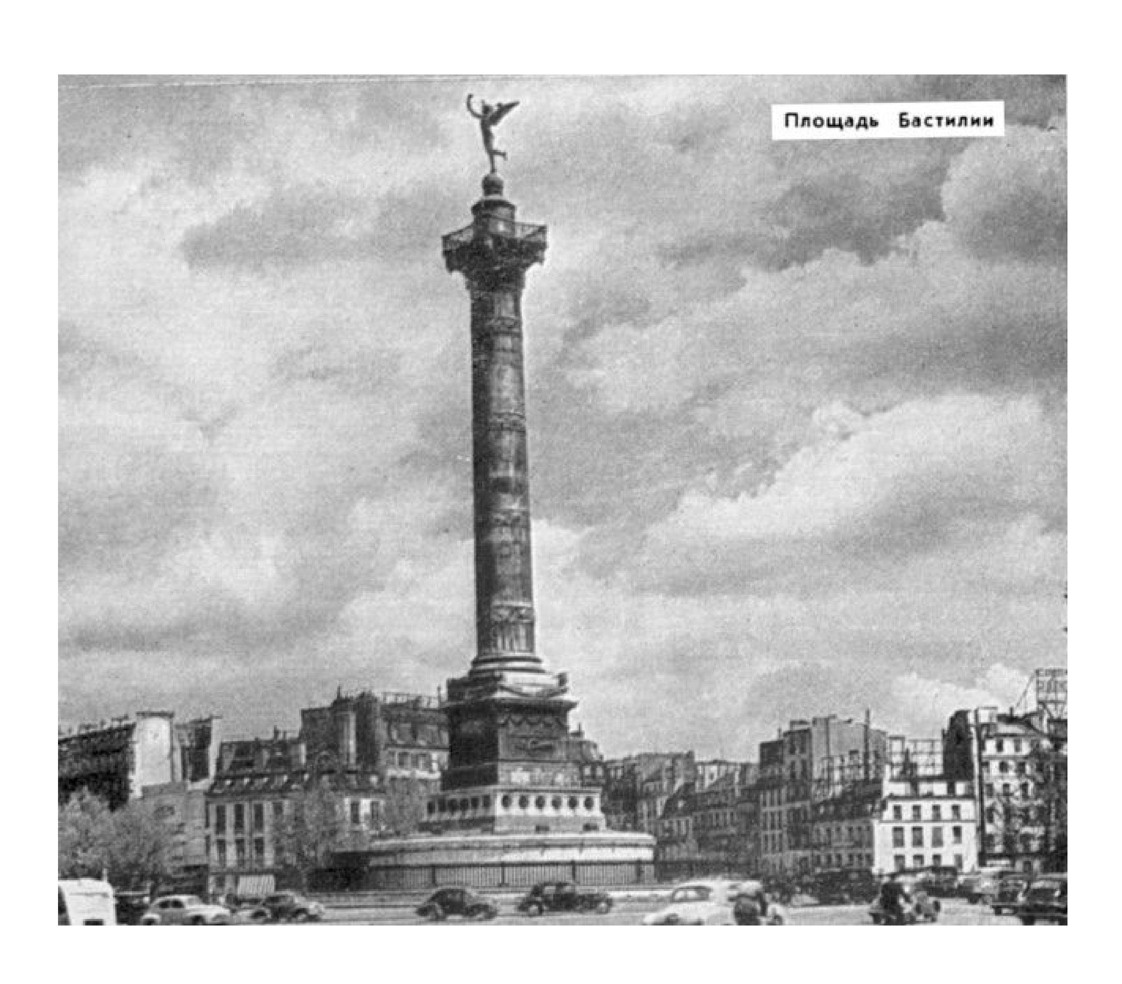
гими известными мастерами, работы скульпторов Г. Мура и А. Кальдера составляют декоративное оформление здания.

ОТЕЛЬ МАТИНЬОН — один из красивейших особняков старого Парижа (ул. де Варенн, 57) — был построен архитектором Ж. Куртонном в 1721 году. В его фасаде изысканная легкость и изящество стиля рококо сочетаются с ясностью классических пропорций архитектуры XVII века. Перед домом раскинулся прекрасный парк, самый обширный из частных парков Парижа. В течение полутораста лет своей истории особняк сменил многих владельцев. В конце XIX — начале XX века в нем помещалось посольство Австро-Венгрии. В настоящее время он является резиденцией председателя совета министров.

БОЛЬШИЕ БУЛЬВАРЫ, проходящие длинной дугой в северной части Парижа — от церкви Мадлен до площади Бастилии, возникли на месте древних городских укреплений, снесенных в середине XVII века, когда Париж фактически уже стал выходить за их пределы. Место крепостных стен заняли тогда длинные, обсаженные деревьями аллеи, служившие для прогулок парижан. Особую популярность они приобрели со второй половины XVIII века. Тогда же началась и их застройка, превратившая вскоре эти загородные аллеи в современные улицы, ставшие одной из главных артерий Парижа. Особенно оживлен и полон магазинов, театров, кафе отрезок, находящийся между церковью Мадлен и пересечением с улицей Ришелье-Друо, включающий бульвары Мадлен, Капуцинок и Итальянский. Их продолжают к востоку бульвары Монмартр, Пуассоньер, Бонн-Нувель, Сен-Дени и Сен-Мартен, подводящие к площади Республики, разбитой в 1855—1862 годах. В 1883 году там воздвигнут монументальный памятник Республике работы скульпторов Далу и бра-

тьев Моррис. От площади Республики линия бульваров (бульвары Тампль и Бомарше) загибается к югу, упираясь в площадь Бастилии. Это уже рабочие кварталы бывших предместий Сен-Мартен и Сен-Антуан, и бульвары носят здесь уже совсем другой характер, чем в аристократических и буржуазных районах.

ПЛОЩАДЬ БАСТИЛИИ напоминает о славном революционном прошлом французской столицы. Она расположена в восточной части Парижа, и бульвары Тампль и Бомарше, являющиеся продолжением дуги Больших бульваров, связывают ее с площадью Республики. Когда-то на этом месте возвышалась знаменитая крепость Бастилия, построенная еще в 70-х годах XIV века при короле Карле V. В то время она служила важным укреплением города. Впоследствии эта грозная крепость с восемью башнями, бастионами и водяным рвом превратилась в государственную тюрьму, куда помещали опасных преступников и политических противников. Бастилия явилась местом заточения таких знаменитых узников, как «железная маска», Вольтер, Мирабо, Латюд и другие. В начале Великой французской революции, 14 июля 1789 года, восставший народ Парижа взял приступом страшную тюрьму, в которой видел как бы символ королевского деспотизма. В течение года она была срыта до основания. Ежегодно на площади Бастилии стали устраиваться народные гулянья, и день этот стал в дальнейшем французским национальным праздником. В начале 1800-х годов здесь собирались создать монументальный памятник, увековечивающий египетский поход Наполеона. Проект этот не был осуществлен. На площади поставили только часть памятника в виде гигантского (12 м высоты) слона из кирпича и гипса, который простоял, постепенно разрушаясь, в течение почти тридцати лет. Слон этот описан в романе Виктора Гюго «Отверженные», где беспризорный Гаврош находит

Площадь Бастилии

себе убежище, прячась внутри памятника, В 1840 году в центре площади была воздвигнута бронзовая колонна 47 метров высотой в память павших в революцию 1830 года. Имена их выгравированы на колонне. Вершина ее увенчана позолоченной фигурой крылатого гения Свободы, работы скульптора Дюмона. Под колонной находится склеп, где захоронены останки погибших в революциях 1830 и 1848 годов.

ВОРОТА СЕН-ДЕНИ возвышаются на перекрестке старинной улицы Сен-Дени и бульвара того же названия. Они были воздвигнуты

146

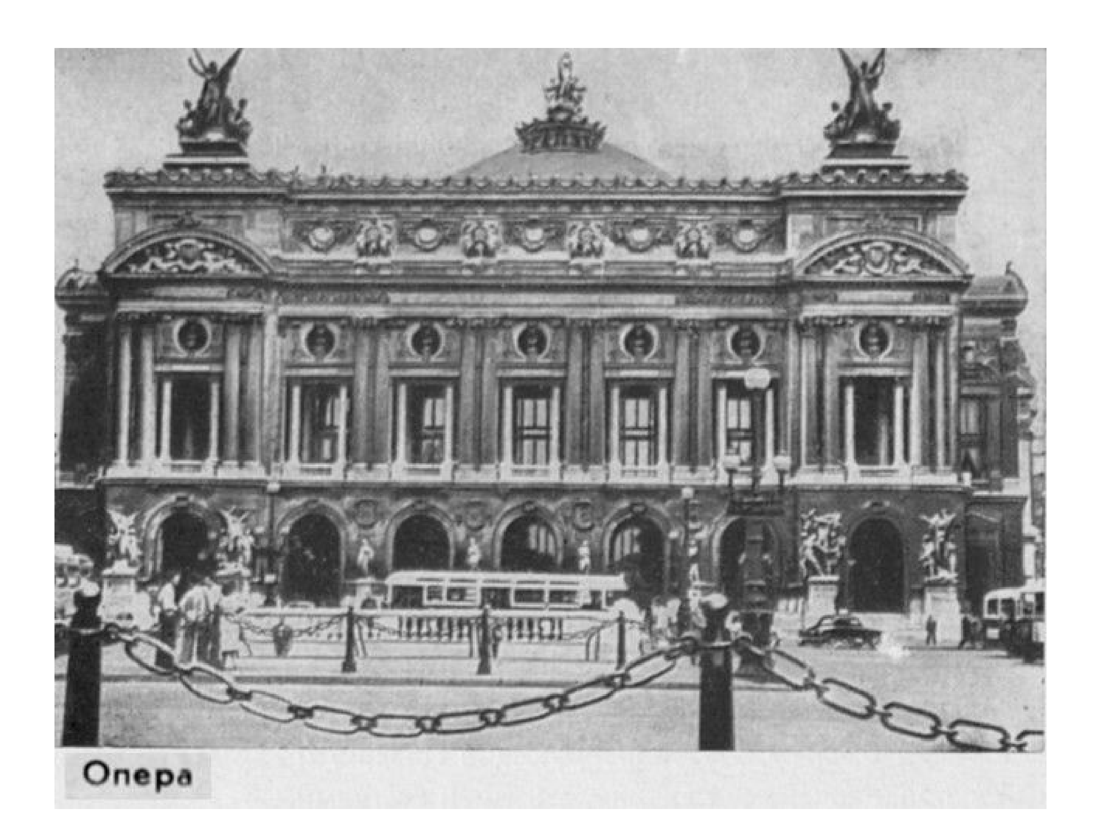
по указанию Людовика XIV в 1672 году в честь его побед во Фландрии и Голландии. Создателем их был выдающийся французский архитектор, директор только что учрежденной Академии архитектуры Франсуа Блондель (1617—1686). Ворота Сен-Дени — это первая триумфальная арка в европейской архитектуре нового времени. Блондель несомненно вдохновлялся здесь античными образцами, но не скопировал прославленные древнеримские арки, а дал свое совершенно оригинальное решение. Могучая однопролетная арка декорирована по сторонам высокими обелисками, украшенными рельефами, изображающими военные трофеи. В центре, над самой аркой, прямоугольный барельеф работы скульптора Жирардона изображает переход Людовика XIV через Рейн. Мощный горизонтальный карниз венчает сооружение и как бы умеряет вертикальный взлет арки и обелисков. Архитектор не стремился перегружать сооружение излишними украшениями. Хотя арка и дает чрезвычайно удачное сочетание архитектуры и скульптуры, главное ее достоинство заключается в строгих и ясных пропорциях, в величественной простоте и лаконической выразительности самого архитектурного замысла, делающих ворота Сен-Дени одним из лучших образцов раннего французского классицизма.

ВОРОТА СЕН-МАРТЕН стоят на другом конце короткого бульвара Сен-Дени, открывая въезд на улицы предместья Сен-Мартен. Они были сооружены на два года позднее триумфальных ворот Сен-Дени в честь последующих побед французских войск. Автор ворот Сен-Мартен — архитектор П. Булле. Кроме большого центрального пролета они имеют еще два малых боковых, над которыми помещаются скульптурные барельефы. По своим художественным достоинствам ворота Сен-Мартен значительно уступают созданию Ф. Блонделя.

147

Ворота Сен-Дени

Опера

ПАРИЖСКАЯ ОПЕРА, официально называемая Государственной Академией музыки и танца, находится в самом центре города, там, где в бульвар Капуцинок вливается широкая авеню де л'Опера.

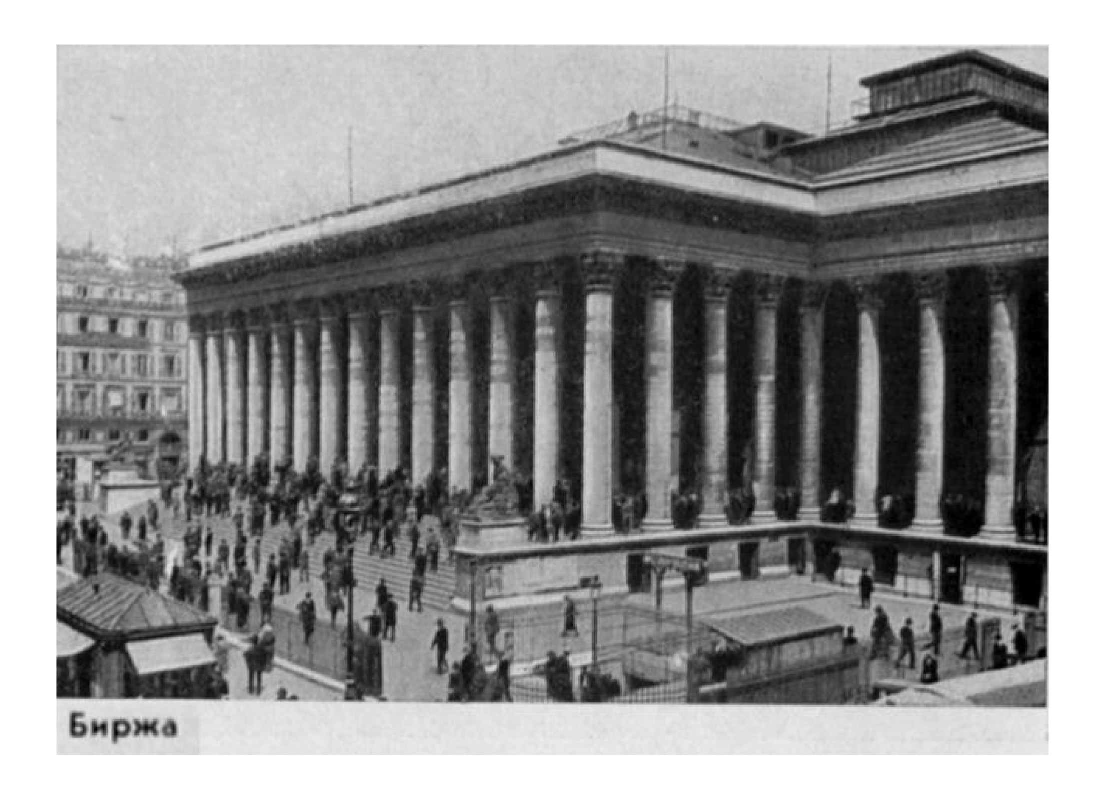
Здание Оперы было построено архитектором Шарлем Гарнье (1825—1898) в 1863—1875 годах. На строительство были отпущены колоссальные средства, и Гарнье создал роскошное и помпезное сооружение, вполне отвечающее вкусам Второй Империи, находившейся тогда в зените своего преуспевания и блеска.

Здание стоит на возвышении в несколько ступеней. Нижний этаж его фасада оформлен в виде массивной аркады, украшенной четырьмя скульптурными группами, из которых особую художественную ценность представляет знаменитая группа скульптора Карпо «Танец». На втором этаже шестнадцать монолитных колонн, объединенных попарно, разделяют большие окна, над которыми расположены бюсты в круглых нишах. Высокий аттик декорирован пышным барельефом и несет на углах две большие группы из золоченой бронзы, символизирующие Поэзию и Гармонию. Медный купол, венчающий здание, украшен статуями.

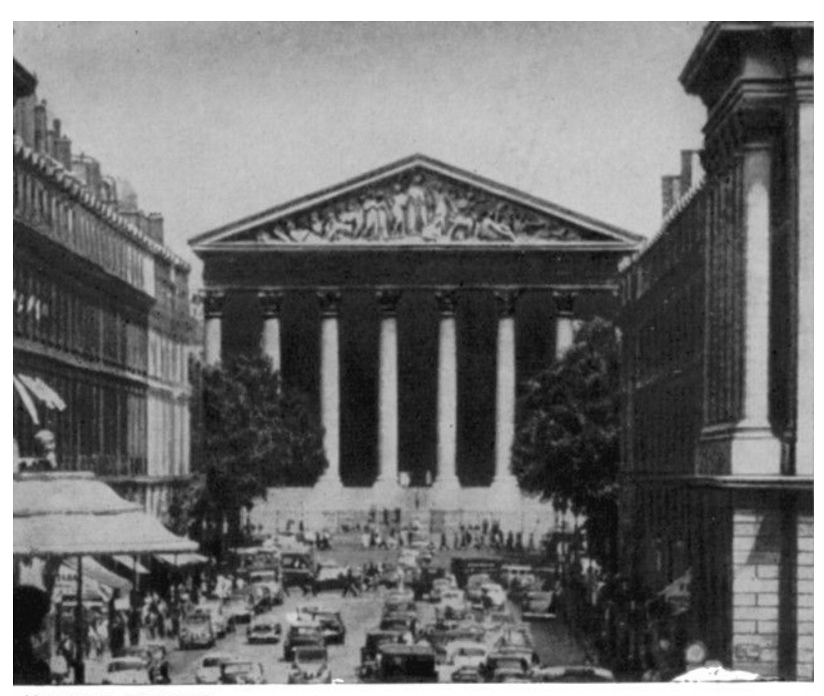
Стремясь всемерно усилить великолепие общего впечатления, Гарнье перегружает фасад скульптурой, позолотой и различными драгоценными материалами — яшмой, мрамором и др. Что касается собственно архитектуры, то здесь мы видим эклектическое смешение различных стилей, начиная от подражания венецианским дворцам XVI века и кончая заимствованием отдельных мотивов с фасада старого Лувра. Та же подчеркнутая роскошь царит и во внутреннем убранстве Оперы, особенно в фойе, которое перенасыщено скульптурой и живописью. Подлинным размахом отличается внутреннее пространство широкой парадной лестницы, расходящейся в обе стороны. Зрительный зал, выдержанный в пурпурно-золотой гамме, рассчитан более чем на две

тысячи мест. Его плафон, расписанный ранее живописцем Леневе, недавно вновь был расписан художником Марком Шагалом. По площади, занимаемой сценой и ее подсобными помещениями, Опера превосходит все другие театры Парижа. Ряд технических помещений расположен в пяти подземных этажах, В самом нижнем находится крупнейшее в мире хранилище граммофонных пластинок с уникальными записями.

Фасад Оперы выходит на небольшую площадь — площадь Оперы. Помимо бульваров от площади расходится еще пять улиц, одна из которых — улица Мира — замыкается Вандомской колонной.

Биржа

БИРЖА находится в центре делового квартала Парижа, между бульварами Монмартр, Пуассоньер и Центральным рынком (Halles centrales). Прежде на этом месте стоял женский монастырь, упраздненный во время Великой французской революции. Строительство Биржи началось в 1808 году и закончилось лишь в 1826 году, уже после смерти ее главного архитектора Броньяра (1733—1813). Стоящее на высоком подиуме и окруженное могучей колоннадой коринфского ордера, здание представляет собой типичный образец пышного и холодного наполеоновского ампира, который мы видим в ряде официально-правительственных сооружений той эпохи. В 1903 году здание Биржи было значительно расширено пристройкой двух боковых крыльев.

Церковь Мадлен

ЦЕРКОВЬ МАДЛЕН замыкает короткую Королевскую улицу, идущую к бульварам от площади Согласия. Хотя она и стоит в глубине, все же вписывается в один ансамбль с архитектурой площади. Церковь была начата в 1764 году архитектором Констаном д'Иври, который вскоре умер. Строительство было передано другому архитектору, а затем в период революции и совсем прервалось. В 1806 году Наполеон поручил архитектору Виньону превратить здание в храм Военной славы великой армии. Отсюда этот необычный для христианских церквей облик всего сооружения. После падения Наполеона тот же Виньон переделал здание в соответствии с его первоначальным назначением. Эта перестройка закончилась только в 1842 году. Однако общий вид зда-

ния продолжает более напоминать древнеримский храм, чем католическую церковь. Это типичный античный периптер, стоящий на высоком подиуме и окруженный колоннадой коринфского ордера. Внутри церковь Мадлен отделана с большой роскошью, она является самой «великосветской» церковью Парижа. На ступенях ее восточного фасада располагается живописный рынок цветов.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР (Комеди Франсэз) находится в здании, которое, примыкая к Пале-Рояль, выходит своим фасадом к началу авеню Оперы, ведущей прямо к оперному театру.

На протяжении всего XVIII века труппа Комеди Франсэз, созданная в свое время великим Мольером, играла в самых различных помещениях. В 1781 году архитектор Виктор Луи, который реконструировал сады Пале-Рояль, начал возводить для герцога Орлеанского также и здание театра, в котором труппа Комеди Франсэз начала играть в 1790 году. С тех пор здание занято этим театром. Во второй половине XIX века оно было расширено и переделано архитекторами Фонтэном и Шабролем. Помимо собственно театрального помещения в нем находится также и Музей Комеди Франсэз, располагающий богатыми архивными и художественными коллекциями. В фойе театра находится знаменитая статуя Вольтера работы скульптора Гудона.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РЫНОК Парижа, находящийся в самом центре города несколько севернее улицы Риволи, расположен на месте, где еще в XIII веке происходили оживленные ярмарки. Здесь торговали не только съестными припасами, но и самыми разнообразными изделиями, производившимися ремесленниками Парижа и его окрестностей. Начиная с XVI века, когда город разросся, торговля продовольствием занимает на рынке главное

место. Все нижние этажи домов этого квартала были заняты лавочками. Каждая из улиц специализировалась в продаже какого-нибудь одного вида продуктов. В XIX веке назрела необходимость создания большого городского крытого рынка. При Наполеоне III приступили к разрешению этой задачи. Архитектор В. Бальтар построил первый каменный павильон, тяжелое и неудобное сооружение, которое прозвали «крепостью». Оно вскоре было разрушено. Тогда тот же Бальтар приступил к возведению нового рынка в виде десяти однотипных павильонов, построенных на основе железных каркасных конструкций, с застекленными потолками. На этот раз успех был достигнут. Начатый в 1854 году, рынок был закончен через двенадцать лет. Применение железных конструкций

являлось по тому времени смелым нововведением и послужило образцом для всего европейского строительства подобного рода. Каждый из корпусов рынка предназначался для торговли каким-либо одним видом продуктов: мясом, рыбой, овощами.

Парижский рынок, это «чрево Парижа», как его назвал Эмиль Золя, действительно питает весь город. Торговля носит преимущественно оптовый характер. Товары начинают свозить уже с вечера, горы ящиков и мешков заполняют все соседние улицы. Огромное количество грузовиков забивает все подъезды к рынку. С четырех-пяти часов утра начинается перепродажа продуктов розничным торговцам, которые развозят их по своим лавкам и магазинам. Несколько позднее приходят за покупками хозяйки. Днем рынок пустеет и затихает, чтобы перед ночью снова погрузиться в свою лихорадочную напряженную жизнь. В 1936 году к Центральному рынку было пристроено еще два павильона, но и это расширение уже не удовлетворяет современные потребности города. Кроме того, загроможденность всего квартала товарами и грузовым транспортом, создающим сплошные «пробки»

154

в прилегающих улицах, сделали район рынка практически непригодным для городского транспорта и автомашин. Сейчас судьба Центрального рынка уже решена. Идет строительство других рынков в более подходящих для этой цели местах Парижа. В частности, гигантский новый рынок сооружается за чертой города — рядом с аэропортом Орли.

Как же будет застроена освобождающаяся территория прежнего рынка, лежащая в самом центре города? Вопрос этот уже в течение нескольких лет обсуждается парижским муниципалитетом с участием известных архитекторов; учитываются также мнения широкой общественности. После многочисленных конкурсов было выбрано наконец два проекта. Первый из них, принадлежащий архитектору Жану Фожерону, автору павильона Франции на «Экспо-67» в Монреале, чрезвычайно интересен, но его почти фантастически смелое решение никак не связано с историческими традициями и вступает в резкую дисгармонию с архитектурой окружающих кварталов. Кроме того, стоимость строительства будет необычайно высока. По-видимому, более реален проект архитектора де Марьена, сохраняющий старые ценные сооружения прошедших времен и уже существующую планировку этого района. Застройка территории Центрального рынка (которую в свое время предлагал еще знаменитый Ле Корбюзье) — это актуальнейший вопрос в жизни современного Парижа, не переживавшего подобных архитектурных преобразований уже более ста лет.

ПЕР-ЛАШЕЗ — крупнейшее кладбище города Парижа, обязанное своим названием духовнику Людовика XIV — отцу Лашезу (Pere la Chaise). В XVI веке территория, занимаемая теперь кладбищем, находилась за чертой города и была покрыта виноградниками. В 1626 году б*о*льшую часть этих земель купили иезуиты,

155

построившие здесь себе загородный дом. Отец Лашез, принадлежавший к иезуитскому ордену, подолгу жил там, имя его осталось в народе связанным с этим местом. В 1763 году после изгнания иезуитов из Франции владение снова было продано.

В 1803 году участок приобрели городские власти для устройства на нем кладбища, план которого был поручен архитектору Броньяру, автору здания парижской Биржи и

других общественных учреждений. Год спустя кладбище было открыто торжественным перенесением туда праха Мольера и Лафонтена, похороненных ранее на кладбище Сен-Жозеф. Несколько позднее на Пер-Лашез перенесли могилу Бомарше, а в 1816 году там же поставили гробницу Абеляра и Элоизы, вывезенную из местечка Паракле и находившуюся до этого в Музее французских памятников Ленуара.

Кладбище быстро разрасталось. Невозможно перечислить всех выдающихся деятелей политики, науки, литературы и искусства, которые похоронены на нем, начиная с Лавуазье, Бальзака, А. Доде и кончая Россини, Шопеном, Делакруа и Сарой Бернар. 28 мая 1871 года кладбище Пер-Лашез стало местом трагической гибели последних защитников Парижской коммуны. Отстреливаясь от врага, коммунары укрылись на кладбище, но версальцы вечером 27 мая пушкой разбили ворота и проникли внутрь. Завязалась последняя смертельная схватка, во время которой погибло свыше тысячи коммунаров, а на заре следующего дня 147 еще оставшихся в живых были расстреляны у северо-восточной стены кладбища, недалеко от входа. С тех пор стена получила имя Стены коммунаров. Французский народ превратил ее в памятник героям Парижской коммуны. Всегда покрытая цветами, она служит местом паломничества и политических выступлений парижских трудящихся.

156

Во время немецкой оккупации Парижа фашисты, которым была ненавистна память Коммуны, запретили доступ на кладбище, окружив его колючей проволокой, и перебили скульптурные барельефы, украшавшие стену. После войны барельефы были восстановлены в прежнем виде.

СОРБОННА (Парижский университет) обязана своим именем Роберу де Сорбонну, духовнику Людовика IX и автору ученого трактата «О рае», основавшему в 1253 году коллеж для изучения теологии. В это время на левом берегу Сены, недалеко от собора Нотр-Дам, уже существовал ряд подобных коллежей, носивших общее название Парижского университета. Не подчиняясь ни королю, ни городскому муниципалитету, университет пользовался самоуправлением и зависел только от римского папы. Слава его в ученом мире Европы была чрезвычайно велика, привлекая многочисленных студентов, которые обычно селились поблизости от университета. Поскольку для всех этих студентов, прибывавших из разных стран, общим языком был латинский, весь университетский квартал получил название Латинского квартала, которое сохранилось за ним до наших дней. Вскоре после основания коллеж Робера де Сорбонна занял ведущее положение среди всех остальных, дав свое имя всему Парижскому университету. В 1627 году кардинал Ришелье, бывший тогда директором Сорбонны, поручил известному архитектору Жану Лемерсье (1585—1654) перестроить учебные здания и принадлежащую университету церковь. Новая церковь, начатая в 1635 и законченная в 1659 году, явилась одним из первых купольных зданий Парижа и стала как бы композиционным центром всего университетского комплекса зданий. Купол церкви окружен четырьмя небольшими колоколенками; два классических портика с коринфскими колоннами выходят — один на улицу Сен-Жак,

157

Сорбонна

другой во внутренний двор. В церкви находится гробница Ришелье работы скульптора Жирардона. Паруса купола расписаны художником Филиппом де Шампенем.

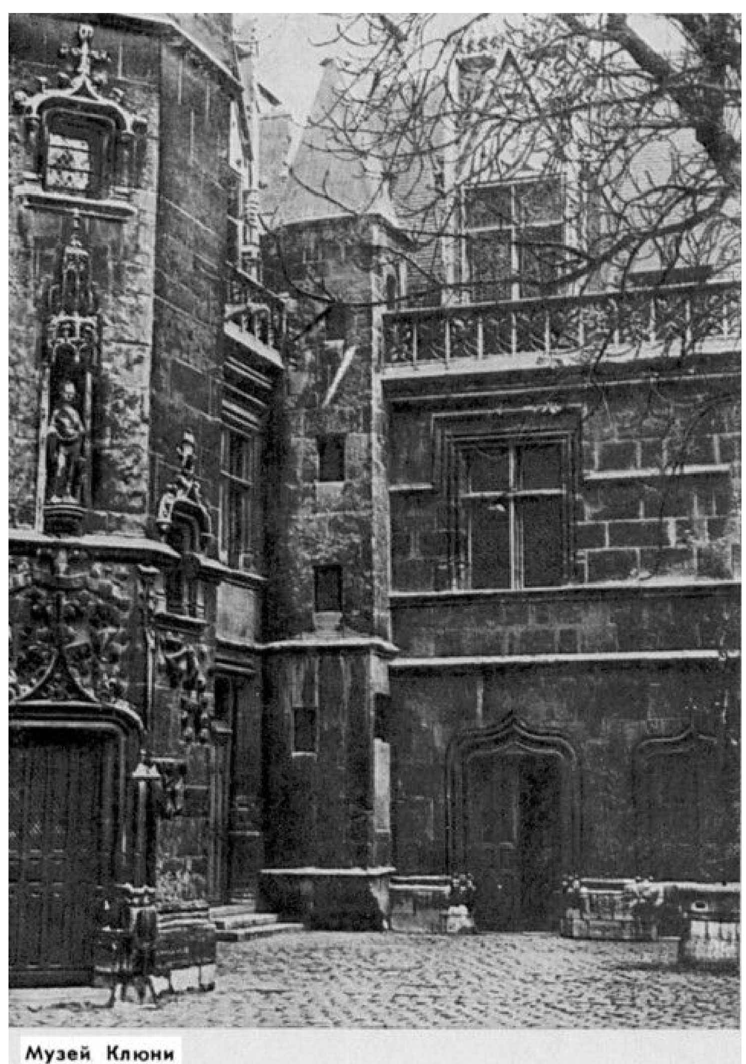
Сорбонна сохраняла свои старые статуты вплоть до революции 1789—1794 годов, которая упразднила прежний университет. Он был восстановлен в 1806 году уже на новой основе, как высшая школа, включающая научные и литературные факультеты. В этом виде он существует и в настоящее время. Между 1885 и 1901 годами старое, уже обветшалое здание Лемерсье было снесено (от него сохранилась лишь церковь) и заменено новыми корпусами, построенными по планам архитектора Нено. В настоящее время в Сорбонне на многочисленных факультетах, большинство из которых размещается уже вне ее стен, учится 60 тысяч студентов, и вновь встает вопрос о необходимом расширении здания, уже не отвечающего современным требованиям.

Вокруг Сорбонны до сих пор группируются все важнейшие учебные заведения Парижа, так же как и студенческие общежития, столовые и клубы, благодаря чему

Латинский квартал и поныне остается центром учащейся молодежи, сохраняя особый, своеобразный облик.

ОТЕЛЬ КЛЮНИ, расположенный у пересечения бульваров Сен-Жермен и Сен-Мишель, примыкает непосредственно к сохранившейся части Дворца терм.

Построенный между 1495 и 1500 годами по заказу аббата богатого Клюнийского монастыря Жака д'Амбуаз, отель Клюни представляет собой выдающийся образец так называемого пламенеющего стиля поздней готики, который предшествовал архитектуре Возрождения. Хотя башенки и зубчатая стена, замыкающая двор, и говорят еще о средневековье, но все это уже не более, чем декоративные мотивы, утратившие свой первоначальный крепост-

Музей Клюни

ной характер. Выходящий во двор фасад со своей легкой аркадой, острыми фронтончиками и кружевным орнаментом окон и балюстрад исключительно живописен. Выступающая пятигранная башня заключает в себе лестницу, ведущую вверх. Все эти разнообразные элементы придают зданию изысканный вид. Это уже не суровый замок феодала, а жилой городской дом, свидетельствующий о новых вкусах и совершенно ином жизненном укладе.

Отель Клюни постоянно был резиденцией каких-нибудь высокопоставленных особ. В XVII веке в нем жили папские послы, в том числе кардинал Мазарини — будущий некоронованный правитель Франции. В 1844 году здесь был открыт Музей средневекового искусства, основой которого явилось прекрасное собрание А. де Соммерара. В настоящее время в Музее Клюни сосредоточены богатейшие коллекции прикладного искусства и материальной культуры V—XV веков. В нем хранятся драгоценные ювелирные изделия, такие, как золотой складень из Базельского собора (XI в.), лиможские эмали, произведения из слоновой кости, замечательные образцы керамики, витражей и деревянной резьбы. Редким богатством и разнообразием отличаются коллекции костюмов и мебели. Особую ценность представляет собрание тканей и ковров, к числу которых принадлежат знаменитые серии тканых шпалер «История св. Стефана», «Дама с единорогом», занимающая один из центральных залов музея, и др.

ПАНТЕОН — усыпальница великих людей Франции и один из знаменитейших архитектурных памятников столицы — расположен на возвышенности левого берега Сены, недалеко от университета. На этом месте некогда находилось древнее аббатство св. Женевьевы, считавшейся покровительницей Парижа.

В 1744 году Людовик XV дал обет построить в честь святой новый великолепный храм. Строителем был избран архитектор

Суффло (1713—1780), знаток и любитель античности. В 1755 году он представил свои проекты. В 1757 году начались работы по возведению здания, но постоянная нехватка средств и начавшееся оседание фундаментов затянули постройку до 1790 года. Сам Суффло, умерший в 1780 году, не увидел ее завершения; здание было закончено его учеником, талантливым теоретиком и конструктором Ж. Ронделе. Во время Великой французской революции в 1791 году храм Женевьевы был превращен в Пантеон и предназначен для погребения великих людей родины. Тогда же туда перенесли прах Вольтера и прах Руссо (изъятые впоследствии при реставрации Бурбонов). В течение XIX века Пантеон несколько раз менял свое назначение, дважды возвращаясь во владение церкви, и лишь в 1885 году после торжественных похорон Виктора Гюго за Пантеоном окончательно утвердилось назначение, данное ему в годы революции. В нем похоронены Эмиль Золя, Жан Жорес, выдающийся физик и деятель Сопротивления Поль Ланжевен и другие. Архитектура Пантеона проста и величественна и представляет собой яркий образец классицизма второй половины XVIII века. Крестообразное в плане здание увенчано грандиозным куполом на окруженном колоннами барабане. Его высота равняется 83 метрам. Главный фасад выделен громадным шестиколонным портиком коринфского ордера, напоминающим портик античного Пантеона в Риме. Отсутствие окон подчеркивает мощь стен, скупо декорированных по верху барельефными гирляндами. На фронтоне портика помещена скульптурная группа работы скульптора Давида д'Анжера, изображающая Францию, которая раздает венки своим детям, а под нею подпись: **«Великим людям — благодарная родина».** Огромное внутреннее пространство Пантеона с колоннадами и различными уровнями пола способствует разнообразию аспектов и впечатлений. Среди росписей наибольший интерес представ-

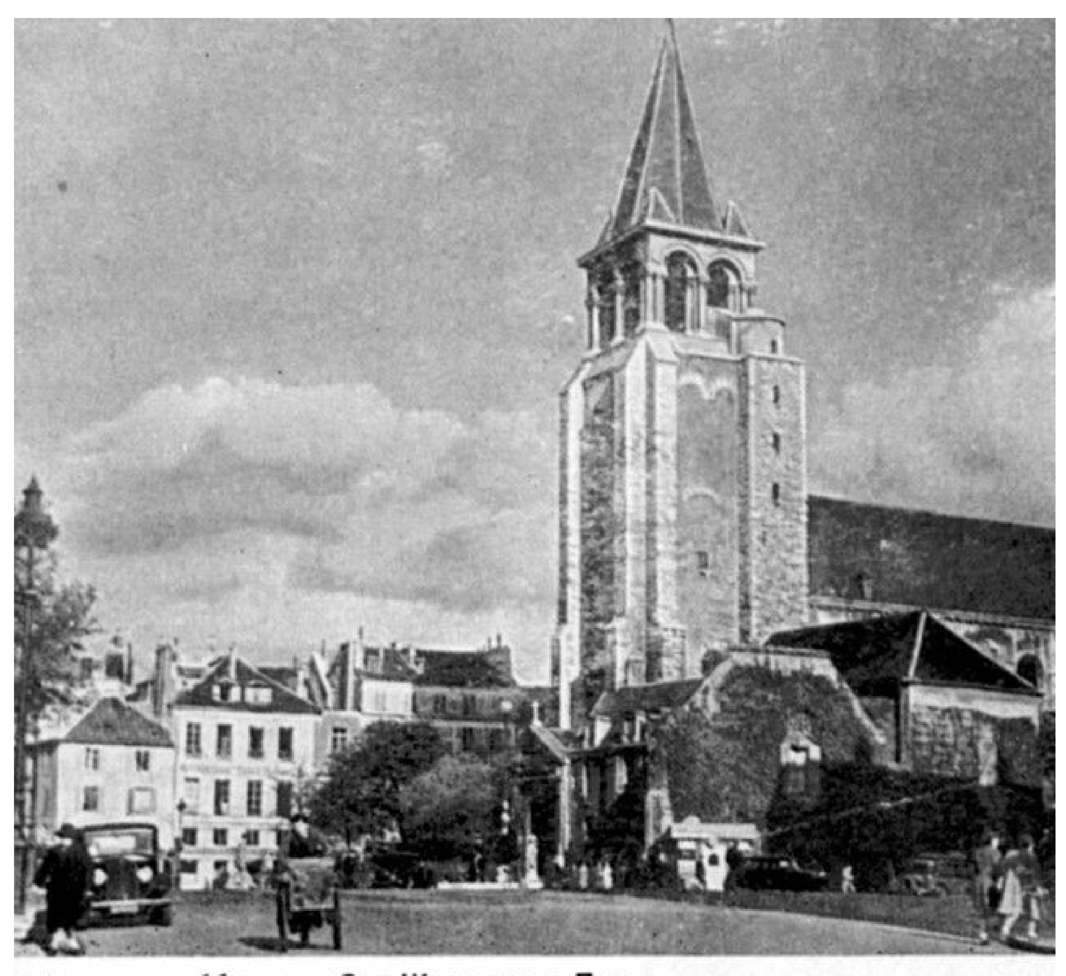

Пантеон

ляют композиции Пюви де Шаванна, изображающие сцены из жизни св. Женевьевы, исполненные в 1874—1898 годах. Чрезвычайно величествен купол Пантеона диаметром 23 метра, сооруженный архитектором Ронделе и состоящий из трех оболочек. Через проем кессонированного нижнего купола открывается как бы вид на небо, где зритель видит роспись, выполненную художником А. Гро на средней оболочке: «Св. Женевьева благословляет королей Франции». В целом все здание Пантеона отличается предельной ясностью и логикой архитектурных форм, что придает ему оттенок некоторой холодности, но в то же время делает его чрезвычайно выразительным памятником своей эпохи, как бы олицетворяющим в величественно монументальных формах то торжество разума, к которому она стремилась.

КОЛЛЕЖ ДЕ ФРАНС был основан Франциском I вблизи от Сорбонны в 1530 году. Первоначально он назывался Коллежем королевских лекторов и его основной целью было чтение бесплатных публичных лекций по всем отраслям знаний. Это свое назначение Коллеж де Франс сохраняет до наших дней. Здесь читали лекции Кювье, Ампер, Мишле, Шамполион, Ренан, Бертело, Фредерик Жолио-Кюри и многие другие знаменитые ученые. В Коллеж де Франс имеется пятьдесят научных кафедр, распределенных между тремя секциями: математических, естественных и физических наук, филологических и исторических, философских и социальных. Здание, в котором теперь помещается Коллеж де Франс, построено еще в 1778 году. В настоящее время ведутся работы по его расширению и модернизации.

ЦЕРКОВЬ АББАТСТВА СЕН-ЖЕРМЕН-ДЕ-ПРЕ, стоящая на большом бульваре ее же имени, является сейчас самой древней из церквей Парижа. Возникновение аббатства связано с именем св. Жер-

Церковь аббатства Сен-Жермен-де-Пре

мена, епископа Парижского, и относится к VI веку. Аббатство находилось тогда еще за чертой города, в «чистом поле», откуда и произошло его название («де Пре» — значит «в лугах»). Здесь хоронили первых французских королей из династии Меровингов, пока Дагоберт I не перенес их усыпальницу в Сен-Дени (в VII в.). В течение IX века аббатство неоднократно жгли и грабили норманны. В конце X столетия здание церкви

было перестроено, и именно тогда оно получило тот вид, который более или менее сохранился до нашего времени, представляя собой характерный образец ранней романской архитектуры. Алтарная часть церкви

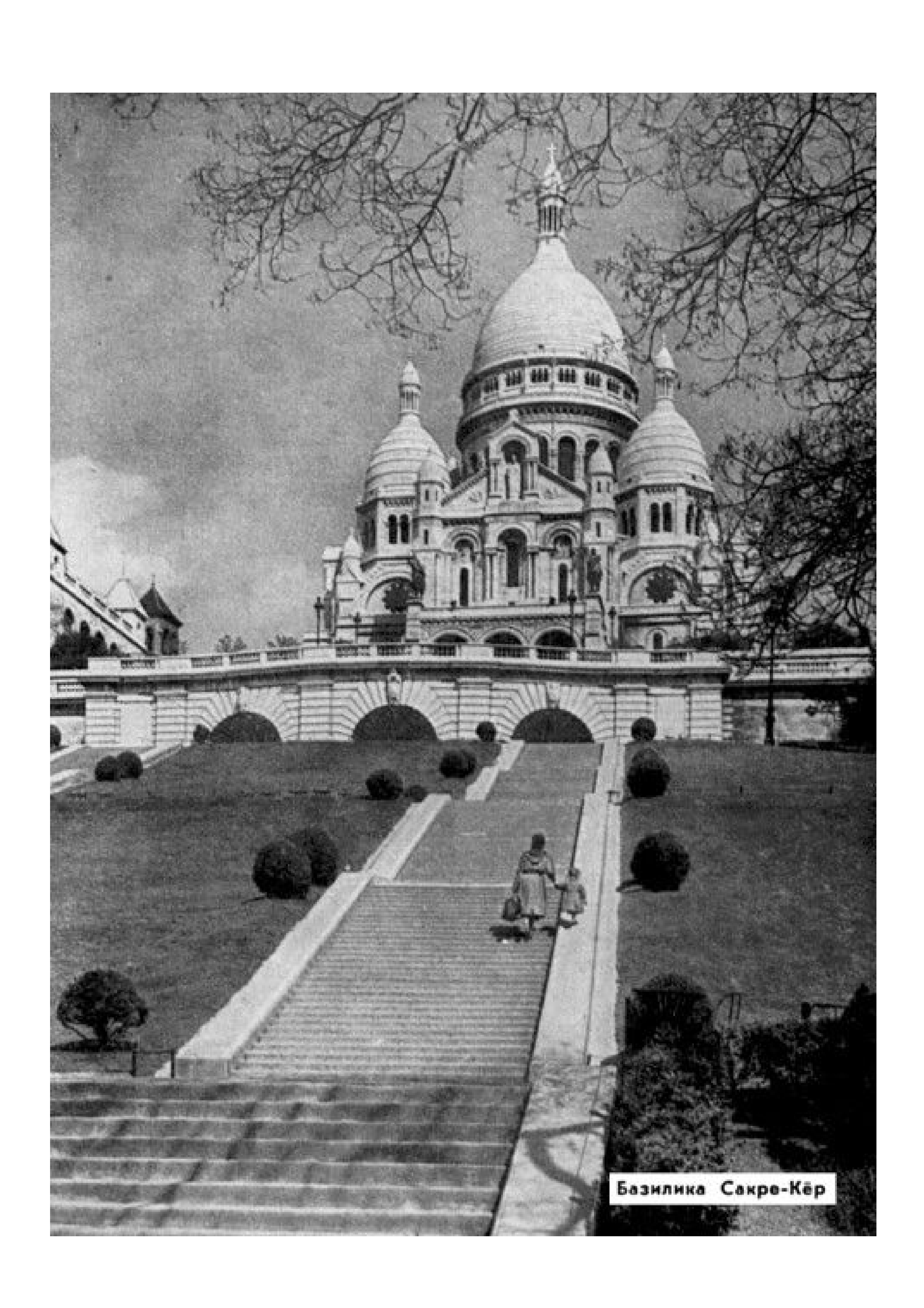
165

была переделана около 1163 года в зарождающемся тогда готическом стиле. В XVII веке церковь вновь перестраивалась, а реставрации XIX века в свою очередь привнесли некоторые изменения в ее облик. Так, например, колокольная башня получила новое увенчание. В течение многих веков богатое и могущественное аббатство Сен-Жермен пользовалось большим престижем в средневековом мире. В конце XVII века его аббатом был польский король Ян-Казимир, отрекшийся от престола в 1669 году.

БАЗИЛИКА САКРЕ-КЁР (сердца Христова), стоящая на вершине Монмартрского холма, была построена в память жертв франко-прусской войны 1870 года. Деньги на ее возведение собирались по общественной подписке. Для строительства был принят проект архитектора Абади (1812—1884), победившего на конкурсе, объявленном по этому случаю. Работы начались в 1875 году, но вскоре их пришлось прервать, так как почва холма, насквозь изрытого старыми каменоломнями, не выдержала тяжести здания и дала сильную осадку. Пришлось проводить дополнительные мероприятия по укреплению почвы и фундаментов, что сильно затянуло строительство. Архитектор Абади умер, не дождавшись его конца. Церковь была завершена лишь накануне первой мировой войны и окончательно освящена в 1919 году.

Базилика Сакре-Кёр построена в романо-византийском стиле, который вошел в моду в конце прошлого столетия. Ее вытянутые вверх купола подражают куполам знаменитой церкви XII века Сен-Фрон в Перигё, на юге Франции. Высокий белый силуэт храма, выступающий на фоне неба, хорошо просматривается издали, но само здание не принадлежит к числу лучших памятников Парижа. В стилистическом отношении оно остается чуждым как готическим зданиям средневекового Парижа, так и его классической архитектуре XVII—XIX веков.

166

Базилика Сакре-Кёр

Содержание

На суперобложке:

ВИД НА ПАВИЛЬОН ФЛОРЫ С НАБЕРЕЖНОЙ СЕНЫ

ПЛОЩАДЬ СОГЛАСИЯ НОЧЬЮ